

ПИОНЕР

МАРТ 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1962 г.

МАМА БУДЕТ РАДА — Фото М. Окушко.

Год издания 39-й

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

МАРТ

Г. САПГИР

Стоят, задумались дома:
Это весна
Или зима?
Снег идет —
Это зима.
Тает лед —
Это весна.
Солнце греет —
Это весна.
Все леденеет —
Это зима.
Дождик и снег —
Вот кутерьма!
Это весна?
Или все же
Зима?

Фото С. Карасева.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА" 1962 г.

РЕКА МОЯ АНГАРА

Анатолий МОШКОВСКИЙ **Рисунки О. Коровина.**

ПОВЕСТЬ

I

сли я сразу начну про Ангару, вы ничего не поймете, поэтому вначале я должен хоть немного рассказать про нашу жизнь до отъезда.

Вообще-то во всем были виноваты только два человека: Колька Дугин и я (а мне в те незапамятные времена было десять с хвостиком).

Все началось в тот день, когда Колька втравил меня в строительство своего космического корабля. Десять лет жил я в нашем городке и даже не подозревал, что на окраине в деревянном домишке под зеленой крышей проживает человек, строящий космический корабль...

Помню, Варя — это жена старшего брата, Степана,— утром всучила мне большой вонючий бидон и погнала в лавку за керосином. Керосина в ближней лавке не оказалось, и я потащился на другой конец города.

Покрепче заткнув деревянную пробку в бидоне, я двинулся назад и, как назло, наступив на доску, вогнал в пятку занозу.

Я присел на траву, подогнул ногу, уцепил ногтями кончик занозы и выдернул.

На землю передо мной упала тень.

— Привет! — сказала тень.

Надо мной стоял Колька Дугин, тот самый Колька, о котором я говорил вначале и который, можно сказать, перевернул всю мою жизнь.

— Здорово! — ответил я и приложил к ранке от занозы холодный листок подорожника.— Чего нового?

— У меня есть к тебе предложение,— сказал Колька.— Не хочешь строить ракету?

— Что-о-о?

— Космический корабль, экспериментальный экземпляр,— спокойно сказал Колька.

Я внимательно посмотрел на него. Все ли у него дома? Он был не босиком, как я, а в ботинках, в коричневом вельветовом костюмчике, вытертом на коленях, локтях и на том месте, на котором сидят. Лицо у него было очень серьезное. Загорело оно мало. Не то что у меня. У меня оно все сожжено солнцем, шкура на носу облезла, покраснела, а на плечах слезала уже раза три и висит клочьями. И все потому, что я редко торчу дома и хожу без всяких рубах, даже без майки.

— Ну, так как? — спросил Колька.

Я понимал, что он, конечно, врет, но смеха ради не отказался. К тому же, как я слыхал от ребят, у Кольки в огороде было полно всего, а я, говоря по совести, просто обожаю горох в стручках, особенно сахарный, неплохо отношусь к огурцам, даже морковку и ту не очень презираю.

— Можно,— сказал я,— только вначале мне нужно бидон домой дотащить. Ух, и тяжелина! Донесу ли...

— А я на что? Только палку найдем.

Я выломал из заборчика сквера дощечку, просунул ее под ручку бидона, и мы за каких-нибудь двадцать минут добрались до моего дома. Потом налегке пошли назад, и всю дорогу Колька посвящал меня в свою затею.

Я старался не возражать ему, больше помалкивал.

Двор у них был аккуратный: подметенный, с клумбами и лавочкой у террасы, не то что у нас. Против дома — сарай и какие-то курятники; ниже, до самой реки, тянется огромный зеленый огород. Чего в нем только нет!

Мой глаз сразу определил, где что растет. Но я понимал: сразу туда не сунешься, вначале нужно и его ракете уделить внимание.

Мы вошли на террасу, присели за столик.

Колька принес свою старую тетрадку по арифметике с несколькими чистыми листами, вырвал один. Поплевал на лист, размазал пальцем и химическим карандашом вывел: «РАКЕТОСТРОЙ».

Закинув ногу на ногу, я наблюдал, как он старательно обводил каждую букву. Я смотрел на его строгое, немного надменное лицо, деловито сжатые губы, и мне хотелось со смеху лопнуть. Но я терпеливо молчал, ожидая, что будет дальше.

Покончив с надписью, Колька принес фанерку, хлебным мякишем приклеил к ней листок и потом приколотил к двери сарая.

— Ну как? — спросил он.

— Нормально.

— Это наш завод,— сказал Колька, показывая черенком молотка на сарай.

Я кивнул головой.

— Я директор завода и главный инженер.

— А я кто?

— Ты рабочий класс.

Я хихикнул и принялся отгонять от себя пчелу.

Далее Колька взял с меня клятву, что я никому не проболтаюсь, так как наш завод секретный. Только после этого я был впущен на секретный завод.

Ничего особенного он не представлял. Обыкновенный сарай. У стены стоят рассохшиеся бочки, треснувшее корыто, санки, ломаные стулья и еще какая-то рухлядь. Но порядок в сарае был образцовый. И еще я не сказал вот о чем.

Возле стенки стоял верстачок с тисками и небольшой наковальней, ящик с инструментами. Здесь, как я сразу понял, был главный цех ракетного завода. Снаружи светило солнце, щебетали воробьи, в клетках смешно, по-птичьи попискивали кролики.

— Приступим сегодня? — спросил Колька.

— А как же,— сказал я,— приступим немедленно.

Мой энтузиазм, видно, пришелся Кольке по душе, потому что он сказал:

— Отлично.

Он вытащил из ящика над верстаком папку с бумагами, разложил их и сказал, что это чертежи космического корабля. Их было штук десять. На одном — общий вид ракеты, на втором — устройство стартовой площадки, на остальных — части ракеты: хвост, двигатель, нос и тому подобное.

Чертежи были сделаны тушью. Меня просто поразила точность линий, аккуратных надписей и цифр. Я б, кажется, за целый год не сделал таких. Просто терпения не хватило бы!

Я боялся даже прикоснуться к этим бумагам, потому что со вчерашнего вечера забыл помыть руки, а от керосинового бидона и всего, что я брал сегодня в руки, они не стали чище.

Колька показывал чертеж за чертежом, объяснял устройство двигателя и прочего. Я скоро устал от его голоса и слушал не то, что он говорит, а щебет воробьев за сараем и писк кроликов в клетках.

2

Колька дал мне полоску жести, а говоря точнее, консервную банку с отрезанным дном, и велел выпрямить ее на наковальне.

Я принялся изо всех сил колотить по жести, которая должна была в скором времени стать частью обшивки корпуса корабля.

— А тише нельзя? — спросил Колька.— Ведь оглохнуть можно. Я уже плохо слышу на левое ухо.

— Пожалуйста,— сказал я.— Можно и потише.

Потом он велел мне нарубить зубилом толстую проволоку на куски. При этом он добавил:

— Только осторожней. Не поранься...

Каждый кусок проволоки, отрубленный мною, он измерял железным метром. Узнав, что я в одном случае перебрал три миллиметра, а в другом срубил два лишних, Колька набросился на меня:

— Эге-е, браток, так не пойдет! Брак даешь.

— Подумаешь, каких-то два миллиметра!

— А ты что думал? Здесь особая точность нужна. Вот возьмет ракета и не взлетит.

Пока я орудовал молотком и зубилом, Колька занимался более тонкой работой: по чертежу вырезал из жести листы обшивки.

Часа через два в сарае стало невыносимо душно, и мне захотелось пить. Я сказал об этом Кольке.

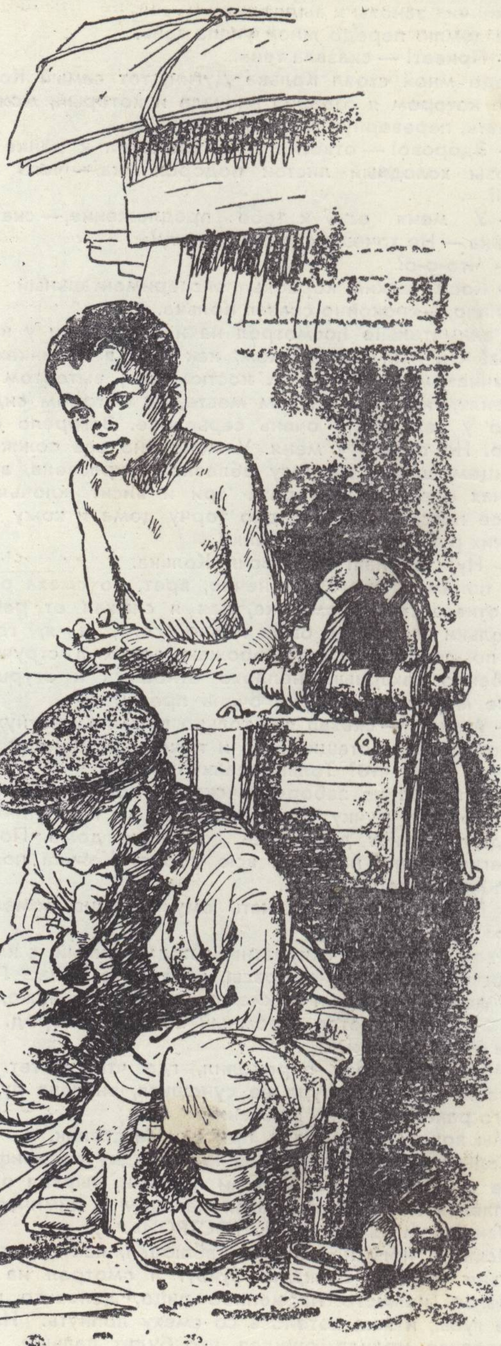
— Сбегай в огород и нарви огурчиков,— разрешил он.— Только плети не помни.

Ух как я обрадовался, выскочив из этого сарая! Оглянулся на окна дома — там вроде никого. Пригнувшись по привычке, я нырнул в огородные грядки, нарвал с десяток холодных, колючих, как ежики, огурчиков, сунул в правый карман.

Потом пробрался к гороху. Он рос густой чащей, обвивая воткнутые в землю палочки. Горох не поспел; большинство стручков были плоские, и я жевал их, не раскрывая. Времени у меня было в обрез, и я очень торопился. И все-таки успел наесться до отвала и набить карманы.

После часа работы Колькина мать позвала нас обедать. Обедал я с превеликим удовольствием, потому что Варя не умела варить таких вкусных щей и никогда не клала в них столько сметаны, а жаркое из кролика прямо так и таяло во рту, и я не помню, когда ел что-нибудь похожее.

Впрочем, Колька не замечал, какой у них обед. Даже за столом он рассуждал о своей ракете. Размахивая кроличьей ножкой, он возмущался, почему в охотничьем магазине не продают всем порох, придется-де использовать для горючей смеси двигателя серу от спичек. Для этого нужно достать тысячу коробков, потому что на спичечных фабриках работают последние скряги: забывают о насущных нуждах ракетостроителей и едва обмазывают серой кончики спичек — просто возмутительно!

Часов в шесть вечера я стал замечать в поведении Кольки некоторые странности. Он то и дело вытягивал шею и прислушивался ко всем шумам, долетавшим к нам извне. В его движениях появилась недостойная его служебного положения нервозность.

И даже когда сверху капнуло и на чертеже хвостового оперения космического корабля появилось отвратительное белое пятно, а я с криком бросился за рябой курицей, неизвестно как пробравшейся в сарай, и хватил ее изо всей силы палкой, Колька не сказал ни слова. До того у него, видно, были натянуты нервы.

А я ничего не понимал.

Ровно в половине седьмого во дворе громко стукнула калитка, и Колька сказал:

— Пришла.

Голос у него был, как у смертельно больного.

— Кто пришел? — спросил я, крайне заинтересованный.

— Она.

Нет, Колька, наверное, и правда немного тронулся от этой ракеты.

Он перестал лязгать ножницами по железу, нахмурился, и его черные брови мрачно сошлись на переносице.

Умолк и я. На минуту завод прекратил работу, и тогда в напряженной тишине вечера стали слышны скрип туфель во дворе, легкое постукивание их на ступеньках и громкий стук входной двери.

Потом ничего не было слышно, кроме оглушительного петушиного «ку-ка-реку» и глупых куриных «ко-ко».

Колька начал собирать чертежи, прятать инструменты, и лицо его по-прежнему оставалось мрачным и жестким.

— Чего там такое? — спросил я.— Еще можно поработать.

— И поработаешь,— уронил Колька.— Марфа пришла.

Скоро в доме опять хлопнула дверь, во дворе раздались шаги.

Дверь сарая открылась, и на солнечном полу появилась тень.

Я перестал дышать.

На пороге появилась девушка в выцветшем сарафане и брезентовых туфлях на босу ногу. Хотя вечернее солнце светило у нее за спиной и лицо ее было в тени, я заметил, что она очень симпатичная, можно даже сказать, красивая. Ее руки, шея и лицо загорели, и она была как негритенок, только зубы и белки глаз поблескивали белизной... Она брала из горсти семечки и громко щелкала.

— А... ты не один? — сказала она.— Здравствуй, мальчик.

Голос у нее был мягкий, певучий, совсем не страшный.

— Здравствуйте,— сказал я.

Она оглядела сарай, вошла внутрь, хотела, видно, что-то сказать, но не сказала. Я помешал, что ли. Все-таки в конце концов она сказала, но, наверное, не то, что хотела.

— Очень трудно было кроликам травы подбросить? Скажи, мальчик,— обратилась она вдруг ко мне,— это очень трудно?

Я не хотел вредить Кольке.

— Не знаю,— сказал я,— у нас нет кроликов.

— Ну, а огород у вас есть? Трудно было полить помидоры? Ведь сохнут же...

У нас на огороде не было помидоров, одна картошка, но признаться в этом мне почему-то стало стыдно, и я сказал:

— А чего там трудного, взял воду и полил.

— Ты это Коле скажи, а не мне.

Я почесал пяткой лодыжку другой ноги. Положение у меня было дурацкое. Ясно, что я должен держать сторону своего дружка.

Здесь Колька нервно зевнул, потянулся, хрустнув косточками, и полным равнодушия голосом сказал:

— Порвем травы кроликам, что ли?

— Можно,— сказал я.

И мы пошли в огород рвать траву.

— А может, немного воду поносим? — спросил Колька.

— Давай.

Я, признаться, не такой уж любитель таскать воду и вообще быть ишаком у взрослых, но сейчас я был в гостях и не мог отказаться.

Колодец находился метрах в двухстах от дома. Вода была нужна не одним нам, и мы дожидались очереди, надрываясь, вытаскивали из глубины бадью, наскоро разливали воду в ведра и мелкими шажками бежали к огороду.

Дужки резали руки. Я ужасно устал, но вида не показывал. Я выливал свою воду в лейки, и Марфа поливала подвязанные к палочкам помидоры и другие овощи.

Мне она в основном улыбалась, а на Кольку только покрикивала:

— Чего как неживой?

А ведь Колька куда сильней меня и шевелился гораздо быстрей.

Я твердо решил, что больше не приду в этот дом,— нашли дурака!

3

Летом темнеет поздно, и работали мы до тех пор, пока на небе не появились первые звезды. Я не мог дождаться, когда наконец Марфа скажет: хватит. Но она все не говорила и продолжала поливать нашей водой свои бесчисленные помидоры, огурцы и морковку.

Руки у меня повисали, как плети, коленки ныли, дыхание стало прерывистым. Словом, я здорово устал. Не помню случая, чтоб меня заставили так работать дома.

И все-таки я дождался конца работы.

Мы помыли ноги, ополоснулись из рукомойника во дворе, и Колькина мать стала звать нас домой ужинать.

Никогда я так не ужинал. Может, все дело в том, что в нашем доме не было настоящей хозяйки: мама умерла давно, и я едва помнил ее, а у Вари

не было в голове, как выражался папа, каких-то хозяйственных винтиков.

После ужина Колька повел меня в другие комнаты и стал показывать свои книжки о ракетах и подводных лодках. Техника, признаться, меня не очень волновала, и один мой глаз скользил по картинкам, а другой — по комнате.

В комнате было очень чистенько. Полы застланы разными ковриками, стены увешаны белыми дорожками, вышитыми лебедями, зайцами и петухами. Даже в глазах с непривычки пестрило.

Как только мы кончили ужинать, Марфа сразу принялась что-то вышивать на круглых пяльцах — не то белую лошадку, не то еще одного лебедя, и я сразу догадался, чьих рук дело все эти коврики и вышивки.

Она, сгорбившись, сидела на стуле у окна, вся смуглая от загара, тихая и совсем негрозная, мурлыкала что-то про себя. И я пожалел, почему наша Варя нисколечко не похожа на нее...

Мне не хотелось покидать этот дом, а покинуть его, наверное, было пора, потому что отец и мать Кольки пошли спать и за окнами было темно.

Однако меня никто не выгонял из дому, и я не уходил. Правда, время от времени я вспоминал слова Степана, что всякий гость не должен злоупотреблять гостеприимством. Но откуда же я мог знать, когда время смотаться: сейчас или часика через полтора? И я решил зорко следить за поведением Кольки, наверное, он намекнет, когда пора убираться...

Он дернул меня за руку и потащил в кухню.

— Спать ложишься? — спросил я.

Он удивленно посмотрел на меня.

— Вышел из того возраста.

И о чем, вы думаете, завел Колька разговор?

Все о тех же ракетах. Честное слово.

У меня даже уши стали вянуть от всех этих разговорчиков. Ну какое мне было дело до того, преодолеет его ракета какое-то там земное притяжение или не преодолеет, выйдет на орбиту или нет!

В дверь постучали.

Мы с Колькой переглянулись. Он встал, чтоб открыть, но тут из столовой быстро вышла Марфа, и с террасы донесся ее голос:

— Кто там?

Я почему-то побледнел. От стука в дверь поздней ночью меня всегда немножко бросает в дрожь. То ли от рассказов про грабежи и убийства, то ли еще отчего. Не знаю.

— Простите, мой оголец не у вас? — донеслось снаружи, и я сразу страшно покраснел, потому что узнал голос.

— Это Боря,— сказал я.— Открывайте, не бойтесь.

Марфа недоверчиво посмотрела на меня, положила руку на щеколду, но не открыла ее.

— А кто это такой?

И тут я понял, что они и не знают о существовании моего брата по имени Борис, который гораздо лучше Степана и всегда держит мою сторону.

— Это брат мой,— сказал я,— родной.

Марфа открыла, и на пороге кухни появился Борис, высоченный, улыбающийся, в синей ковбойке с закатанными по локоть рукавами. Волосы на его макушке торчали вихром, ворот рубахи был небрежно распахнут чуть ли не до самого живота.

С минуту он жмурился от яркого света. Потом, увидев Марфу, стал быстро застегиваться и приглаживать вихор.

Вначале я было удивился, откуда он узнал, где я, но потом вспомнил, что сказал Варе, куда пойду.

— Простите за позднее вторжение,— сказал он очень вежливо,— я родственник вот этого типа.— Он указал пальцем на меня, и я подумал, что он мог бы выразиться и помягче.

Хорошо, хоть Марфа не придала этому никакого значения, а только рассмеялась, и лицо у нее стало очень оживленное, совсем как у девчонки, хотя она уже, по словам Кольки, была почтовым работником, и не простым почтальоном, а куда важнее: она продавала марки и принимала заказные письма...

— Садитесь, пожалуйста,— сказала она.

— Спасибо.

Он вел себя не так, как всегда. Нельзя сказать, чтоб «спасибо» было его любимым словом, а здесь он повторил его раза три за две минуты. Вообще-то Борис страшно безалаберный, легкомысленный и какой-то весь непричесанный.

Он снова сказал свое «спасибо» и все равно не сел. И я понимал его. Он привык махать руками, двигать во время разговора ногой, хвататься за голову, выделывать пальцами черт знает что. Хорошо себя чувствуешь стоя. А как сядешь, тебя словно скует что. По себе знаю.

Сидя и смеешься по-другому, и мысли в голову идут не так охотно, и делаешься более робким, вялым и вообще совсем иным человеком. Уж можете поверить мне.

— А домой ты идти думаешь или нет? — спросил у меня Борис, а сам смотрел в пространство между Колькой и Марфой.

— Придется,— сказал я.

— А что они у вас такое делали? — спросил он у Марфы.

— На Луну собираются. Из консервных банок ракету сооружают.

Тут Колька не выдержал.

— На Луну нам неинтересно. Мы с ним на Марс.

Серьезно так ответил, и я едва удержался, чтоб не прыснуть.

— Ого,— сказал Борис, сунув руки в карманы своих мятых брюк и покачав плечами,— вы, я вижу, дельные ребята.

— А чего нам,— сказал Колька.

Дальше Борис стал просто издеваться над нами.

— Только я очень прошу вас,— обратился он к Марфе,— пожалуйста, не пускайте их дальше Марса, а то далековато, домой не докличешься.

Я слушал его, и мне хотелось улыбаться: все же мы с Борисом родные братья и устроены немножко похоже, нрав у нас довольно смешливый, не то что у этого Кольки... И все-таки, глядя на Колькино насупленно-серьезное лицо, я из чувства солидарности решил сохранять строгость, до боли сжал зубы, и, как говорится в романах с приключениями, ни один мускул не дрогнул на моем лице.

Когда Борис попросил Марфу не пускать нас дальше Марса, она, разумеется, прыснула, как девчонка, и сказала:

— Постараюсь.

— Уж в этом можете быть уверены,— мрачно заявил Колька,— она свое слово сдержит.

— Ну! — воскликнул Борис и опять пригладил вихор, который, как проволочный, тотчас вскочил, лишь он убрал руку.— Строгая?

— Жуть!

— Непохоже что-то.

Борис пристально посмотрел на Марфу.

Она куснула губу, досадливо опустила плечи и посмотрела куда-то вниз, на мои ноги. Мне стало неловко: они были черные, корявые, с коркой грязи, словно короста. Я ведь только сделал вид, что мыл их, а сам плеснул разика два водой, и все.

Я быстро убрал ноги под стол, в тень.

— Ну что ж, нам пора,— сказал Борис,— еще раз извините.

— Что вы! — сказала Марфа.— Пожалуйста!

Я никогда не видел таких вежливых людей, словно лорды какие-то, а не люди.

— Спокойной ночи,— сказал Борис.

— Спасибо. И вам спокойной ночи.

Брат вывел меня на крылечко террасы так быстро, что я даже не успел попрощаться с Колькой.

За нами звякнула щеколда. На террасе горел свет, и я оглянулся, чтоб хоть рукой помахать Кольке. Но его не было там. На фоне белой занавески я увидел лишь черный неподвижный силуэт Марфы. Ей махать мне было ни к чему.

Борис закрыл на деревянную вертушку калитку, и мы пошли по тихой ночной улице.

— Это его сестра? — спросил Борис.

— Да.

— А как ее зовут?

— Марфа.

— Ну, пошли быстрей, а то не выспимся.

4

Проснулся я ровно в двенадцать дня. Вставать все равно не хотелось. Есть тоже не хотелось. Хотя мой живот и уменьшился в размерах, все-таки вчерашний обед и ужин еще давали себя знать.

На спинке стула висели мои пыльные штаны с добрым десятком дыр, с бахромой внизу и пятнами от голубой масляной краски. И вдруг я вспомнил вчерашний день, схватил штаны и сунул руку в левый карман. Там, конечно, был горох, мой любимый, вкуснейший горох!

Я вытряхнул его вместе с крошками и двумя гайками на одеяло и принялся быстро есть. Вот находка так находка! Стручки за ночь немного завяли, но зеленые ядрышки по-прежнему были крепенькие и свежие.

Я в десять минут, как заяц, уничтожил стручки и опять решил немного вздремнуть. День был серый, и на улицу не тянуло.

Но всему помешала Варя. Она такая высокая, худющая, костистая и неимоверно злая. Варя работает швеей в ателье индпошива, а не может заштопать мои штаны и все время кричит, что я жалкий лоботряс и должен сам себя обслуживать, слуг в доме нет...

Не хватало мне еще возиться с нитками-иголками, девчонка я, что ли? К тому же штаны порваны в таких местах, где не очень заметно. Пожалуй, до осени пробегаю, а там надену школьную форму: в форменных штанах только две дырки, и они совсем не заметны.

Варя сорвала с меня одеяло, смахнула на пол кожуру стручков и еще заставила подбирать ее. Я быстро натянул штаны и выбежал из дому, злой, как черт.

Варя что-то кричала мне в спину по поводу таза, который я должен отнести в мастерскую. Пусть покричит, голос у нее зычный, не убудет его.

Я побродил по улицам, попугал кошек в бурьяне. А потом... Потом поплелся в другой конец города...

Колька меня встретил не очень дружелюбно.

— Чего на работу опаздываешь? Иди за консервными банками... Ну?

Что мне оставалось еще делать? Я взял у него огромную, растянутую до размеров мешка авоську и пошел по свалкам.

В этот день мы заготовляли стройматериал, а го-

воря попросту, обрезали у банок донца и выпрямляли листы будущей обшивки ракеты...

А потом мы обедали, а затем явилась с работы Марфа, и я уже не был удивлен, когда мы снова стали таскать воду и кормить все тех же кроликов.

Когда чуть стемнело, лязгнула калитка и во двор вошел... Кто бы вы думали? Мой Борис. Он подошел к крыльцу насквозь пропахший одеколоном: черные отглаженные брюки, белая рубаха с закатанными рукавами, затылок свежеподстрижен, а начищенные остроносые туфли поблескивали даже в сумерках...

Ай да Борис! Даже не все артисты, наверное, так одеваются!

Но зачем он явился? С огорода пришла Марфа, босая, все в том же стареньком бордовом сарафане, с растрепанными от ветра волосами.

Увидев Бориса, она так и осталась стоять с двумя лейками в руках, сконфузилась, словно провинилась в чем-то.

Борис поздоровался с нею, и голос у него как-то захрипел, осекся, будто он язык нечаянно прикусил. Потом он отвернулся от нее, ссутуленный и тоже какой-то не такой, как всегда, отвернулся, заметил меня и вдруг ни с того ни с сего как заорет на меня бешеным голосом:

— Ты куда забросил мой учебник по электротехнике? Сколько я буду бегать сюда?!

Я опешил. Губы пересохли, а в животе что-то оборвалось.

— Я... Я... Я не брал его.

— Не брал? Знаю я тебя! Еще раз затеряешь — отлуплю.

Я стоял ни жив ни мертв. Меня душили слезы, но я не мог плакать, только ресницы сами моргали. Что-то забило горло, и я едва дышал. Потом я махнул рукой и выбежал со двора.

Я мчался по сумеречным улицам города. Когда пересек центральную улицу, меня словно прорвало, и я смог плакать. Варя кричит и заставляет работать за нее, хочет превратить в слугу. Степан, чуть что сделаешь не так, закладывает средний палец за большой и дает такой щелчок по голове — шишка вспухает. Отец тоже не из ласковых. Единственно, что хорошо в нем,— редко бывает дома, все на работе: то в рейсах, то в гараже. Даже Колька и тот особенно не церемонится со мной, покрикивает и приказывает...

От любого ждал подвоха, каждый мог подвести, но чтоб Борис...

Подходя к дому, я насухо вытер глаза и вошел на крыльцо.

Все дома были в сборе, ужинали, но я даже не взглянул на них. Я бросился в комнатушку с ободранными обоями, где спал с Борисом и отцом, и стал перебирать все книги брата.

Вот он стоит, учебник по электротехнике, с коричневым корешком, вот он! И как Борис смеет на меня так орать и грозиться при чужих людях? Не посмотрел хорошенько на книги, а сразу побежал за мной через весь город!

А учебник на месте — только руку протяни.

Сам не знаю, что готов был я сделать с братом...

5

В эту ночь я так и не уснул. Я слышал, как укладывался спать отец. Потом я услышал, как в комнату крадущимся шагом вошел Борис, снял туфли и начал бесшумно раздеваться.

Ах, как я был зол на него! Я ненавидел его. Я не мог даже слышать, как он натягивает на себя одеяло. Я зажал уши и зажмурил глаза. Однако скоро у меня заболели руки и устали веки. Я отпустил уши и приоткрыл глаза.

Борис не уснул так быстро, как отец, и я не слышал его дыхания. Он лежал и, по-моему, смотрел в потолок. Видеть его я не мог, так как лежал спиной к нему.

Часа два не засыпал он, и я боялся шевельнуться, а потом уже, когда на улице загорланили петухи и на пол упали солнечные лучи, засопел и он, и я облегченно вздохнул: наконец-то!

Я лежал и думал, что у меня, в сущности, ужасно паршивая жизнь. Ну, от отца ласки ждать не приходится: старый, усталый человек; брат Степан издавна почему-то невзлюбил меня — это тоже понять можно; его Варя чужая, почему она должна питать ко мне нежные чувства? Но вот Борис...

Ах, как горько было ошибиться в нем! Ведь с ним у меня не было серьезных стычек и ссор. Я всегда держал его сторону. Даже тогда, когда отец без спросу продал его книги, приходил навеселе и брат не мог простить ему этого. Тогда стекла нашего домика содрогались и звенели от крика, и я пулей вылетал на улицу, чтоб не попасть под горячую руку.

После того как отец валился на койку и, не раздеваясь, засыпал до утра, я смело осуждал его и говорил Борису:

— До чего же он некультурный! Ну, продал бы Золя, а то Лермонтова...

Отец и правда не ценил книг. Даже газет не читал. Зато любил выпить. Возле нашего дома то и дело стояли машины его приятелей, а их у отца завались и в разных транспортных конторах, и в подсобных хозяйствах, и в колхозах.

И всегда, когда возле дома останавливались машины, на столе появлялась поллитровка, соленые огурцы, селедка и нарезанный лук в постном масле, и я до поздней ночи не мог уснуть от возбужденных голосов шоферов. Говорили про износ резины, про дрянные дороги и крыли завгара Грошнова.

Ели смачно, шумно, ругали на чем свет стоит дорожный отдел горисполкома, до упаду хохотали, не обращая внимания на то, что я сплю (заснешь здесь!) за тонкой стенкой. Если дома был Борис, ему тоже наливали граненый стакан, и я слышал, как булькало вино и Борис пил, а потом делал губами так, как будто хотел остановить лошадь: «Тпрр! Мерзость какая!» Шоферы покатывались со смеху, а отец басовито требовал:

— Закусывай... Бери хвост, а то Гришка на него уже зарится... Еще подлить?

— Да ты что, отец?

Шоферы настаивали, чтоб Борису подлили еще, тот всячески увиливал — и правильно делал, ничего хорошего от этого вина нет! Тогда отец как бы оправдывался перед шоферами, заступался за Бориса:

— Куда ему больше! Со столба сорвался, мозжечок отшиб... И без того голова кружится.

Отец, конечно, преувеличивал. Ни с какого столба брат не сорвался, а то, что он лазил на столбы, это было верно. Сейчас объясню почему. Школу он кончил два года назад, подал в Смоленский пединститут, да завалил вступительные. Завалил не потому, что плохо учился, он был чуть не первым учеником в классе. Просто в последние годы, как объяснял Борис, стали не так охотно брать в ин-

ституты из школ, без практики, вот и стали резать...

Помню, Борис вернулся из Смоленска тихий, подавленный, подошел к книжной полке — а книг у него видимо-невидимо — и стал трогать корешки. Отец вроде бы даже был рад.

— Нечего хныкать,— сказал он.— Книги тебе ума не прибавили. Те, что половчей, обскакали тебя. Хочешь, научу, как нашего коника седлать?

— Нет,— уронил Борис.

Отец потер широкий морщинистый лоб.

— Брезгаешь? Не хочешь под машину лезть? Лопатки об землю марать? С ОРУДом мытариться? Так? Вижу, что так. Правильно, что взялись наконец за вас, сопляков. Чуть из-за парты вылез, рубля не заработал, пуговицы к порткам пришить не научился, а уж нос дерет: подай мне институт, высшую образованию! С чистенькими руками и полными карманами жить хочу. Не так? В руководители лезем. На двоих работяг три руководителя. Поучают, приказы пишут, распекают. А ты внизу побудь, потрись ребрами о нас, хлебни нашей житухи, а потом уж в начальники лезь...

Борис угрюмо молчал. Потом бросил:

— В шофера не пойду.

И не пошел. Он так и не сказал никому в доме, кем хочет стать. Даже мне не сказал. Он уже не бегал со мной купаться на Мутнянку, не стрелял со мной из лука по консервным банкам (а то, бывало, ой как любил!). Уходил куда-то допоздна, стал меньше смеяться, и вообще у него почти ничего не осталось от мальчишки.

А потом выяснилось: стал монтером. Он затягивал на ногах полукруглые, в острых зазубринах «когти», застегивал монтажный пояс и, бряцая роликами и кусачками в кожаной сумке, лазил на столбы, устраняя повреждения на линии.

Отец скоро смирился с его работой.

— Не нравится дороги гладить — лазай по столбам. Только под напряжение не попади. В резине работай. А то я видел одного такого. Стукнуло — и готово. Электричество — с ним шутки плохи.

— Спасибо, а то не знал.

Отец махнул рукой.

— Всяк по-своему цепляется за жизнь. Ты «когтями», может, и они неплохо держат.

— Вот именно.

Что касается меня, то я лучше бы пошел в шоферы. Что за жизнь была бы! Крути себе баранку — и все. Остальную работу за тебя мотор выполняет, упрятанные в нем лошадиные силы. И деньги были бы, и почет, и дрова, и торф. И все прочее. Сиди себе в кабинке, как в отдельном кабинете, и жми на третьей скорости. Легко и просто. Вот это, я понимаю, жизнь!

Больше разговоров на эту тему у Бориса с отцом не было.

И все-таки, мне кажется, Борис пошел в монтеры только назло отцу. Однажды в нашей школе — ее окончил и Борис — ураган пооборвал провода. На аварию хотели послать Бориса, но он не пошел, а уговорил пойти вместо себя дружка Федьку Изюмова.

Федьке он будто бы сказал такие слова:

— Учителям муторно показываться в такой одежке. Это я-то! Десять лет в хороших учениках ходил, сочинения на пятерку писал, стихи Блока наизусть шпарил. А тут на тебе... Еще жалеть станут. Не пойду.

И не пошел.

Эх, чудак, стал бы шофером! Шофером куда лучбят или девчонок? Да, это не самая мужская работа...

Старики ее мало что делали: у матери какая-то болезнь была, нагибаться ей врачи в поликлинике запретили, а отец был староват. Честное слово, если у нашей Вари не хватало каких-то хозяйственных винтиков, то у Марфы их было чересчур много. Лишние были...

Один раз я едва не взвился на дыбы.

Вот как это было.

Однажды утром я бодро шагал к Кольке, и тут Витька, сидевший в гурьбе ребят, пустил сквозь зубы:

— К родне потопал? На блинчики? Ну-ну!

Буду до конца честным: я скрипнул зубами и, наверное, здорово отдубасил бы Витьку за это оскорбление, но у него под рубахой опасно обрисовывались бугорки мускулов, а это не сулило мне ничего хорошего. Обидно, но что поделаешь. Я и правда не очень сильный. Мне уже десять с хво-

— С кем же? — спросил я.

— С одной...— хихикнул Витька.

Меня вдруг что-то стукнуло в грудь, а земля будто качнулась.

— С какой одной?

— Не знаю. Не с нашей улицы. Я ее впервые вижу.

— А какая она из себя? — не отставал я.

Витька пробовал пальцами шины велосипеда, и ему было не до меня.

— Маленькая. Загорелая, как негр.

Я вскочил на ноги и пошел в другую сторону. Я вдруг понял, зачем понадобилась вся эта проклятая история с учебником по электротехнике.

Я шел, сунув руки в карманы, и думал, как мне теперь себя вести. Наверное, больше Борису незачем будет на меня кричать, потому что ему уже не нужны предлоги, чтоб зайти к ней.

Сзади прошуршали шины, и, переваливаясь с правой педали на левую, меня нагнал Витька.

— Не горюй,— прохохотал он.— Она ничего!

— А я и не горюю,— крикнул я вслед.— Очень мне надо горевать!

Ну что я за человек! Ничего скрыть не могу. Сразу все видно по лицу. Но я и вправду не горевал. Я, может, даже раньше Бориса заметил, что она хорошая.

Пусть ходит с ней. Разрешаю. Но чтоб я теперь навестил Кольку!.. Ни ногой туда.

6

И все-таки я решил, что Бориса надо проучить. Для этого нужно было сделать вид, будто я страшно разобиделся на него. А по правде сказать, обида моя давно прошла.

Я с нетерпением ждал, когда он придет домой. Обычно он заявлялся часов в шесть вечера, умывался, сбрасывал робу, как он называл рабочую одежду — куртку и штаны, потом садился за стол и неторопливо ел, выкладывая мне со Степаном последние новости.

Домой на этот раз Борис явился в полшестого, быстро поел, обжигаясь и морщась, потом принялся бархоткой надраивать туфли, так что они стали пускать зайчики, причесался — даже с помощью воды ему не удалось покорить хохолок на макушке: только вода просохла — он поднялся.

Я макал картошку в жидкое сало и потихоньку на-

воря попросту, обрезали у банок донца и выпрямляли листы будущей обшивки ракеты...

А потом мы обедали, а затем явилась с работы Марфа, и я уже не был удивлен, когда мы снова стали таскать воду и кормить все тех же кроликов.

Когда чуть стемнело, лязгнула калитка и во двор вошел... Кто бы вы думали? Мой Борис. Он подошел к крыльцу насквозь пропахший одеколоном: черные отглаженные брюки, белая рубаха с закатанными рукавами, затылок свежеподстрижен, а начищенные остроносые туфли поблескивали даже в сумерках...

Ай да Борис! Даже не все артисты, наверное, так одеваются!

Но зачем он явился? С огорода пришла Марфа, босая, все в том же стареньком бордовом сарафане, с растрепанными от ветра волосами.

Увидев Бориса, она так и осталась стоять с двумя лейками в руках, сконфузилась, словно провинилась в чем-то.

Борис поздоровался с нею, и голос у него как-то

блюдал за ним. Наверное, губы мои были страшно надуты, потому что Борис сказал:

— Ну, не злись. Получилось так... Я и сам не думал, что так получится...

Я продолжал есть, глядя в сковороду.

— Ты просто здорово помог. Не знаю, что бы я делал без тебя.

Он явно хотел подлизаться ко мне, но я и на этот раз не поднял глаз.

— Ну, Вов, мир... идет? — Он подошел к столу и протянул мне руку.

И почему-то так получилось, что чем глубже и острее признавал он свою вину, тем непокладистей и непримиримей становился я. Конечно, в конце концов я разрешил ему оторвать мою руку от колена и крепко пожать ее. Я его руку не жал, он просто держал ее — и все. Сам обижал, пусть сам и жмет.

И когда он ушел, мне даже немного стало жаль его, и я разозлился на себя за свою черствость и жестокость.

Наутро он подарил мне двести граммов конфет «раковая шейка», а к обеду он принес моток жилки, самой крепкой жилки, и теперь я сделаю из нее пяток хороших лесок, и мне хватит на все лето.

Но и это еще не все. Он дал мне трешку на кино, и я три дня подряд бегал в клуб смотреть разные картины, и мне... мне только оставалось мечтать, чтоб Борис почаще обижал меня.

Я снова стал бегать к Кольке.

В первый день, встретив меня, он скривил губы и процедил:

— Сдрейфил?

Я нахмурился: неужели он знает про мою обиду? Но Колька имел в виду другое.

— Думаешь, не полетит?

— Ничего я не думаю, — сказал я, чтоб не обижать его, — может, и полетит. Можно даже кота в нее посадить.

— А кто вам позволит котом рисковать? — вдруг раздался голос Бориса, и мы увидели, что он сидит на краю верстака, хорошо одетый и причесанный, улыбчивый такой, и болтает ногами.

— Вот еще! — накинулся на него Колька.

— А кто же будет мышей ловить здесь, внизу, на нашей планете?

Я прыснул.

Борис соскочил с верстака, прошелся по сараю, остановился возле нашей ракеты, ткнул пальцем в жестяной корпус, собранный наполовину, и хмыкнул:

— Эта рухлядь полетит? Проволочки сцепили. Хоть бы спаяли обшивку.

— Гроб, а не ракета! — крикнул я в поддержку брата и засмеялся.

Колька набычился, а Борис дал мне легкий подзатыльник. И я ничуть не обиделся на него. Так мне и надо: зачем зазря задел товарища?..

А потом началась старая история: мы таскали воду. Главным водоносом был Борис, а мы с Колькой только подсобляли ему: занимали очередь у колодца, наливали воду, а Борис бегал туда и обратно: туда — серьезный, молчаливый, оттуда — паясничая и пританцовывая, вытягивая, как жираф, шею.

Мы с Колькой хохотали до упаду, а Марфа вытирала платочком глаза: ох, и умора этот Борис! Честное слово, я прожил с ним под одной крышей десять лет, а не подозревал, что он может так смешить людей. Ну и циркач, ну и комик!..

Марфа была уже не в стареньком бордовом сарафане, а в сером платье с короткими рукавами и не в стоптанных парусиновых туфлях, а в темных босоножках. В этом платье и босоножках она казалась тоньше и моложе, ей можно было дать не двадцать, а лет шестнадцать-семнадцать и ни на месяц больше.

Утром меня растолкал Борис. Я едва продрал глаза: чего ему еще нужно от меня?

А нужно ему было вот что. Он попросил меня отнести записку Марфе на работу. Они уговорились встретиться в семь часов у кинотеатра «Мир», а он только сейчас вспомнил, что ему поручили сходить к заболевшему товарищу. Свидание переносилось на девять.

Он сунул мне записку.

— Хорошо. — Я повернулся на другой бок и уснул.

На почту я забежал часов в пять. За барьером сидела Марфа, чистенькая и аккуратная, в белой прозрачной кофточке и черной юбке, и взвешивала на весах бандероль.

Я стоял за барьером, и мои глаза едва выглядывали из-за него. Я ждал, потому что никак не мог передать ей записку, пока не уйдет дядька в соломенной шляпе, хозяин бандероли.

Она выписала квитанцию, и пока я набирался духу, чтоб окликнуть ее и передать записку, явились еще двое.

Я стоял и вдыхал острый запах сургуча и слушал, как заколачивают посылки.

А люди все подходили и подходили. И все, как назло, к Марфиному окошечку.

Только перед самым концом работы дождался я минуты, когда у окошечка никого не было.

— Марф, — громко шепнул я, — Марф, тебе записка...

А что было дальше, мне даже рассказывать не хочется. До чего же я неловкий и невезучий человек!

Все сослуживцы Марфы, конечно, услышали мой оглушительный шепот и стали кидать такие оскорбительные словечки, как «жених», «свидание», «кавалер» и прочее.

Марфа покраснела, как свекла, хоть она и была загорелой, все равно было заметно. А про меня уж и говорить не приходится.

Марфа вышла ко мне, потом из почты, взяла из моей мокрой руки смятую записку, прочитала ее, пристально оглядела меня с ног до головы и сердито бросила:

— Хорошо. Иди к нам. Я скоро приду.

Я пошел к ним.

Вот уж не повезло! Целый час караулил ее, а получилось так нелепо.

Я хрустел в сарае морковкой, когда она крикнула мне. Я подошел. Она опять окинула меня взглядом с ног до головы и бросила:

— Снимай штаны.

Я побагровел. Бить? За что?

— Ну? По-быстрому. Столько дырок — стыд один, ходишь, как голодранец.

Я мгновенно скинул штаны, она унесла их и вернулась с ними через час. Они были так аккуратно и красиво заштопаны, что я не променял бы их на новые. Честное слово, не променял бы!

7

В починенных штанах жизнь стала куда веселей. Больше на меня не косились продавцы в магазинах, да и колхозники на базаре особенно не следили за мной. А то просто неловко было появляться в этих местах. Точно беспризорный какой.

Вообще Марфа крепко взялась за меня. Перед едой гоняла мыться к рукомойнику и после мытья требовала показать ей руки. Вначале я немного злился на нее. Ну, согласитесь, если с утра только и думать о том, чтоб были чистыми руки и уши, если в полдень прогонять ворон и галок, выклевывавших замазку, которой Марфа замазывала протекавшую кровлю, и перед обедом снова тереть мылом руки и шею — даже шею заставляла мыть! — разве останется хоть минута на свои дела?

Кроме того, уходя на работу, она строго-настрого велела Кольке охранять огород от нашествия чужих кур, и мне с приятелем приходилось с палками в руках пикетировать у ограды.

В общем, весь день был загружен. Даже их отец, добродушный и тихий дядя Костя, называл нас пролетариями.

Из всех работ менее всего мне нравилось развешивать на веревках мокрое белье. В субботу, пораньше освободившись на почте, Марфа постирает и принесет с террасы тяжеленный таз, усталая, распаренная, пальцы все сморщенные, как у старушки, принесет, поставит на траву и бросит:

— Мальчики, а ну! Чтоб в пять минут!

Колька повесит и натянет веревку, а потом мы, озираясь по сторонам, развешиваем на веревке разные там простыни, трусы, рубашки и прочие тряпки... Ужас! А что если нас увидит кто-нибудь из ребят или девчонок? Да, это не самая мужская работа...

Старики ее мало что делали: у матери какая-то болезнь была, нагибаться ей врачи в поликлинике запретили, а отец был староват. Честное слово, если у нашей Вари не хватало каких-то хозяйственных винтиков, то у Марфы их было чересчур много. Лишние были...

Один раз я едва не взвился на дыбы.

Вот как это было.

Однажды утром я бодро шагал к Кольке, и тут Витька, сидевший в гурьбе ребят, пустил сквозь зубы:

— К родне потопал? На блинчики? Ну-ну!

Буду до конца честным: я скрипнул зубами и, наверное, здорово отдубасил бы Витьку за это оскорбление, но у него под рубахой опасно обрисовывались бугорки мускулов, а это не сулило мне ничего хорошего. Обидно, но что поделаешь. Я и правда не очень сильный. Мне уже десять с хвостиком, а вот на мускулы даже намека нет. Руки и ноги до противного тонкие. Спереди выступают ребра и ключицы, а сзади — лопатки. Как говорит Степан, подбрось повыше на хороший ветер — как пушинку тополя унесет.

И отчего это? Ума не приложу.

Оттого ли, что гимнастикой не занимаюсь, или питаюсь как попало, или что слишком много бегаю? Кто его знает.

Говорю я все это к тому, что драка с Витькой не сулила мне ничего хорошего. Но и не показать ему своего презрения было бы ниже моего достоинства.

— Закройся! — крикнул я, отойдя от Витьки на безопасную дистанцию: ноги у меня такие — не догонит.

И я помчался на Садовую улицу.

Между тем злая шутка Витьки начала сбываться. Никогда не забуду я вечера, когда с улицы ввалился Борис, холодный от ветра, весь какой-то растрепанный, улыбающийся, с глупым лицом, точно пьяный. Ввалился он в комнату, блеснул глазами и брякнул, точно на стол положил:

— Батя, женюсь.

Отец только что вернулся из гаража. От него пахло земляничным мылом. Он шумно ел щи и минуты три не поднимал от тарелки голову, как будто в словах, которые только что сказал ему Борис, не было ничего особенного и его сыновья женились через день.

Потом, доев щи, он вытер рукавом рот и поднял на сына слегка осовелые глаза (на столе стояла пустая четвертинка). В комнате было очень тихо. Степан даже перестал есть, а Варя — ух, и любопытные они, женщины! — застыла у русской печи, прислушиваясь.

— На ней? — спросил отец.

— Ага.

И опять тишина.

Борис стоял у стола, высокий, холодный от ветра, большеухий и растрепанный, глаза его смешно моргали, и мне стало почему-то жаль его.

— Рановато. Хоть у меня в твои годы уже Степка был... Да мы тогда были не такие, как вы.— И рыкнул:— Варька, второе!

Не знаю, понял ли что Борис, но я не понял, хочет отец, чтоб он женился, или не хочет.

Отец съел второе, подчистил хлебом сало, потом залпом, как пьют водку, опрокинул в рот стакан компота и только после всего этого сказал:

— А жить где будете? — И, не дав Борису даже пикнуть, добавил: — У нас тесновато, сам знаешь.

Борис разглядывал свои руки, вертел их, точно они принадлежали не ему, ковырял пальцем рубцы и ссадины.

Отец немного разомлел от водки и еды.

— Слушай-ка,— сказал он,— а может, ты со столба сорвался? Мозжечок отшиб? И от этого в голове кружение. Семья, детишки — забот поверх маковки. Не будь дураком. Погуляй еще, время терпит. А то заладил...

Меня прямо-таки перевернуло от этой грубости. Но я привык к этому, потому что отец никогда не выбирал слова. Вообще-то он был ничего, дрался не очень часто, куда реже Степана, иногда давал рубль на кино и катал по городу в кабине полуторки. Но сейчас я презирал его.

Борис тяжело молчал.

Молчал и Степан, и я понял, что в душе он, как всегда, держит сторону отца и пока что помалкивает. А я вот не мог молчать.

— А Марфа хорошая,— сказал я,— и гороха совсем не жалеет.

Степан замахнулся на меня, но я успел отскочить.

Отец, оказывается, еще не кончил.

— Я ведь тоже еще не старый,— сказал он,— будет у вас скоро мачеха.— Отец повернул ко мне, словно это касалось только меня, свое тяжелое лицо с набрякшими под глазами мешками.— Все слышали? Так вот, ставлю в известность. Три хозяйки в одном доме — мира не жди. В общем, понял ситуацию?

Борис потрогал рукой свой большой кадык на худой шее и опустил голову.

— Вполне.

— Вот так.— Отец встал, размялся и зевнул.

— Я к ним не пойду,— сказал Борис.

— Это почему же?

Я тоже не совсем понял Бориса. Чего это он вдруг?..

— Одни целый дом занимают. Просторно, чисто и участок хороший. Потом хозяином всего дома станешь.

Борис молчал. Я видел, как глаза его похолодели, стали малоподвижными, точно застыли, а зрачки сузились. Щека его под левым глазом время от времени подрагивала.

— Не уживусь я там,— сказал он наконец.

Я прямо-таки чуть не подскочил. Вот это открытие для меня! Где же ему прижиться, если не там, в таких аккуратных, светлых и чистых комнатах, с такой террасой — ни одно стеклышко не разбито!..

Отец зажег спичку, прикурил и пустил тугую струю дыма.

— Повздорил? Али теща подкоп ведет?

Тут Борис дико покраснел, и я его понимаю. Марфина мать еще не была тещей.

— Нет,— сказал он,— наоборот.

— Чего же ты тогда?

— Не по мне там.

Я думал, что за десять с лишним лет жизни понял решительно все, теперь вижу, насколько глубоко я ошибался.

— Ну, как знаешь,— ответил отец,— не буду вмешиваться в твои дела. Не маленький уже.— Он взял со стола замасленную шапку с поломанным козырьком, натянул ее до ушей на большую голову и кинул: — Ну, пока.

Свадьбу справили у нас, справили шумно, весело, с пляской, с песнями. Гостей было столько — едва поместились за столом, и мне приходилось бегать по соседним домам, таскать стулья, тарелки, блюда, посуду, кастрюли и все такое, что нужно для свадьбы. Борис продал свои хромовые сапоги, сказав, что нынче они вышли из моды, продал даже часы, и то денег не хватило, и он задолжал чуть ли не у всей улицы.

Зато всего было полно. Хоть завались.

Был среди приглашенных, конечно, и Колька. Мне было как-то неловко, и я виновато поглядывал на него, точно сам ловко подстроил все это. Отныне Колька считался моим родственником и не очень далеким, и на первых порах все это казалось мне смешным и нелепым. Мы даже поначалу вроде и дружить стали меньше, конфузясь и стыдясь чего-то.

Борис на первое время перешел к ним, захватив с собой самое необходимое.

Отец посоветовал мне особенно не досаждать им частыми визитами, и я целиком согласился. Надоесть всегда успею. Это по моей части, как говорила Варя. Я вообще перестал ходить к ним.

Без их дома мне стало очень скучно. И я уже был не рад, что однажды, совсем случайно, забрел на их улицу. По крайней мере жил бы Борис с нами, мы бы вместе ходили на Мутнянку, и он бы уже, наверное, к этому времени научил меня плавать.

8

Но разве мог я больше трех дней прожить без Бориса? Я прибежал к ним вечером четвертого дня. Закинув через калитку руку, отодвинул деревянную вертушку и бесшумно пошел по дорожке к дому.

Борис уже пришел с работы: с террасы доносился его голос.

— Нет,— говорил брат,— неправда, поживешь так три года и сам станешь хозяйчиком, кулачком мелкого масштаба... Надоело мне все это...

Я остановился у куста жасмина.

Марфа лузгала семечки, и хотя я не видел ее, но знал, что она собирает шелуху в кулак, а потом кладет в карман; она никогда не плевалась, как другие, ни на пол, ни даже на землю.

— Плохо у нас? — спросила Марфа.— Нам с тобой комнату дали.

— Я не говорю, что плохо,— сказал Борис,— а не по мне все это. Снимем лучше в городе...

— Мы еще за свадьбу не расплатились, а ты — «снимем».

— А еще лучше — уехать,— сказал Борис.— Так и состаришься при этом огородике и ничего не увидишь... Давай уедем, а?

— К чему? И куда? От добра добра не ищут.

— Махнем куда-нибудь на Ангару или на Енисей, чего тут киснуть.

Мне даже страшно стало, когда Борис сказал это. Я никуда не уезжал из нашего городка — правда, в Смоленске был однажды, когда с пораненным гла-

зом меня возили в больницу,— и не мог представить себе, как это можно уехать куда-то за тысячи километров от дома.

— Поедем, если хочешь,— как-то безучастно сказала Марфа,— только я знаю, мама будет против, да и нас там не ждут кисельные берега...

— Маму уломаем,— сказал Борис.

Тут Марфа подавила вздох и замолкла. Я стоял за кустом и ждал, что она ответит. Только сейчас понял я, что это такое для меня — остаться одному.

Я громко кашлянул, потопал об землю ногами, точно шел от калитки, подошел к крыльцу террасы и поздоровался с ними.

— А где Коля? — спросил я.

— Где ж ему быть, в огороде сидит, наверное,— не очень ласково сказала Марфа.

Я обежал дом и в самом деле увидел Кольку в огороде.

— Колька,— сказал я,— ты ничего не знаешь?

— А что я должен знать?

— То, что твоя сестра собирается на Ангару?

На него мои слова не оказали никакого действия.

— Ну и правильно. Целый день сидеть на почте, взвешивать бандероли и штемпелевать письма — от этого окочуриться можно. Я бы тоже уехал.

Я внимательно посмотрел на него. Теперь я окончательно убедился, что не ошибся, когда впервые подумал, что этот ракетостроитель не совсем в уме.

— А я бы не поехал,— сказал я,— мне больше нравится тут.

— Ну и оставайся. Они ведь тебя не приглашают с собой. Тебе там делать нечего.

— Это почему?

— Там нужны люди с характером.

— А я чего, бесхарактерный, по-твоему?

Я просто разозлился на Кольку. Или он думает, что, став моим родственником, может говорить мне всякие гадости?

— Конечно,— серьезно сказал он,— я вообще не знаю, зачем ты живешь.

Я с трудом заснул в эту ночь. Вообще с тех пор, как одна койка стала в нашей комнате пустовать, сон у меня был неважный.

Неужели брат все-таки уедет? А я? Что я тогда буду делать один? Или моя голова специально предназначена для щелчков Степана, а уши — чтоб слушать ворчание Вари? Кто тогда за меня заступится? Даст деньги на кино?

Вечером к нам вдруг нагрянул Борис, наверное, прямо с линии, потому что на плече были «когти», а на монтажном поясе бренчала стальная цепь.

— Батя,— сказал он,— уезжаем.

Отец опять-таки выслушал его очень спокойно, словно его сыновья только и делали, что уезжали.

— А куда, не скажешь?

— Почему не скажу, пожалуйста. На Ангару.

— А-а-а,— протянул отец.— В Сибирь, значит. Ну, что ж, уезжайте. Сибирь — большая и хорошая земля. Я там в госпитале лежал, в Омске; посмотрите на свет, пока молоды...

Скажу по совести, отец разочаровал меня. Ну зачем так легко отпустил их? Сказал бы «нет» — и дело с концом. Ведь это так далеко и опасно, и там, наверное, холодно. Волки в тайге задерут.

Не нужно их никуда пускать. И у нас хорошо.

Этот день и другой день я ходил как потерянный. Я хотел только одного: чтоб они никуда не ездили. То жили мирно-ладно, а то вдруг им понадобилась Сибирь.

На третий день я прибежал к ним и насилу дождался прихода Бориса, а когда он явился, сказал:

— Борь, возьми и меня.

— Тебя? — Глаза у брата сузились.

— Меня.

— Зачем?

— А вы зачем?

— Мы будем строить ГЭС.

— Ну, и я буду строить,— сказал я.

— Что, интересно?

Я промолчал.

— Марфа! — крикнул Борис жене.— Ты слышишь, и Вовка просится с нами.

— Нет уж,— сказала Марфа, выходя на террасу с половой щеткой,— за ним еще придется ходить, ведь он ничего делать не может и не хочет. Я против.

И тут только я понял до дна всю коварную сущность Марфы. То казалась такой добренькой и щедрой, а то говорит такое и не краснеет!

— Неправда,— сказал я,— я уже не маленький и за мной ходить не надо.

— Вот как! — сказала Марфа.

— Точно,— ответил я.

— А ну, иди покажи уши...

Я не помнил, мыл ли я их двое последних суток, и, конечно, подойти не мог.

— Все в порядке,— сказал я,— возьми, Боренька, ну что тебе стоит, а?

— Провализай,— ответил брат.— Подумаем.

— Я буду вам помогать, делать все, что скажете, вам будет легче со мной...— тут Марфа громко фыркнула,— а не трудней...

— Проваливай! — крикнул Борис.

Меня взяли. Это я узнал на следующий день. Оставалось только отпроситься у отца. Ведь я на его иждивении, он отвечает за меня...

Я сам не решался поговорить с отцом. Скажет «нет» — и все. Об этом должен был поговорить Борис. До прихода брата я всячески старался угодить отцу: подал полотенце после умывания, нарезал перед обедом хлеб, заглядывал в глаза...

— Пусть езжает,— сказал отец Борису,— не возражаю, что ему со стариком жить...

Мне стало немного грустно. Ну пусть бы хоть сделал вид, что ему жаль со мной расстаться. Тогда бы ребятам можно было честно писать в письмах, что я поехал вопреки запрету отца, насилу уговорил его, едва не сбежал. А то все вышло до обидного просто и обыденно: «Пусть езжает...»

Я долго буду помнить день прощания с родным городом, когда Борису оформляли в райкоме комсомольскую путевку, а Марфа носилась по магазинам, делая последние закупки...

Я ходил в новом костюмчике по окрестным улицам и прощался с ними. Я прощался с колодцем, отполированную ручку которого крутил, наверное, миллион раз, я с грустью смотрел на пыльные лопухи у заборов и мураву посреди нашей окраинной улочки.

Я бродил и думал, что теперь, наверное, долго не услышу грохота подвод на булыжной мостовой центральной улицы и не увижу синюю вывеску над часовой мастерской «НЕТОЧНОЕ ВРЕМЯ» («не» я вывел мелом) и эту извилистую теплую речушку Мутнянку, в которой ловил с ребятами плотичек и раков. Мне даже жаль было расставаться с вредным Витькой Хромовым и Нинкой Голубевой, тонконогой и худенькой, как Буратино, с которой я часто играл в мяч.

Все это вдруг показалось таким родным, привычно милым, даже собачий лай, раздававшийся из глубины Витькиного двора, не пугал меня больше. Я уеду сегодня вечером от всего этого...

Пока!

(Продолжение в следующем номере)

СТАРУХА

М. СЛУЦКИС

Рисунки Н. Цейтлина.

Это случилось зимой сорок второго года. Далеко от Литвы. Далеко от фронта. В небольшом русском селе, окруженном белыми непроходимыми сугробами и обледенелыми, склонившими тяжелые ветки лесами.

Он колол дрова — высокий, прямой мальчишка с не по-детски сосредоточенным лицом. Под ударами топора весело потрескивало заиндевелое дерево. Легкие щепки, как живые, подпрыгивали по истоптанному насту. Звенела продрогшая земля, звенел студеный стеклянный воздух, звенели потревоженные эхом застывшие лиственницы. Какая тишина! Положишь топор и слышишь, как дрожат ветки, как осыпаются снежинки...

Задыхаясь, утопая в пару, как детдомовская лошадь, то и дело потирая щеки, мальчишка поднимал топор. Колол без устали и думал о тепле. Каждое полено он видел в узкой пасти печурки — брызжет искрами и пышет жаром. От него закипит на кухне огромный котел с чаем. Эти сырые дрова докрасна накалят «буржуйку» в спальне. Ребята тайком набросают в угли картошку, и она будет печься, похрустывая, пока шелуха не станет мягкой, как шелк.

Острый топор упрямо дробил толстенные колоды, и мальчишка чувствовал себя, как никогда, взрослым. Взрослым и сильным, несмотря на свои четырнадцать лет и толстые, словно вылепленные из теста, губы. Он совсем не боялся мерцающего наста, который время от времени вспыхивал, как от пожара. Не боялся голубых морозных теней и устоявшихся под плетнями сугробов. Мальчишка ничего-ничегошеньки не боялся. И расстояние до потерянной родины казалось не таким страшным, и суровая военная зима не такой гнетущей. Когда он размахивал топором и слышал, как со звоном отлетают пахнущие елью, березой и лиственницей щепки, все казалось ему другим, выглядело иначе, чем в комнате, среди съежившихся малышей, которые боялись и нос высунуть. Словно уже шипела желез-

ная печурка, заливая здоровым румянцем тех, кто кашляет и чихает! Словно горячий чай уже обжигал горло, согревая грудь и ноги! Словно добрая весть прилетела по телефонным проводам с фронта и постучалась в контору детдома! Словно кто-то из ребят неожиданно где-нибудь в Барнауле, Горьком, Казахстане нашел отца, или братьев, или сестру!

Выбеги без всякого приказа во двор, помахай топором, когда воздух такой стеклянный, и почувствуешь дыхание счастья. Ей-богу, почувствуешь, хотя прекрасно знаешь, что ни ель, ни береза, ни лиственница не подарят тебе то тепло, по которому ты так истосковался. Его тебе не подарят все чернеющие вокруг леса, и все же ты почти счастлив.

Вдруг в звонкую тишину ворвались голоса. Десятки веселых, озорных, крикливых голосов. Словно случился обвал, камни ударились о стеклянный воздух, и он рассыпался, раскололся на крохотные острые осколки.

— Микас! Микас! Бросай топор! Бросай! Приехала! Прие...

Микас еще не все поленья расколол. Он и не думал бросать работу. Только вошел во вкус, да и дерево стало послушным, прикоснешься топором — и расколото.

Назойливее всех жужжал коренастый, крохотный, как пенек, парнишка, прозванный за неудачный рост и веснушки, которые даже зимой не сходили у него с лица, Санчо Пансой.

— Бросай! Бросай, Микас! Слышишь? Твоя сестра приехала! Сестра!

Топор со свистом врезался в колоду. Микас никак не мог его вытащить. Дрожала уставшая рука. Горло резали осколки ледяного воздуха.

— Как дам, будешь знать! — замахнулся Микас, но как-то неуверенно. Сейчас у него уж и голос дрожал. А может, правда? Может, не врет?

— Дай, дай! — храбрился Санчо Панса.— Ей-богу, приехала. Приехала!..

Они не раз так обманывали друг друга. Грубо и беспощадно обманывали. Чистят, бывало, печку и вдруг начинают беситься. По отцу соскучился, по матери, по сестре? Пожалуйста, дружок! Приехали! Не веришь? Если торчишь в комнате, тебя выманивают во двор — дескать, там ждут. Если слоняешься по двору, заманивают в комнату — на, радуйся!

Маленькие, крохотные человечки выбежали во двор и начали кататься по снегу, как по мягкой летней отаве. За ними пустилась воспитательница Циля, но она не набросилась на человечков, не обругала их, а тоже засмеялась, отплясывая в своих огромных валенках какой-то дикарский танец.

— Ступай в дом. Сестра приехала, чего глаза таращишь? Жива-здорова. Солдат привез ее.

Сестра? Эта крошка, которую оторвала от него военная буря и занесла бог весть куда, как пушок с одуванчика? Та самая сестренка, которую он не надеялся увидеть в живых? Та, которая под бомбежкой вдруг захотела на горшок и разревелась, когда мальчишки отказались отвернуться?

— Что ж, может, ты не рад? Не хочешь увидеть свою сестру? Солдат ее обратно отвезет! — как малому ребенку, пригрозила Циля, схватила его за руку и потащила к дому.

— Что же, может, не рад? — повторил Санчо. Он всегда повторяет. Особенно за взрослыми.

Вместе с Пансой и другими ребятами воспитательница дотащила его до самых дверей, а потом повела по длинному темному коридору.

В красном уголке Циля отпустила руку. О, как она ему сейчас нужна была, эта добрая и мягкая, как вата, рука Цили! Сердце колотилось от радости и страха. В глазах рябило. Он видел не красные плакаты на стенах, а какие-то багровые искры — целый букет искр! Вокруг сновали ребята. Они заслоняли от него сестру, но он и их не видел: перед ним мельтешили только носы, глаза и ушанки.

Наконец он ее увидел, свою маленькую сестренку, хотя искры все еще носились по комнате. Куда ни глянешь — искрится. Она стояла у заиндевелого окна, возле огромной лавки и казалась чужой и отрешенной. Раньше она ни за что не достала бы до подоконника! На миг Микаса даже взяло сомнение, его ли это сестра. Как она вытянулась! И лицо вытянулось. Худое-худое! И нос не узнать — прямой, выдался вперед, и острый продолговатый подбородок — какое-то серое, невзрачное личико. Она совсем не была похожа на ту скуластую девочку, которую тащили за руку по дорогам войны...

— Ты... ты...— Он хотел что-то сказать и не мог. Хотел погладить ее, но рука не сгибалась, словно закоченела на морозе.

Что-то ему мешало. И любопытные люди, заполнившие до отказа комнату. И Циля, смахивавшая с лица слезы радости. И вы-

сокий плечистый солдат, который вытащил кисет и стал скручивать козью ножку. Но Микасу мешали не только посторонние. Сквозь слезы старался он разглядеть в личике сестры то, что безвозвратно исчезло. Даже ее волосы, выбившиеся из-под платка, потемнели. И тут его взгляд остановился на этом платке. Огромном черном платке. Он окутывал сестренку с головы до пят. Она тонула в нем, как в какой-то черной тени. Концы платка были накрепко связаны на спине, как у старой женщины. «Старуха!» — обожгло сердце, и Микас уже не мог отделаться от странного гнетущего чувства.

Только сейчас он заметил, что сестра не рада, что чем-то напугана и недоверчиво озирается, что на ее узком лбу залегла крутая морщина. Эта морщина вздрагивала от чужих взглядов, как от мучительных прикосновений.

— Ну, обнимитесь же, дети! Ну, поцелуйтесь же! Столько не виделись! Мы не будем смотреть, ладно? — уговаривала их, как малолеток, воспитательница Циля.

Они не плакали, а воспитательнице очень хотелось, чтоб они разревелись. Ведь такое счастье!

— Это я, Микас... Не веришь? — воскликнул он, неуверенный, что сестра его узнает. А какой-то внутренний голос нашептывал ему: «Старуха! Старуха! Почему ты такая старая?»

Сестра не шелохнулась. Даже соломинки

не упали с ее черного платка. Словно она замерзла в санях и встала, как ледышка, возле стены.

— Привыкнут... Известное дело — детишки... Раскидала их война, как птенцов из гнезда,— спокойно попыхивая своей козьей ножкой, сказал солдат.— Привыкнут...

— Привыкнут,— повторил Санчо Панса.

Брат не почувствовал, как вцепился в платок. В черный, огромный платок, окутавший сестру. В платок, который сделал ее старухой. Теперь Микас не сомневался: во всем виноват он, этот платок!

Со всей силой потянул он его с головы, но сестра заупрямилась. Ее пальцы напряглись, побелели в суставах.

— У нас тепло,— сказала воспитательница Циля.— Не бойся.

— У нас дров вот сколько! — похвалился Санчо Панса и показал рукой на заиндевелое стекло.— В лесах полно дров, только коли!

Сестра покосилась на воспитательницу, потом на ребят, раздетых, в одних пиджачках, и неохотно сняла платок.

Но и сейчас, без черного платка, она была похожа на старуху. На раздетую, простоволосую и поэтому неловко чувствующую себя старуху. Ее худые плечи дрожали.

«Старуха! Настоящая старуха! Почему она такая?» — метался Микас, не зная, за что взяться.

Вдруг он заметил, что сестра левой рукой комкает мешочек — испачканный в угле полотняный мешочек. Может, мешочек ее старит?

Схватил мешочек.

— Она не умеет говорить. Ей-богу, не умеет,— авторитетно заявил Санчо Панса.

Брат глянул на сестру, потом на Санчо... Может, она и вправду не умеет?..

— Не лезь! Это мой хлеб! — вдруг закричала сестра и вцепилась в мешочек. Закричала раздраженно, как старуха, которая беззубым ртом всегда жует корку черствого хлеба и ни за что на свете не отдаст ее.

— Никто не заберет у тебя твой хлеб, не бойся! — чуть ли не со слезами на глазах успокаивала ее Циля.— У нас ты будешь получать шестьсот граммов в день.

Санчо Панса счел нужным добавить, что сам директор детдома присутствует, когда взвешивают хлеб. И, конечно, он, Санчо Панса. Он всюду успевает.

В мешочке сестры было совсем немного хлеба — замерзшая краюха.

— Мы и масло получаем! — кричали дети.— И мармелад!..

— Масло? Мармелад? — не верила сестра. Не верила старуха.

Да, она по-прежнему осталась старухой. Злой, недоверчивой старухой. Потерявшей свой платок и мешочек и все еще неуверенной, получит ли что-нибудь взамен. Но все же она разговаривала. Брат уже боялся, было, что немая.

Может, она оттого старая, что губы у нее синие и болезненно сжаты? Он осторожно провел дрожащими пальцами по ее губам. Ему показалось, что они слегка впились ему в руку. Он даже почувствовал какой-то холодок. Но губы тотчас сжались и застыли.

Когда больше ни к чему нельзя было придраться, Микас вспомнил о морщине на лбу. Во всем виновата эта морщина! Ласково, чтоб не испугать сестренку, мальчишка погладил пальцем эту жуткую черточку. Но черточка не исчезла, словно ее ножом провели, еще глубже врезалась.

«Ну, не надо. Не хмурься! Я так тебя ждал! Я уже большой. Увидишь, какие деревья подымаю. Тебе будет хорошо у нас, тут, в детдоме. Тут много дров, не замерзнешь. Я буду колоть и колоть. И масла на завтрак дают. Правда, немного. Кладут на дощечку и делят всем поровну. И мармелада перепадает. Слышала, ребята говорили? Я не вру. Я тебе свою порцию отдам. Только не хмурь лоб, не надо!..»

Никто не слышал его слов. Даже этот всезнайка, Санчо. Ведь Микас это шептал про себя, не осмеливаясь сказать вслух. А вдруг ей не понравятся его слова, и старческая морщина навсегда останется у нее на лбу?

— Немцы сюда не прилетают? Не бомбят? — вдруг послышался тонкий голосок.

Брат не узнал его. Это не был голос крохотной девочки, его младшей сестры, который с детства звучал у него в ушах.

Все ребята, даже последние озорники, замолчали. И тут заговорил солдат — высокий человек в белом полушубке, который ехал на побывку после тяжелого ранения:

— А я зачем, девочка? Зачем вся наша армия? Живи спокойно, птаха! Мы уж добьем фашистов... Не будут больше бомбить.

Солдат встал и заслонил спиной плотно затянутое ледяной коркой окно. Расстегнул полушубок. На груди звякнули медали. Ребята увидели красные и золотистые ленточки — солдат не раз был ранен. У самых маленьких загорелись глаза.

Улыбка озарила и личико старухи. Она, эта улыбка, была похожа на хрупкую, легкую бабочку, прилетевшую на поздний ого-

нек. На минутку старуха снова стала маленькой, доверчивой и пытливой девочкой — младшей сестренкой, которая умеет смеяться, как все дети на свете.

Но улыбка жила только минутку. Может, она бы еще светилась на этом невзрачном, измученном лице, если бы не Санчо Панса!

Кто-кто, а он не мог остаться глухим к словам солдата. Выпятил грудь и во весь голос выпалил:

— А я зачем, птаха?

И маленькую сестренку снова окутала тень черного старушечьего платка. Снова ее плечи придавил мешочек, в котором хрустела замерзшая краюха. Снова на лбу залегла морщина, словно ее ножом провели. Старуха! Она снова стала старухой!

У Микаса дрожали толстые губы. Дрожали так, словно хотели отвалиться и убежать. Он поднял руку, как бы желая прижать губы, но ударил вдруг Санчо. Ударил твердой, загрубевшей от топора рукой. У Санчо сплюснулся нос, точно он был без костей, а Микас почувствовал, как солдат поднял его до потолка. Когда мальчишка увидел разбитый нос Санчо и капельку крови на его гимнастерке, он сразу понял: нет, не ему нужно было дать, не ему! Тем, кто превратил его маленькую сестренку в старуху! Тем, кто стер с ее лица улыбку! И не кулаком, а прикладом! Но кто доверит четырнадцатилетнему пацану винтовку?

Не скоро еще начала улыбаться эта девочка, хотя ее брат с не по-детски сосредоточенным лицом и толстыми губами наколол немало дров и отдал ей не одну порцию мармелада. Не скоро еще перестала она быть старухой, а он — мечтать о винтовке...

Перевел с литовского
Григорий Канович

Снова, как двадцать лет назад

Оглушительно грохочут барабаны, взвизгивают металлические трубы, украшенные аляповатыми боевыми знаками. По немецкой земле шагают юные молодчики.

Кто они? Питомцы Гитлера? Нет, гитлеровцы давно разгромлены, а эта фотография совсем недавняя.

...Недобитые фашисты свободно разгуливают сейчас по Западной Германии. Они правят страной, вершат суд и расправу над коммунистами и их сторонниками, открыто бряцают оружием.

Гитлеровский фельдмаршал Кессельринг напечатал «наставление» немцам: «Мы должны заботиться о нашей молодежи, начиная с детства и вплоть до вступления ее в армию. Мы должны воспитать в ней доверие к нам и к нашим идеалам, вершиной которых должно быть восстановление Германской империи».

И вот, по призыву фельдмаршала, возле школ грохочут барабаны, визжат металлические трубы. В классных комнатах вывешиваются карты «Германской империи» с границами, загребающими исконные земли Чехословакии и Польши. А на полках школьных библиотек лежат сочинения бывших гестаповцев и гитлеровских генералов...

История ничему не научила поджигателей войны из Бонна. В то время, когда народы всего земного шара борются за мир и разоружение, за уничтожение опасного очага войны в Европе, Аденауэр и его приспешники изо всех сил раздувают этот очаг. Они создают новые «фабрики смерти», еще более чудовищные, чем гитлеровские концлагери и газовые камеры,— атомные. Они готовят новую армию убийц, новое пушечное мясо из таких вот одураченных муштрой ребят.

Тайны раскрытые

Какая форма у земного шара?

Как выглядит центр Галактики?

Кто живет в самых глубоких местах океана?

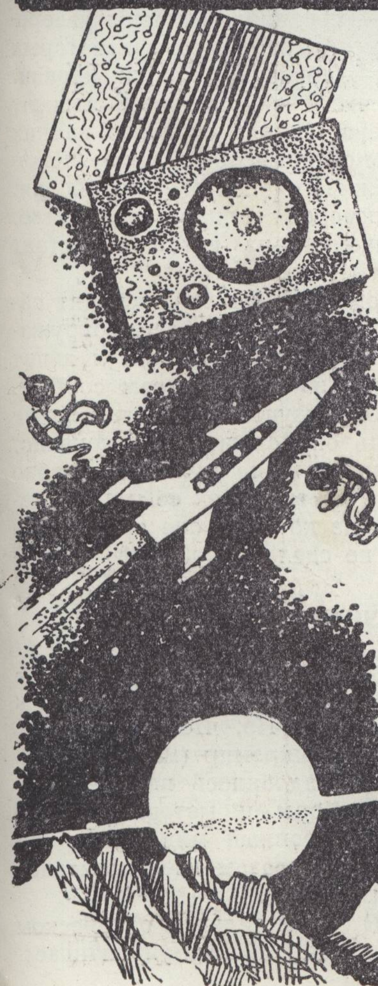
Как чувствует себя человек в космосе?

Еще совсем недавно все это было неизвестно. Неизвестно даже было, можно ли это узнать...

Оказывается, можно! Уже узнали, как и многое другое.

«Оказывается»... В самом этом слове звучит удивление и радость человека, открывающего новое. Сколько же таких «оказывается» принесло нам только недавно прошедшее время!

и Нераскрытые

Оказывается, жизнь на Земле зародилась не триста миллионов, а три-четыре миллиарда лет назад: первые бактерии появились именно тогда... Оказывается, целые моря кипятка скрыты в глубинах сибирской земли... Оказывается, Земля не сжимается, а расширяется! Оказывается, могучие усилители роста растений содержатся в обыкновенных нефтяных отходах!..

И каждое новое «оказывается», каждое новое открытие ведет к новым загадкам, новые вопросы встают перед наукой. Но, вооруженный уже добытыми знаниями, человек становится все более могущественным. Он стремится проникнуть в тайны все более неприступные, разрешить загадки, которые еще совсем недавно были неразрешимыми. Он хочет просверлить толщу земной коры и добраться до внутреннего вещества Земли. Он готовится к полетам на другие планеты и переделывает свою.

О тайнах уже раскрытых и о тех, которые наука еще только готовится штурмовать, мы будем рассказывать в этом разделе журнала.

САМЫЕ КРОШЕЧНЫЕ, МОЩНЫЕ ФАБРИКИ

Борис ВОЛОДИН

ВСТРЕЧА В «ЗОЛОТОЙ ДОЛИНЕ»

У меня есть знакомый ученый — Рудольф Иосифович Салганик. Он биолог, работает неподалеку от Новосибирска, в институте Академии наук. Вы, конечно, слыхали, что там, на берегу Обского моря, в красивом месте с красивым названием «Золотая долина», вырос город науки.

Мой товарищ занят очень важным делом: он изучает строение клеток живых организмов, выясняет, из каких веществ состоят клетки и какие превращения происходят с ними.

Мы недавно повидались с Рудольфом Иосифовичем, и он посоветовал:

— Обязательно напишите для ребят про то, как устроена живая клетка. Это же целая фабрика!

Я подумал: «Чего про клетку писать? О ней в учебниках говорится. Надоело всем, наверное». Но тут начал рассказывать Рудольф Иосифович, и я прямо рот раскрыл... Так было интересно.

...Сто — двести лет назад даже профессора в университетах объясняли студентам, что жизнь появилась на земле потому, что этого будто бы захотел бог.

Вам такое объяснение, конечно, покажется наивным. Вы живете в двадцатом веке и постепенно узнаете обо всем, что открывает наука. Вы, наверно, уже слышали, что все живое состоит из сложнейших химических веществ, из биологических полимеров.

В последние годы химики и физики узнали много интересного о строении полимеров.

Наиболее простые полимеры — это пластмассы, которые мы умеем делать на заводах. Из пластмассы сделана авторучка, которой я пишу этот очерк, и портфель, в котором я отнесу его в редакцию. Трава, деревья вокруг вашего дома состоят из полимеров. И я сам и вы все — тоже из полимеров. Только не из искусственных, а из природных.

А из чего состоят полимеры? Из множества одинаковых «кирпичиков» вещества. Разные сочетания этих «кирпичиков» придают им разные свойства. С чем бы сравнить эти «кирпичики», чтобы вам понятнее было?

Салганик посоветовал сравнить их с буквами. Каждая из тридцати двух букв нашего алфавита сама по себе ничего не выражает, но когда эти буквы соединяются, получаются слова. Из слов складываются пьесы, рассказы, романы.

Видите, какими разными свойствами обладают разные сочетания самых простых букв.

Так и в природе. Из множества простых «кирпичиков» — соединений атомов углерода, водорода, кислорода, азота и некоторых других веществ — образуются длинные цепи. От сочетания и числа «кирпичиков» зависят свойства полимера. Самые сложные из них обладают особым свойством — жизнью. Главные из таких «живых» полимеров — белки. Природных полимеров великое множество. Они образуют ячейки, из которых состоят живые организмы — клетки.

В любом живом организме происходит обмен веществ. Организм усваивает из окружающей среды нужные ему вещества и лепит из них полимеры, из которых сам состоит.

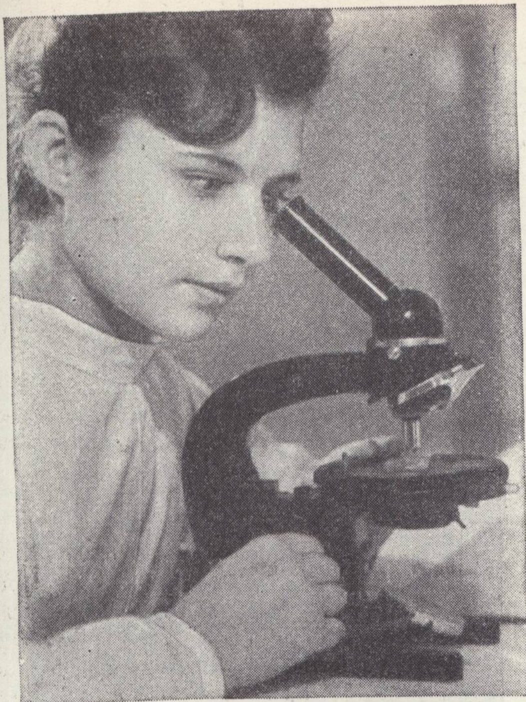
Процессы жизни изучены еще далеко не полностью. Очень они сложны! И, конечно, чтобы в них разобраться, нужно подробно изучить строение клетки, всех ее частей, каждого полимера, из которых она состоит.

Почему этого не сделали прежде?

ВООРУЖЕНИЕ УЧЕНОГО

Больше века ученые изучали клетки с помощью обычных оптических микроскопов и немало узнали о них. Но, чтобы заглянуть поглубже в живой микромир (мир мельчайшего), биологам понадобилось новое вооружение, новые приборы и методы. Только когда создали электронный микроскоп, микромир представился глазам исследователей совершенно иным!

Судите сами. В самом сильном оптическом микроскопе изображение клетки увеличивает-

Вот оно, старое, испытанное вооружение ученых — оптический микроскоп.

ся до двух тысяч раз. А современный электронный микроскоп позволяет получить ее фотографию с увеличением в триста тысяч, даже в миллион раз!.. При таком увеличении видны даже некоторые молекулы вещества, из которых состоит клетка.

Когда вы хотите узнать хорошенько, как устроен ну хотя бы игрушечный автомобиль, вы разбираете его на части и каждую часть рассматриваете отдельно. Иногда потом удается даже собрать игрушку заново.

А можно ли «разобрать» клетку на части?

Теперь можно. Теперь придуманы разные способы для этого. Например, созданы приборы-микроманипуляторы. Это как бы механические руки, только необычайно ловкие и чуткие. Ученый может взять этими механическими руками такую крохотную частичку вещества, которую он видит только в сильный микроскоп, разрезать клетку на аккуратные ломтики, как мы режем за завтраком хлеб и колбасу. Рассматривая эти сверхтонкие «ломтики» в электронном микроскопе, ученые и определили, как устроены живые клетки.

Микроманипулятором можно, например, ввести в нервную клетку тончайшую, микроскопическую проволочку, чтобы измерить электрический ток, который возникает в клетке. Можно извлечь из клетки ядро или любое из еле видимых даже в микроскоп зернышек в протоплазме.

Ученые-химики могут изучать строение веществ, из которых состоят разные клетки, части клеток и все превращения, которые происходят с веществами в процессе жизни клетки.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО, ФАБРИКА!

В простом микроскопе видны оболочка, ядро, протоплазма.

Такими клетки представлялись ученым долгие годы. Это все равно, что смотреть на самолет издали: видны крылья, фюзеляж, шасси. Если подойдешь к нему поближе, увидишь и окошки и дверцы, а если заберешься внутрь, то и кресла для пассажиров и приборы управления. Самолет окажется очень сложно устроенным.

То же самое произошло и с клеткой. Теперь ее как бы рассмотрели «вблизи». Каждая клетка оказалась сложнейшим устройством. Теперь известно, например, что клеточная протоплазма совсем не студенистая, почти однородная масса, как это раньше казалось. Протоплазма разделена тончайшими перегородками — мембранами — на сложную систему крохотных канальцев.

Клетка усваивает кислород, всасывает питательные вещества. Они циркулируют по канальцам. Здесь, в этих самых канальцах, и происходят сложнейшие химические превращения. В протоплазме есть крошечные тельца — митохондрии; они перерабатывают часть этих веществ в энергию. Это как бы клеточные электростанции.

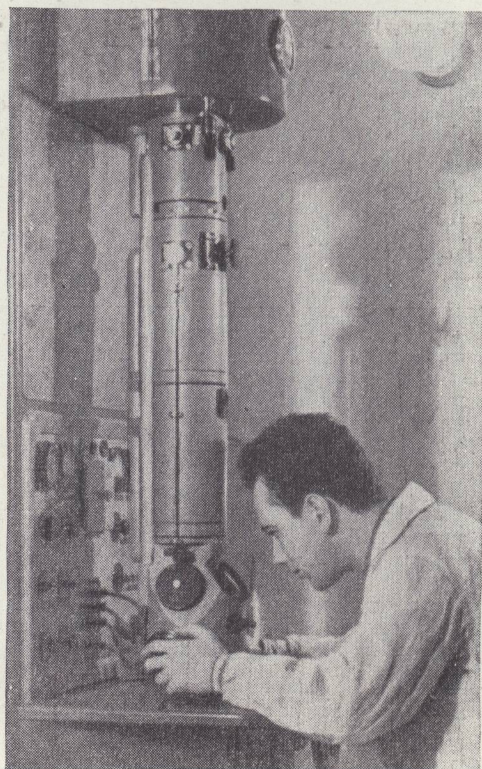

А вот нервные клетки, какими показывает их этот микроскоп (увеличение в 2 000 раз). 1. Ядро. 2. Ядрышко. 3. Цитоплазма.

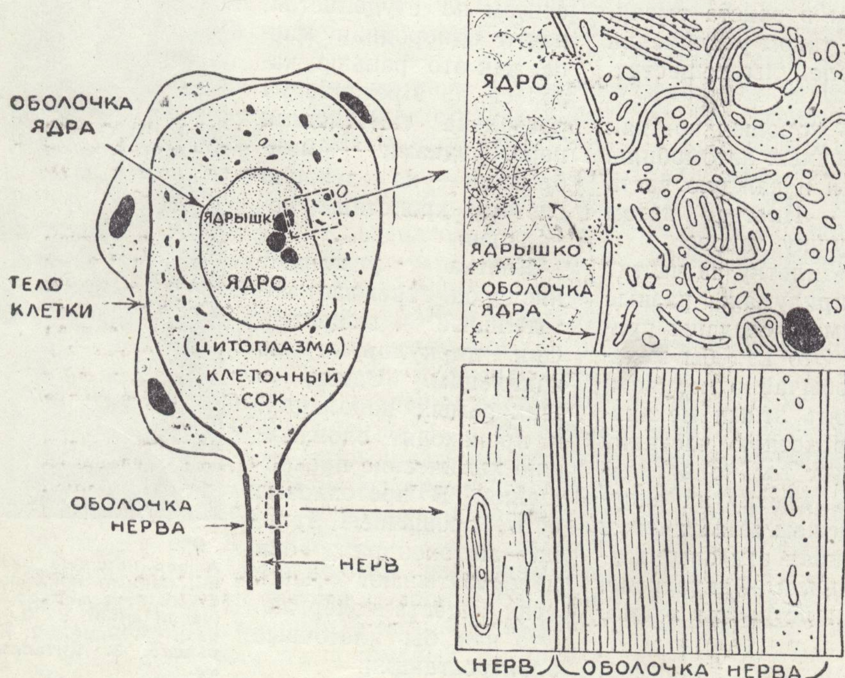
В других тельцах — микросомах (они есть и в протоплазме и в ядре) — происходит самое сложное — образование белка, носителя жизни. Микросомы — это химические цехи крошечной фабрики-клетки.

В каждой клетке образуются только те молекулы белка, из которых состоит сама клетка. Почему «клеточные химики» не делают ошибок? Потому что в ядре клетки содержатся особые вещества — нуклеиновые кислоты. Каждая отдельная частичка — молекула нуклеиновой кислоты — это схема, чертеж, штамп, по которому создаются новые частицы белка. Если продолжать сравнивать клетку с фабрикой, то ядро окажется ее «конструкторским отделом».

Когда клетка делится, в ядре образуется второй набор кислот-штампов. По этим штампам и будут строиться в новой клетке белковые частицы. Потому-то здоровые клетки одного вида всегда точь-в-точь похожи.

Химические превращения в клетке-«фабрике» невероятно сложны, их не удалось полностью воспроизвести даже в самых совершенных научных лабораториях. Они происходят при участии особых белковых веществ — ферментов. Ферменты вырабатываются здесь же, в клетке. Благодаря фермен-

С левого края — нерв и нервная клетка при самом большом увеличении, какое может дать оптический микроскоп: 2 500 раз. На рисунке рядом маленький участок той же клетки, каким мы его видим уже в электронный микроскоп, с увеличением в 250 000 раз. Ниже — участок нерва и его оболочки при том же увеличении. И поперечный разрез всего нерва. Он похож на кабель с многослойной изоляцией. Помог все это разглядеть электронный микроскоп. Вы видите его вверху.

там превращения веществ происходят с поразительной быстротой и при затрате самого малого количества энергии.

Представляете? Лучшая турбина гидроэлектростанции превращает в электричество только чуть больше третьей части энергии воды, да примерно пятая часть выработанного ею тока «утечет» в электрической сети. А в живых клетках энергия используется почти без потерь! Ни на одном самом совершенном заводе не удалось добиться такого экономного использования энергии, какое происходит в клетке. Непрерывно, неустанно работают крошечные фабрики жизни, самые экономичные и потому самые мощные.

Они работают внутри нас самих, и вот мы бегаем, движемся, думаем, говорим... Из их работы складывается жизнь любого живого существа.

ВАЖНАЯ ЗАДАЧА

Все ли узнали ученые о клетке?

Нет, не все. Они все глубже проникают в клетку, чтобы точно представить себе, что, когда, как и при каких условиях происходит в живой клетке, в сложном живом организме.

Это очень интересно. И очень важно. Ведь тогда можно будет вмешиваться в ход этих превращений.

Представьте себе, что врач точно знает, как нужно изменить превращение веществ в организме, чтобы победить болезнь... Значит, он сможет бороться с любой из них!

А агроном сможет заставить растения расти с невиданной быстротой и привить им любые полезные свойства!

А инженеры построят такие заводы, которые будут работать, как живая клетка, хоть и крохотная, но самая мощная и экономичная фабрика...

Можно было бы много сказать о том, что будет, когда ученые до мельчайших тонкостей изучат процессы жизни.

Для этого понадобится еще много десятков лет — такая это большая и сложная проблема! И очень важная. О ней записано в Программе Коммунистической партии как об одной из главных задач науки завтрашнего дня, науки коммунизма.

Вот почему ученые — биологи, физики и химики — упорно расшифровывают самую сложную загадку природы — загадку жизни.

НЕ ПОКИДАЯ ЗЕМЛИ

Е. РУБЦОВА

Почему у Луны лицо в оспинах? Почему вся лунная поверхность изрыта впадинами гигантских кратеров и цирков, окольцованных зубчатыми стенами гор? Как могли образоваться такие кратеры и цирки и почему на Луне их тысячи, а на Земле нет совсем?

Об этом уже давно идет спор между учеными.

Одни говорят: кратеры и цирки — это погасшие лунные вулканы.

Другие говорят: вулканы здесь ни при чем, это гигантские воронки от взрывов в тех местах, где на лунную поверхность падали метеориты. На Земле большая часть метеоритов сгорает в атмосфере, а на Луне атмосферы нет, и все метеориты без задержки хлопаются на Луну.

Спор длится уже десятилетия. Но сколько ни накапливалось новых фактов, против них возникали новые возражения и «контрфакты». Кто прав?

Казалось, это выяснится только на Луне. Но вышло иначе. Не дожидаясь старта космического корабля и не покидая нашей родной планеты, радиоастрономы и радиофизики Горьковского университета совершили удивительное «путешествие на Луну» с помощью нового, ими самими придуманного способа наблюдений и исследований. Пользуясь своим способом, они «просмотрели» верхний слой Луны на шесть метров вглубь. Шесть метров, высота двухэтажного дома!

Вот что они узнали.

Луна не покрыта слоем пыли. Вся обследованная шестиметровая толща однородна. Она состоит из какого-то пористого вещества, в два раза менее плотного, чем вода. Это вещество проводит тепло раз в тридцать или сорок лучше, чем считалось прежде. Признаков, что на Луне много метеоритного вещества, обнаружить не удалось, а это — как и отсутствие пыльного слоя — говорит против метеоритной гипотезы лунных кратеров.

Зато в пользу вулканической гипотезы говорит другое важное открытие: температура в обследованном слое повышается на один — полтора градуса с каждым метром глубины. Значит ли это, что в центре Луны существует горячее ядро?

— Очень может быть,— говорят горьковские ученые.— Но такой вывод требует дополнительной проверки.— И они продолжают свое «путешествие на Луну», не покидая Земли.

Тридцать два дня в пути

Сергей ЛЬВОВ

Рисунки В. Иванова, П. Оссовского.

ПУТЕШЕСТВИЯ, О КОТОРЫХ Я РАССКАЖУ В ДРУГОЙ РАЗ

Не знаю, как вы, я люблю бывать в новых местах и особенно запоминаю дни, которые провел в дороге. До сих пор, например, помню свое первое путешествие. Мне было тогда столько лет, сколько вам сейчас.

Под Москвой есть село Карабаново. Рядом с ним — старинный монастырь. В нем был наш пионерский лагерь. Из этого лагеря мы отправились однажды в поход.

У нас был замечательный вожатый! Он научил нас брать с собой все необходимое и не брать ничего лишнего. И укладывать рюкзак так, чтобы тот плотно прилегал к спине и чтобы лямки не натирали. И не пить на ходу воды. И читать карту. И запоминать дорогу. И печь лепешки на раскаленном камне. И даже в дождь разводить костер с первой спички.

С этим вожатым мы и вышли в дорогу. Сколько лет прошло, а я и сейчас закрою глаза — и вижу зарастающее озеро, по берегу которого мы шли, и обмелевшую реку, которую переходили вброд, и лесную тропку. Дорожные знаки из камней и веток, оставленные нашей разведкой, указывали нам путь...

К вечеру мы пришли в лес, глухой и таинственный. На берегу быстрой лесной речки построили большой шалаш. Разложили походный костер. И он горел, не угасая, два дня и три ночи. Но об этих днях и об этих ночах я расскажу в другой раз.

Возвращаться нам пришлось форсированным маршем. К нашему походному бивакy на незаседланной лошади прискакал паренек из соседней деревни. Его попросили передать нам, что в наш лагерь едет из города делегация молодых бойцов Испанской республики.

В те годы Испания, сражающаяся с фашистами, была для нас тем же, чем теперь стала Куба.

И мы заторопились в лагерь.

Были потом в жизни другие походы — потруднее, и другие путешествия — подальше. О них я тоже когда-нибудь вам расскажу. А сейчас я начну свой рассказ о путешествии длиною в десятки тысяч километров. Прочитав его до конца, вы поймете, почему я вспомнил свой первый поход — пятнадцать километров в одну сторону, пятнадцать — в другую...

СПОР С ТОВАРИЩЕМ

Лететь мы собирались на Кубу и в Мексику. Мы уже сидели, как говорится, на чемоданах, а я все еще приносил из библиотеки тяжелые связки книг: хотелось как можно больше узнать о тех местах, которые предстояло увидеть. Целыми днями рассматривал я географические карты. Читал книги по истории Кубы и Мексики и учил русско-испанский разговорник. Очень хотелось не через переводчика, а самому сказать кубинским товарищам, когда я встречусь с ними: «Salud! He venido de la Union Sovietica. Hace mucho tiempo que queria visitar su pais»[1].

Некоторые из вас, может быть, не знают, почему я учил эти слова по-испански. Сейчас объясню. Куба принадлежит к странам Латинской Америки, а в этих странах говорят по-испански. Почти во всех, кроме Бразилии, где говорят по-португальски.

Так вот, я сидел над книгами, учил разговорник и жалел, что не начал этим заниматься раньше. И тут ко мне пришел мой друг. Поглядел он на мои книги и покачал головой:

— Напрасно ты это делаешь.

Я удивился:

— Это еще почему?

— Начитаешься, забьешь себе голову, а потом и разобраться не сможешь, что видел сам, а что вычитал в книгах.

Я подумал: «Когда в дорогу укладываешь рюкзак, тогда все понятно. Только необходимое и ничего лишнего! А как быть с багажом, который везешь в голове? Может быть, мой товарищ прав? Чем меньше будет в голове заранее, тем больше в нее поместится потом? Быть этого не может!»

Я хотел поспорить с ним, но раздумал.

Вернусь, тогда и поговорим.

Всяким сборам приходит конец. Пришел он и нашим. Итак, в дорогу!

А теперь раскройте атлас, чтобы было легче следить за тем, что я буду рассказывать. Дорога предстоит длинная. Нам понадобится карта обоих полушарий.

ПЕРЕЛЕТ

— Где же вы будете встречать Новый год? Наверное, в воздухе? — спрашивали друзья.

— Вполне возможно,— отвечали мы не без важности. Не всегда приходится прощаться со старым годом и встречать новый в таком путешествии.

А вылет задерживался. Густой туман висел над аэродромом. Огромные самолеты паслись на мокром поле. Они были едва видны в тумане.

Наконец прозвучал радиоголос:

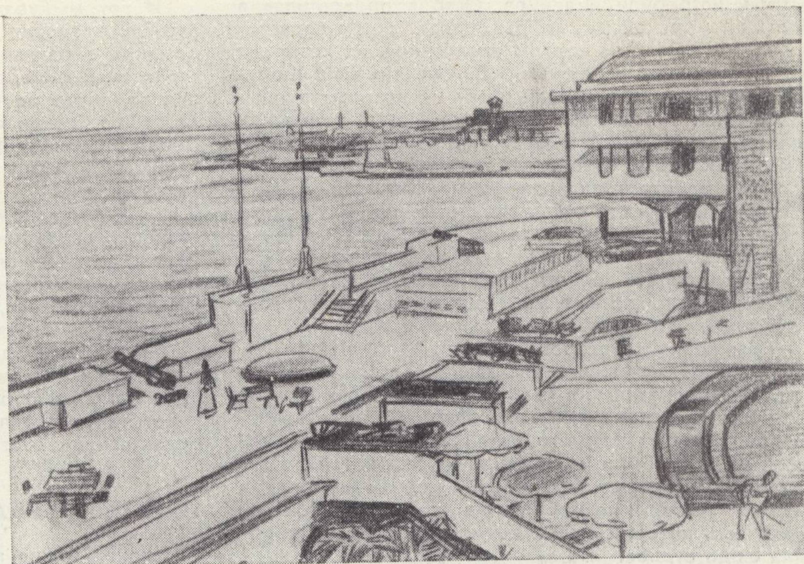
---

[1] Здравствуйте! Я приехал из Советского Союза. Я давно мечтал побывать в вашей стране.

— Пассажиров, следующих рейсом Москва — Прага, просят пройти на посадку.

Пассажиры эти — мы. До Кубы далеко. Лететь нам туда со многими пересадками. Первая будет в Праге. Летим на нашем самолете «ТУ-104».

Разбег. Взлет. Подъем. Один слой облаков, другой, третий. И за третьим — над головой синее-синее небо, в иллюминаторы бьет солнечный свет. Солнце светит вовсю, а за окном минус 50°, лютый мороз. До земли почти десять километров. Видны только белые облака. А скорость — около девятисот километров в час. Я начал решать в уме несложную задачу: «Если самолет пролетает девятьсот километров в час, сколько времени ему понадобится, чтобы пролететь сто километров?»

Набережная на острове Кюрасао. В. Иванов.

Когда я служил в армии солдатом, пришлось мне однажды зимой пройти в походном строю сто километров по берегу замерзшей Волги. Шли мы три дня. Две ночи ночевали в пути. А когда дошли, ноги долго еще гудели. Вот что такое сто километров. А самолет пролетает их за шесть-семь минут. Это очень важно — пройти хоть раз в жизни сто километров пешком, чтобы понять, какая скорость у наших самолетов.

Гостеприимная бортпроводница Клава поздравила нас с наступающим Новым годом, подарила нам на память значки Аэрофлота и накормила вкусным обедом. Мы и не заметили, как прилетели в Прагу.

А через час нас снова поздравили и снова стали угощать обедом. Это было уже на борту чешского самолета, который летел из Праги в Амстердам.

Вечером мы оказались в Амстердаме. Здесь и встречали Новый год.

А на следующий день начался самый большой кусок нашего перелета.

Трудно привыкнуть к тому, что за несколько часов ты проносишься над целыми странами, над десятками городов, над горами и реками. Казалось, только что внизу в разрывах облаков были видны Альпы, а вот уже Пиренеи, а вот под тобою океан!

Перелет над океаном начинается так. В проход между креслами выходят бортпроводницы, или, как их называют на иностранных самолетах, стюардессы. Мило улыбаясь, они объясняют пассажирам, что нужно делать, если сухопутный самолет совершит — боже избави! — вынужденную посадку в открытом океане.

— Прежде всего, дамы и господа, нужно соблюдать спокойствие. Достать воздушный жилет, который лежит под креслом. Надеть его на себя. Опоясаться вот этим поясом. Когда самолет сядет на воду и будут открыты запасные двери, дернуть за этот шнурок и выйти в воду. Воздушный жилет надуется, вы сможете плавать, пока вас не подберут.

— А если он не надуется? — спросил кто-то.

— Тогда вы будете поддувать его через трубочку, как футбольный мяч. Но это еще не все. К жилету прикреплена электрическая лампочка. Когда вы попадете в воду, лампочка начнет мигать, подавая сигналы проходящим пароходам. В кармашке жилета лежит свисток. Плавая, вы можете достать его и свистом подавать сигналы.

Люди привычные не слушают эту лекцию. Они читают газеты, играют в шахматы, дремлют. Новички начинают смеяться. Их забавляет мысль о том, как, плавая в безбрежном океане, они будут подмигивать проходящим судам лампочкой карманного фонарика и в кромешной тьме пересвистываться друг с другом. Ну а робкие, те просто окаменевают.

За время нашего путешествия мы потом столько раз слышали этот инструктаж, что очень скоро тоже привыкли и стали под его звуки читать газеты, играть в шахматы, дремать...

А теперь взгляните на карту. Около западных берегов Африки, недалеко от Зеленого Мыса, находится остров Сал.

Когда мы вышли из самолета, на нас пахнуло душным зноем. А ведь это было в январе!

Остров Сал — португальская колония. Мы прошли мимо солдатских бараков, мимо часовых. Маленький воздушный вокзал — этакий полустанок для самолетов, которые из-за непогоды не могут сесть в другом месте. Зал ожидания оклеен пестрыми плакатами. Туристские компании Португалии призывают богатых европейцев провести зимние каникулы в Анголе.

Вы знаете, что Ангола — это португальская колония в Африке. Ее народ ведет мужественную и кровопролитную борьбу против поработителей. А на плакате изображен белый богач. Он сидит на террасе гостиницы, попивает из высокого стакана какой-то пестрый напиток со льдом. Босые негры покорно, безропотно пляшут перед ним, ловят для него рыбу, срывают с пальм кокосовые орехи, приносят ему цветы. Лживый и подлый колониальный плакат!

«Приезжайте в Анголу! — призывает он.— Ангола — рай для отдыха».

Теперь португальцы уже не зовут туристов в Анголу. Земля Анголы горит под их ногами...

И снова самолет летит над океаном. Много часов подряд. Около северных берегов Южной Америки находится остров Кюрасао. Когда-то здесь было коренное население — индейцы из Южной Америки. Испанцы, а потом и голландцы, захватившие этот

остров, истребили индейцев. Остров превратился в большой морской рынок. Вы спросите: чем торговали на нем? Особым сортом апельсинов, из которого готовили ликер, и... людьми. Да, да, людьми! Кюрасао был центром торговли неграми, которых купцы-разбойники захватывали в Африке и привозили плантаторам Южной и Северной Америки.

В туристском путеводителе написано: «С тех пор, как работорговля запрещена, Кюрасао утратил большую часть своего былого значения». Звучит это так, как будто путеводитель сожалеет о запрещении работорговли.

Мы думали, что нам предстоит пробыть на острове три дня. Но как только мы вышли из самолета, голландские власти сказали:

— Вы покинете остров на следующий день!

«Почему?» — спросите вы. Мы не стали спрашивать. Мы догадались, в чем дело. Кюрасао и до сих пор — голландская колония. Живут здесь потомки негров, которых когда-то везли из Африки в Америку, но не довезли и оставили на острове. Есть тут и потомки тех, кто бежал из Америки обратно в Африку, но так и не добрался до своей далекой родины. Есть потомки белых бедняков, которых забросила сюда судьба.

Местное население путеводитель пренебрежительно называет «туземцами». Среди них много людей, которые не хотят больше мириться с голландским владычеством. Они жадно прислушиваются к событиям, происходящим на Кубе. От Кюрасао до Кубы недалеко...

Мы подарили официанту-мулату значок. Он обрадовался. Его начальник, человек с прусскими усиками и прусским выговором, накричал на него и отнял значок.

— Что случилось? — спросили мы у официанта.

— Фашист! — сказал он про своего начальника.— Тут есть такие. Но они еще узнают!

...Главный город острова Кюрасао Виллемстад похож на Амстердам. Красная черепица высоких крыш, узкие, в два-три окна, фасады домов, крутые лестницы. Голландские здесь не только архитектура, не только названия улиц, но и вывески банков, магазинов, клубов, баров. В магазинах сувениров продаются платки. На них нарисованы голландские мельницы и портреты голландских королев. Но ни на улицах этого города, ни в его магазинах нет ничего, что напоминало бы историю истребленного коренного населения или о жизни тех, кого туристский путеводитель называет «туземцами». А о том, как они живут, можно догадаться, когда видишь плавучий рынок. Бедные парусники причаливают к набережным. Их рваные паруса превращаются в навесы. Торговля идет прямо с борта. Тут продают связки бананов, капусту и кокосовые орехи, огромные огурцы и мелкую сладкую картошку. Продавцы босы и оборваны. Покупатели одеты бедно, у них озабоченные лица. Эти люди не заходят в нарядные магазины в центре города.

...И вот мы уезжаем из Виллемстада. Старенький автобус провозит нас мимо деревянных и жестяных домиков окраины. Можно себе представить, каково тут жить, в доме, построенном из жести, когда средняя температура самого холодного месяца в году плюс 21°! Ставни маленьких окошек наглухо закрыты. Перед этими бедными домиками нет нарядных палисадников, только огромные, в человеческий рост, кактусы.

И я вдруг вспоминаю, что в центре города, в ресторане, выстроенном под старинный голландский трактир, кирпичная кладка стен оказалась не настоящей, а нарисованной, как театральная декорация. И мне показалось, что все голландское обличье этого острова — такая же декорация.

Мы пробыли здесь слишком недолго, чтобы увидеть подлинное лицо острова. Но мы многое почувствовали. Еще о большем мы догадались.

Вот почему голландские власти так торопились отправить нас с этого острова.

НАКОНЕЦ КУБА!

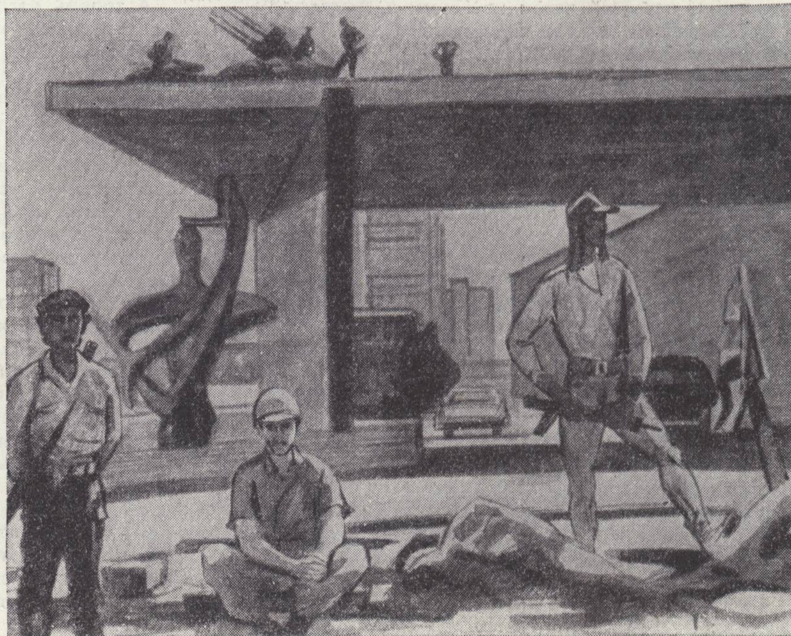
Наконец-то, на пятый день путешествия, в синем-синем море зеленый-зеленый остров — Куба!

К трапу самолета подбегают юноши в огненно-желтых шелковых рубашках с гитарами в руках. Они поют песню — привет прилетевшим.

Аэродром залит ярким солнцем. Огромное полотнище: «Куба — свободная территория Америки». Шумная толпа на балконе аэровокзала приветливо машет нам руками.

Мы щуримся от жаркого солнца, вслушиваемся в звонкую, радостную песню, вглядываемся в дружеские улыбки на смуглых лицах. Гавана в этот миг кажется поющей, улыбающейся, веселой. Она такая и есть, но не только такая.

Мы пошли в гостиницу и выглянули в окна. Внизу набережная. Она называется Малекон. Солнце скры-

Защитники Гаваны. В. Иванов.

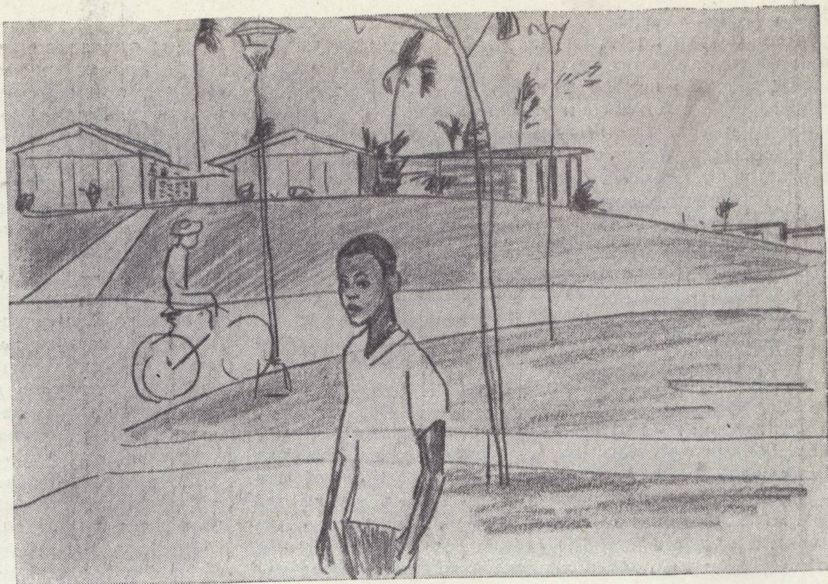
лось. Тяжелый прибой ударяет в парапет набережной.

Но что это там? Пушки. Военные машины развозят их вдоль набережной и расставляют так, что стволы глядят на море.

Тревожной, суровой, ощетинившейся штыками приходится быть Гаване. Соединенные Штаты постоянно угрожают нападением маленькому свободолюбивому острову. Контрреволюционеры взрывают в городе бомбы. В январе прошлого года, когда мы были на Кубе, обстановка здесь была особенно напряженной.

Мы включили радио. Взволнованный женский голос восклицал: «Куба не сдается! Куба не продается! Родина или смерть! Мы победим!»

Мы включили телевизор. По экрану бесконечной чередой шли рабочие, крестьяне, студенты, которые взяли в руки винтовки и автоматы, чтобы защитить революцию. Они шли по экрану телевизора, они шли и под окнами нашей гостиницы.

Куба. Новый поселок. В. Иванов.

Мы подружились с бойцами артиллерийской батареи, которая занимала огневую позицию на набережной. Они написали нам в блокноты свою боевую песню, подарили сине-белый со звездой на красном треугольнике кубинский флаг, а на его древке вырезали на память свои имена.

Вот когда пригодились те слова, которые я выучил в Москве по разговорнику! Вот когда я чуть не до слез жалел, что знаю их так мало!

И вот когда я почти каждый день вспоминал свой давний пионерский поход. Он закончился встречей с молодыми бойцами Испанской народной республики. А солдаты кубинской народной милиции, их песни, их лица, их язык больше всего напоминали мне тех давних друзей моего детства...

Как и всюду в мире, кубинцы украшали для детей новогодние елки. Нет, конечно, не елки. Елок на Кубе нет, вместо елок там украшают новогодними игрушками тропические деревья. Рядом с таким деревом ставят новогоднего, я хотел сказать деда-мороза, но ведь на Кубе не знают, что такое мороз! Но все-таки старика с белой бородой непременно ставят рядом с новогодней пальмой. Он в форме солдата народной милиции. На поясе у него пистолет, за плечом мешок с подарками. В мешке лежат буквари, тетради, карандаши. Никогда на Кубе не было столько школьников, сколько теперь. Читать и писать учатся не только дети, но и взрослые. Вот почему тетради и учебники — самый дорогой подарок кубинского деда-мороза.

Всюду можно прочитать слова: «Быть образованным, чтобы быть свободным!». Эти слова много лет назад сказал кубинский революционер-философ и поэт Хосе Марти. Его память чтят на Кубе. На самой большой площади Гаваны стоит памятник Хосе Марти. За его спиной возвышается огромная башня. В башне ходит скоростной лифт. Город на военном положении. Посторонних в башню не пускают. Но нас пустили. Слова: «Мы из Советского Союза» — послужили нам пропуском.

С балкона башни я уносил необыкновенный подарок. Солдатам народной милиции, которые охраняли башню, вместе с патронами раздавали книгу советского писателя Александра Бека «Волоколамское шоссе». Она посвящена героям боев за Москву. Каждый подходил к командиру и получал снаряженные магазины и повесть. Я сказал, что знаком с автором повести. Солдаты обрадовались, попросили отвезти ему одну из таких книжек, и на первой странице подписались все, кто, как сказал командир, «изучает эту книгу как устав мужества».

...Мы много ездили по дорогам Кубы. Прекрасна земля Кубы! Дорога мягко огибает рощу королевских пальм. Они похожи на беловато-серые колонны. Тянутся бесконечные поля сахарного тростника. Земля Кубы очень плодородна. Она может давать три урожая в год. Кубинцы шутят: «Брось на землю карандаш, и вырастет пальма».

И вот на этой-то благодатной земле до победы революции люди умирали от голода.

Среди поля стоит домик из пальмовых ветвей и листьев: ткни — и развалится. Еще недавно так выглядели почти все дома кубинских крестьян-бедняков. А за поворотом дороги — маленький городок. Каменные дома — голубые, розовые, зеленые. Они соединены каменными дорожками. Проведен водопровод, газ, горит электрический свет. Это новый поселок кубинских крестьян, поселок сельскохозяйственного кооператива. Он построен на земле, которая до революции принадлежала богатому помещику. Его батраки никогда не знали, что с ними будет через полгода. Помещик нанимал их на уборку одного урожая, а потом прогонял — на дорогах Кубы было достаточно безработных.

Мы видели потом много таких новых поселков. И в каждом лучшее здание занимала школа. Но одна школа оказалась совсем непохожей на остальные.

Бывшее имение. Парк сказочной красоты. Пальмы, тропические цветы, которые в наших широтах увидишь только в оранжереях. Ходим по парку и видим на некоторых деревьях таблички: «Третий класс», «Четвертый класс». Что это такое?

Помещик, которому принадлежало имение, бежал. В имении создана школа-интернат. Здесь живут и

учатся ребята, которые станут мастерами художественных ремесел. Когда мы путешествовали по Кубе, их школа уже начала занятия, но учебные корпуса только еще строились и классы занимались под открытым небом в тени пальм. Почти все школы, где мы побывали, носят имена героев революции. Вот и эта школа в парке. Ее назвали именем молоденькой крестьянки Клодомиры. Она ушла из своей деревни в революционный отряд и была предательски убита врагами.

На краю парка солдаты народной милиции роют стрелковый окоп. Молодая учительница Таис Агвиллера, нахмурившись, говорит:

— Нам надо ребят не только учить, нам нужно быть готовыми и защитить их, если нападут враги революции. Сейчас тревожные дни, и у нас несут охрану рабочие.

Мы ходили по аллеям парка-школы, названной именем Клодомиры. Нас окружала веселая, шумная стая учеников — белых, смуглых, черных. Нам давно было пора уезжать, но ребята ни за что не хотели нас отпускать. А тут еще полил тропический ливень. От него не спрячешься! Мы стояли тесной толпой под теплыми струями этого дождя, прощались, снова начинали разговаривать, снова прощались. Никогда я не забуду горящие глаза, открытые, веселые лица наших новых друзей.

Замечательные ребята растут на Кубе! Когда мы вернулись в Гавану, я встретился с пятнадцатилетним Мануэлем Передо Веласкесом. В гостиницу, где мы жили, пришел взъерошенный паренек в кожаной куртке, с автоматом. Он сменился с караула и зашел познакомиться с нами.

Мануэль родом из бедной крестьянской семьи. Он учится в технической школе. Разве это было возможно раньше? Мануэль — солдат-доброволец народной милиции. Он отличный пулеметчик и на учебной стрельбе лучше всех поразил вражеский военный самолет. Кроме того, он несколько раз участвовал в походе, во время которого нужно было подняться на пик Туркино. Это испытание обязательно для тех, кто хочет вступить в организацию «Молодых повстанцев».

Почему? Когда Фидель Кастро и его соратники высадились со шхуны «Гранма» (вы, конечно, знаете эту историю), им пришлось пробираться в горах по трудным тропам. Чтобы молодежь помнила об этом, чтобы она закаляла себя, устраиваются теперь восхождения на пик Туркино. Мануэль поднимался на гору с полной солдатской выкладкой.

Мануэль напомнил мне Аркадия Гайдара. Когда ему было столько же лет, сколько Мануэлю, Гайдар служил в Красной Армии и был командиром на фронте гражданской войны. На прощание Мануэль пожал мне руку твердо и сильно, как настоящий мужчина, но как настоящий мальчишка обрадовался маркам, которые я ему подарил.

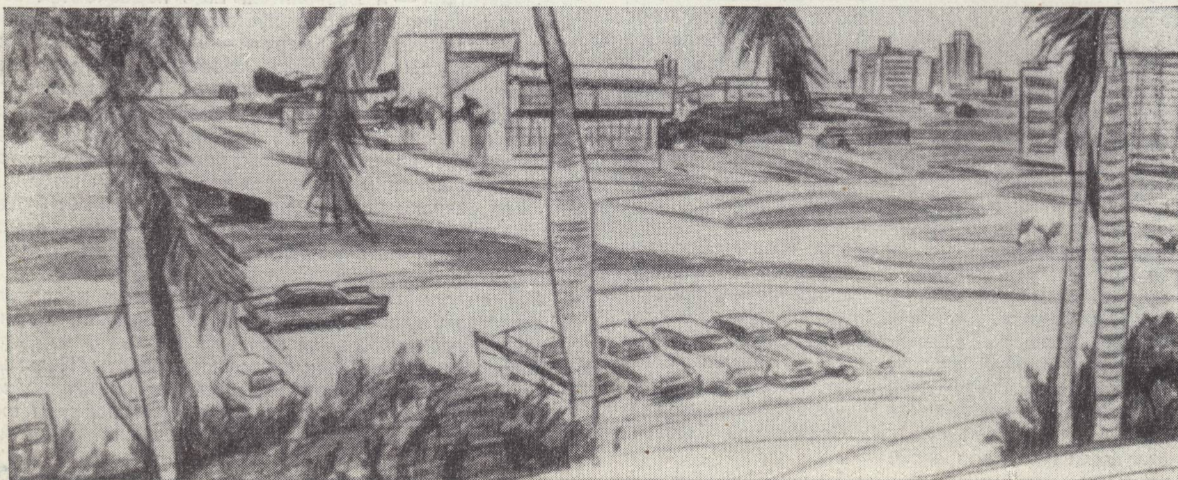
Мануэль — школьник, который готов оружием защитить революцию и то, что она ему дала. А в университете мы увидели вооруженных студентов. На занятиях нам побывать не пришлось. «Студенты в окопах»,— сказали нам, и мы еще раз почувствовали, какие трудные дни переживает Куба.

Во дворе университета поставлен броневик. На его броне царапины от снарядных осколков. Этот броневик студенты построили сами из старого грузовика и сами воевали на нем за революцию. И хотя он теперь стоит как напоминание о боях прошлых лет, если нужно, он снова пойдет в сражение!

Мы вошли в комнату студенческой федерации. Старшим товарищам в нашей группе она напоминала комсомольские комитеты времен гражданской войны, мне и моим сверстникам — комсомольские комитеты осени 1941 года. На диване в обнимку с автоматом спал студент, только что сменившийся с караула. Другой около стола чистил винтовку. Со стены на нас смотрели молодые прекрасные лица. Это галерея портретов тех студентов, которые погибли в боях за революцию. Нам подарили значок студенческой народной милиции: сова с книгой — символ мудрости и знания, а за спиной совы винтовка — символ готовности оружием защитить науку, культуру, революцию!

В один из вечеров в Гаване нам особенно посчастливилось. Мы долго бродили по городу и поздно вечером подошли к президентскому дворцу. Здесь, как и всюду, нас встретили, как лучших друзей. Родольфо Леон — адъютант президента Дортикоса — сам вызвался показать нам все во дворце.

Вот следы пуль на мраморе дворцовой лестницы. Они напоминают о событии, которое произошло в 1957 году, когда диктатор Батиста еще сидел в этом дворце и когда каждый день лилась кровь революционеров.

Гавана. **В. Иванов.**

Группа молодых смельчаков во главе с Фауре Чомоном — теперь он посол Кубы в Советском Союзе — попыталась захватить президентский дворец и уничтожить диктатора Батисту. Их было немного. Они были плохо вооружены. Но все-таки им удалось прорваться до третьего этажа, почти до самого кабинета диктатора. Но тут вооруженная до зубов многочисленная стража окружила революционеров. Многие из них были убиты, многие арестованы, некоторым удалось спастись.

Родольфо Леон рассказал нам историю этой героической схватки, а потом подвел к надписи, которая словами торжественными и гордыми напоминает о ней.

Он водил нас по дворцу и знакомил с солдатами революционной армии и народной милиции, которые его охраняют.

Один из них — огромного роста негр — стоял на балконе около зенитного пулемета. На нем была наша черная ушанка. Мы очень удивились, когда увидели в Гаване человека в русской ушанке: ведь там в январе жарко, как у нас летом. Оказывается, шапку подарил солдату моряк нашего торгового парохода. И негр-пулеметчик в знак этой дружбы теперь всегда выходит на пост в ушанке.

Родольфо Леон показал нам комнату, где работает революционное правительство Кубы. На столе лежала газета «Революсьон», раскрытая на странице, где был напечатан перевод сказки Горького «Старуха Изергиль». Легенда о Данко, который вырвал из груди сердце, чтоб осветить людям дорогу к счастью, близка и понятна героям кубинской революции.

А потом Родольфо подвел нас к картине. На ней изображен индеец, чуть живой от пыток. Испанские колонизаторы, захватившие Кубу, долго мучили этого индейского вождя, возглавившего восстание против захватчиков. Когда он умирал, к нему подошел католический поп и призвал его покаяться перед смертью, чтобы попасть в рай. Легенда рассказывает, что индеец ответил так:

— Я хотел бы знать, куда попадете вы после смерти?

— О,— ответил поп,— я, конечно, попаду в рай благодаря своей праведной жизни.

— Так лучше мне после смерти быть в аду, только не оказаться рядом с вами,— ответил индеец.

Его звали Атауэй. Имя его стало на Кубе легендарным.

Прошло несколько дней, и мы снова побывали в президентском дворце. Мы знали, что на площади перед дворцом вечером будет большой митинг, и очень хотели на него попасть. Но мы чуть не опоздали, задержавшись на одной из встреч с кубинскими друзьями. Когда мы приехали в гостиницу, автобус уже увез наших товарищей на митинг. Ехать нужно было далеко, и мы не знали, как мы сможем туда добраться.

Выручили нас солдаты артиллерийской батареи. На военной машине под развевающимся флагом промчали они нас по всему городу. У входа во дворец нам тоже посчастливилось. Родольфо Леон проводил нас на балкон, с которого в этот момент говорил президент Кубы Освальдо Дортикос.

Огромная толпа собралась на площади. Люди стояли на крышах домов, сидели на карнизах. Над толпой трепетали полотнища лозунгов, флаги, флажки...

На трибуну вышел Фидель Кастро. Мы были совсем рядом с ним. Он говорил, а наши художники Иванов и Оссовский рисовали его. Это было трудно — такие взрывчатые у него жесты, такое переменчивое выражение лица...

Фидель закончил свою речь так: «Если нам предложат поменять нашу жизнь, полную опасностей и риска, труда и вдохновения, на жизнь спокойную, но бесчестную и бесславную, мы никогда на это не согласимся». И вся площадь одним дыханием ответила: «Не согласимся!» «Наши дети будут гордиться своими отцами, будут гордиться их мужеством, будут гордиться тем, что мы завоевали правду и свободу!» — сказал Фидель. «Будут гордиться»! — ответила площадь.

Побывали мы и на знаменитых сигарных фабриках Гаваны, которые раньше принадлежали капиталистам, а теперь стали собственностью народа; видели на стенах цехов рядом с портретом Хосе Марти портрет Ленина; видели флажки над рабочими местами тех, кто ушел в народную милицию,— их норму выполняют товарищи. Были мы и на маленьком механическом заводе — маленьком потому, что когда Куба зависела от США, американские монополии не давали ей развивать собственную промышленность. О том, как рабочие и инженеры этого завода учатся делать то, чего раньше никогда не делали на Кубе, нам рассказывал директор завода — старый рабочий. Директором его сделала революция.

Мы были в казармах народной милиции и слушали на ночной площади боевые песни народного певца Карлоса Пуэблы. Но всего не расскажешь... Да ведь многое про Кубу вы уже знаете. А потом наступило время улетать.

Мы попрощались с нашими друзьями-батарейцами, наши машины последний раз развернулись по Малекону. Со стены большого дома глянул на нас плакат, напомнивший годы Отечественной войны: «РОДИНЕ НУЖНА ТВОЯ КРОВЬ — ВСТУПАЙ В РЯДЫ ДОНОРОВ». Рядом с плакатом стояли девушки в солдатских гимнастерках. Они последний раз ослепительно улыбнулись нам и помахали автоматами. В последний раз проехали мы мимо монумента Хосе Марти...

Аэродром. Взлет.

С воздуха мы глядим на Гавану, сердца наши сжимаются. Этот город, этих людей, эту страну мы никогда не забудем!

МЕКСИКА СОВСЕМ НЕ ТАКАЯ!

За несколько часов мы пролетели расстояние от главного города Кубы Гаваны до главного города Мексики, который называется Мехико-сити, и попали совсем в другой мир.

Здесь тоже были тропические деревья и иногда январские дни тоже оказывались очень жаркими. Но все остальное совсем не похоже на Кубу. Мексика запомнилась мне сумрачной, угрюмой. Ее простые люди живут трудно, очень трудно...

— Знаете ли вы, кто такой Куаутемок? — спросили меня, показывая большой памятник на площади.

Вот когда пригодились книги, которые я заранее прочитал в Москве! История Куаутемока похожа на историю индейского вождя Атауэя, слышанную нами на Кубе.

Мексику захватили испанские колонизаторы; они жестоко истребляли живших здесь индейцев, к ним в плен попал Куаутемок — вождь одного из племен. Они его мучили, угрожали ему смертью, требовали, чтобы он выдал тайны своего племени. Но он не покорился и, умирая, унес тайны племени в могилу.

Имя Куаутемока окружено в Мексике таким же почетом, как имя Атауэя на Кубе.

История завоевания Мексики испанцами — давняя история. Но простые мексиканцы и сейчас страда-

ют от чужеземцев — от своего могущественного северного соседа — Соединенных Штатов Америки. Америка вмешивается в дела Мексики, выкачивает ее богатства. Может быть поэтому простые мексиканцы так часто дают своим детям имя непокорившегося чужеземцам Куаутемока.

С одним из юных Куаутемоков мы встретились перед фресками замечательного художника Диего Риверы. Фресками называется стенная живопись. Этот вид искусства очень распространен в Мексике. На фресках, о которых я говорю, изображены завоевание Мексики испанцами, страдания индейских племен, жестокость захватчиков. Но не только это! На них изображены история народных восстаний и народные борцы за свободу.

Все время, пока мы рассматривали эти фрески, перед нами стояли женщина с черными прямыми волосами, говорящими о ее индейском происхождении, и оборванный мальчик, ее сын. На ногах у него были самодельные сандалии из обрезков старой автомобильной шины. Он внимательно всматривался в изображения. Я спросил мальчика, как его зовут.

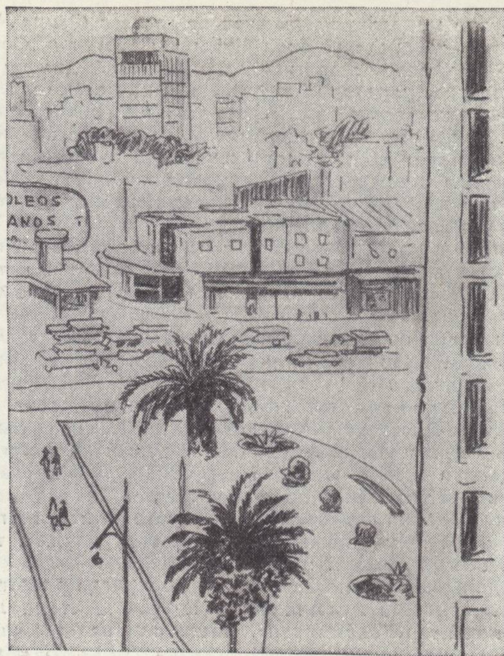
— Куаутемок,— ответил он, и его глаза загорелись гордостью.

А с другим Куаутемоком, постарше, я познакомился в городе Гуадалахаре. Мы проезжали по этому городу и вдруг увидели вывеску: «Библиотека имени Владимира Маяковского». Можно ли было проехать мимо такого дома?!

Конечно, мы вошли в него. Оказалось, что дом принадлежит обществу культурного сотрудничества с Советским Союзом. Члены этого общества — учителя, врачи, рабочие, художники — стараются как можно больше узнать о жизни нашей страны и помочь в этом всем мексиканцам. Отделение общества, которое работает в городе Гуадалахаре, открыло маленькую библиотеку. В ней собраны книги о Советском Союзе, книги наших писателей, переведенные на испанский язык, учебники русского языка.

Мексиканец в сомбреро. П. Оссовский.

В столице Мексики. П. Оссовский.

Названа эта библиотека именем нашего великого поэта не случайно. Маяковский одним из первых советских людей побывал в Мексике, написал о ней замечательные стихи и очерки.

В одной из комнат стояла классная доска. На ней написаны таблицы склонения русских прилагательных. Перед доской сидят ученики — молодые и старые. Самому младшему лет пятнадцать, самый старший похож на Льва Толстого в последние годы его жизни. Они учат русский язык. А урок ведет совсем молодой человек. Ученики почтительно называли его «профессоре» и «маэстро» (профессор, учитель).

— Как вас зовут, маэстро? — спросил я.

— Куаутемок Солес Пенафиэль.

— Вы учитель по профессии?

— Нет, что вы! Я не учитель. Я рабочий-дорожник.

— Как же вы изучили русский язык?

— Сам, по книгам.

— Как появилось у вас это желание?

Куаутемок Солес Пенафиэль задумался, а потом сказал:

— Знаете, у меня в жизни есть две мечты. Стать специалистом в области радио и как можно больше узнать о Советском Союзе.

Мне хочется, чтобы теперь, когда вы начнете скучать и томиться над учебником иностранного языка, вы вспомнили молодого рабочего парня из бедной индейской семьи, который сам, без учителей выучил русский язык.

Куаутемок живет в индейском районе города Гуадалахара. Район этот называется Тлаке-Паке. Когда-то это была индейская деревня. Теперь от деревни ничего не осталось. О том, как здесь жили когда-то индейцы, напоминают лишь бесчисленные лавчонки, в которых продают предметы народного искусства.

Почти во всех лавочках продаются вырезанные из дерева фигурки индейцев. Индеец сидит на корточках, уронив голову на колени, надвинув на лоб широкополую шляпу. Его лица не видно. Он не то дремлет, не то спит.

Богатые туристы из США очень любят покупать такие фигурки. А гид, который привык к их вкусам, охотно объясняет, что эта фигурка передает самое типичное в характере мексиканцев индейского происхождения — лень и безразличие.

Какая подлая ложь! Живой ум, горячую волю, неизгладимую память обо всем, что пришлось перенести народу в прошлом, желание изменить свою жизнь к лучшему — вот что увидели мы в характере двух Куаутемоков.

...Мы много ездили по Мексике. В Мексике замечательные дороги. Легковые машины, автобусы, даже грузовики несутся по ним с огромной скоростью. Вдруг скорость приходится резко сбавлять. В дороге сделаны выступы. Когда колесо попадает на них, машину начинает трясти как в лихорадке.

— Что это? — спросили мы у наших спутников.

— Застава! Здесь взыскивают пошлину за проезд.

Мы не сразу поняли, в чем дело. Оказывается, в Мексике был когда-то президент, который на «свои» средства (а средства эти у него были потому, что он капиталист, эксплуатировавший многие годы рабочих) строил и ремонтировал дороги. С тех пор с каждой машины, проезжающей по дороге, взыскивают пошлину в пользу бывшего президента. Он уже давно и многократно вернул то, что потратил. Народ попытался избавиться от этого бремени, но не то сам бывший президент, не то его наследники судились с народом и выиграли процесс.

На дорогах Мексики много легковых машин, но на мексиканских полях почти совсем нет тракторов. Гораздо чаще, чем трактор, видели мы волов, впряженных в плуг, или лошадей, которые тянули допотопную соху.

Путь, по которому мы ехали, называется Дорога Независимости. Это — кольцевое шоссе, соединяющее все мексиканские города, которые вошли в историю ее войны за независимость.

Вот когда пригодились книги по истории Мексики, прочитанные в Москве!

Но был в нашей группе человек, который знал куда больше, чем я. Он ученый. «Историк»? — скажете вы. В том-то и дело, что нет. Химик! Один из крупнейших химиков нашей страны! А историю Мексики он знал так, будто это его специальность. И не только историю Мексики. Это он привел нас в Амстердаме безошибочно в самый старинный дворик этого города, это он, увидев в гаванском музее древние картины, которые называются «фаюмскими портретами», рассказал про их происхождение.

Вот что значит быть по-настоящему образованным человеком!

А другой ученый, оказавшийся в нашей группе, поражал нас тем, что почти про каждое растение мог сказать, как оно называется, чем знаменито, где встречается. Хотя эти познания не имели отношения к его профессии. Просто оба эти человека обладали очень широкими интересами. И теперь, когда я вспоминаю наше путешествие, среди его достопримечательностей я вспоминаю этих своих спутников.

Вот и сейчас мне захотелось рассказать вам об одном человеке, совершившем подвиг в годы борьбы за независимость Мексики, но я никак не мог вспомнить, как его звали.

Я позвонил тому ученому, который удивлял нас своими познаниями в области истории Мексики.

— Валентин Алексеевич, не помните ли вы, как звали индейского шахтера, который во время штурма крепости, где засели испанцы, поджег ворота?

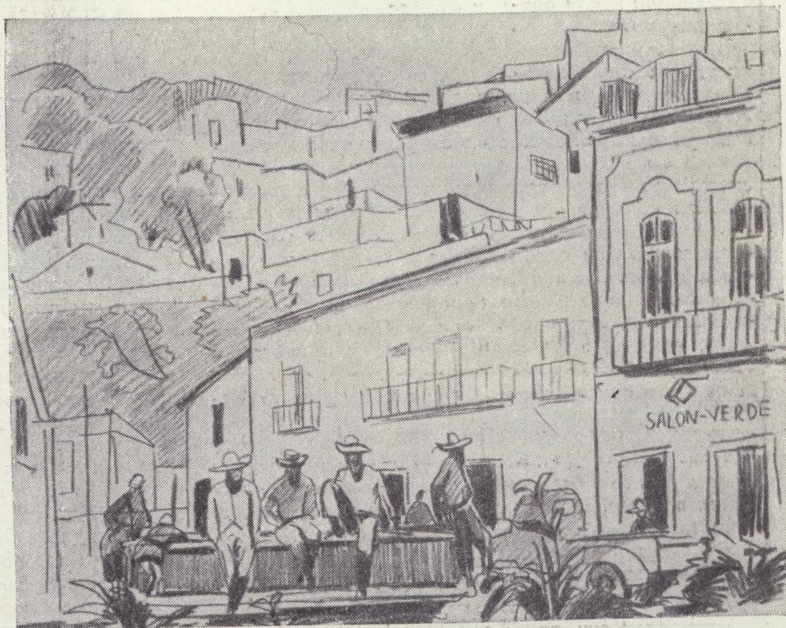
Академик Валентин Алексеевич Каргин секундочку подумал и сказал:

— Его звали Попело.

Ну конечно же, его звали Попело!

Историю Попело мы услыхали в городе Гуанахуато — одном из городов, лежащих на Дороге Независимости.

Мексиканцы, восставшие против испанского владычества, взяли город штурмом. Но испанцы не хотели уходить. Они засели в каменном здании казенного склада и превратили его в крепость. У испанцев был запас продовольствия и воды, много оружия, порох пули. У осаждавших были только пики, индейские луки со стрелами и крестьянские ножи. Но восставшим помог индеец-шахтер Попело. Испанцы стреляли со стен крепости, лили кипяток, а он, прикрывшись тяжелой каменной плитой, подобрался к крепости и поджег ее деревянные ворота.

У фонтана в городе Гуанахуато. П. Оссовский.

Теперь в крепости устроен музей. У входа маленькая фигурка. Она изображает Попело, подбирающегося к стенам крепости. А на выезде из города огромная статуя. Это тоже Попело. В руках у него факел. Пламя факела высечено из камня.

Мы бродили по крутым улочкам города Гуанахуато. Они такие узкие, что когда угольщик везет на ослике мешки с углем, на стенах домов остаются черные полосы.

И рано утром и поздно вечером встречали мы в Гуанахуато босоногих оборванных ребятишек. Они тащат в гору тяжелые канистры с водой, они продают газеты и жевательную резинку, чистят обувь, обступают приезжих, предлагая купить у них фотогра-

фии, игрушечных петушков, бутылку воды или связку бананов. Оборванных, голодных детей, которые с шести-семи лет проводят целые дни на улице в поисках заработка, в Мексике мы встречали везде. Этого я никогда не забуду.

И еще я никогда не забуду поездку на озеро Пацкуаро. Оно открылось нам после целого дня пути между берегом синих гор и берегом зеленых кустов и издалека показалось мне прекрасным.

На дорогах Мексики. П. Оссовский.

В гостинице на берегу нам подарили карту озера. На полях карты были нарисованы фигурки индейцев в веселых голубых костюмах и желтых соломенных шляпах. Они беспечно ловят рыбу, они погоняют грациозных осликов, приветливо улыбаясь, продают яркие плоды. В углу карты хохочет рыжекудрое солнце. И все это выглядит так, будто озеро Пацкуаро и его берега — настоящий рай для индейцев.

А потом нас отвезли на моторных лодках на середину озера. Мы обгоняли индейцев-рыбаков; они плыли в долбленых пирогах, точно таких, какие поразили европейцев много веков тому назад. В середине озера расположен остров. Мы высадились на него, еще не зная, зачем нас сюда привезли и что нам собираются здесь показать.

На острове крутой холм. От его подножия к вершине вьется узкая улица. По обеим ее сторонам — дома получше и похуже, победнее и побогаче. Но у всех этих домов одна особенность: они построены так, что тот, кто проходит по улице, видит все, что делается в доме. Он видит, как женщины пекут лепешки и расчесывают волосы дочерей, он видит мужчин, которые вырезают маски на продажу или плетут сети. Он может заглянуть в каждую тарелку каждого дома.

Жители этого острова — это все, что осталось от некогда огромного и могущественного племени индейцев тараско. Сюда возят туристов, чтобы они могли купить у индейцев предметы их ремесла и поглядеть на их жизнь. Никто не называет этот остров музеем, но это музей, а люди, которые живут на нем, превращены в живые экспонаты. Их жизнь — жизнь бедная и трудная, их голод, лишения, их болезни — все выставлено напоказ.

Я не видел в путешествии по Мексике ничего прекраснее, чем озеро Пацкуаро издали, и ничего страшнее, чем озеро Пацкуаро вблизи.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Вспоминая все то, что я видел на Кубе и в Мексике, я никак не мог уснуть в самолете. А самолет летел над Соединенными Штатами Америки, над тем самым соседом Мексики и Кубы, который такую зловещую роль сыграл в их истории. Рано утром приземлились мы на аэродроме канадского города Монреаля. Еще вчера над нами шумели пальмы, а сегодня мы проходим по улицам, где сверкает морозный снежок, люди ходят в шубах.

Мы так много видели за предшествующие дни нашего путешествия, что в Монреале уже все скользило мимо сознания. Мне запомнились только зимние январские краски этого города, солнечного и морозного, такие удивительные после зеленых январских тропиков.

Ночь в самолете. Прыжок через Атлантический океан. День в Амстердаме. Снова самолет. Короткая посадка в Варшаве. И вот мы в Москве.

Позади самое длинное путешествие моей жизни. Позади остались десятки тысяч километров, несколько стран, множество городов и деревень. А мне все вспоминается пионерский поход моего детства.

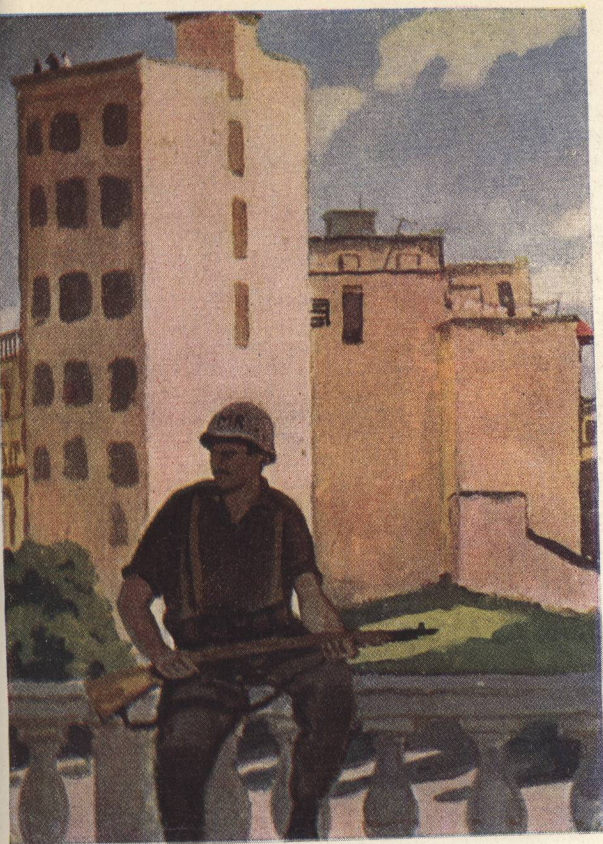
Он закончился встречей с бойцами республиканской Испании. Они пришли к нашему пионерскому костру и рассказали о боях с фашистами у стен Мадрида. И мы поняли тогда: борьба, о которой мы столько читали в книгах про революцию и гражданскую войну, не закончена в мире, она продолжается.

Прошло много лет. Я вернулся из большого путешествия и еще яснее понял то, что когда-то так остро ощутил в детстве. Борьба простых людей за свободу и счастье не окончена, она продолжается. И идет она во всем огромном мире.

В. ИВАНОВ
П. ОССОВСКИЙ

Путевые зарисовки

КУБА. ЗАЩИТНИК ГАВАНЫ П. Оссовский

ЕГО ЗОВУТ «СОВЬЕТИКО» В. Иванов

КЮРАСАО
ПЛАВУЧИЙ РЫНОК
В ГЛАВНОМ ГОРОДЕ
ОСТРОВА ВИЛЛЕМСТАДЕ.

П. Оссовский

МЕКСИКА

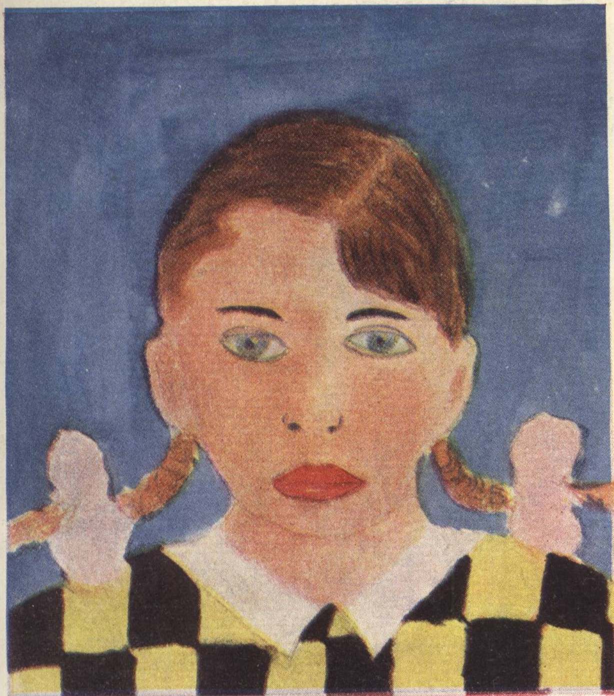
В. Иванов

МЕКСИКАНСКИЙ МАЛЬЧИК НА ПЛАНТАЦИИ АГАВ

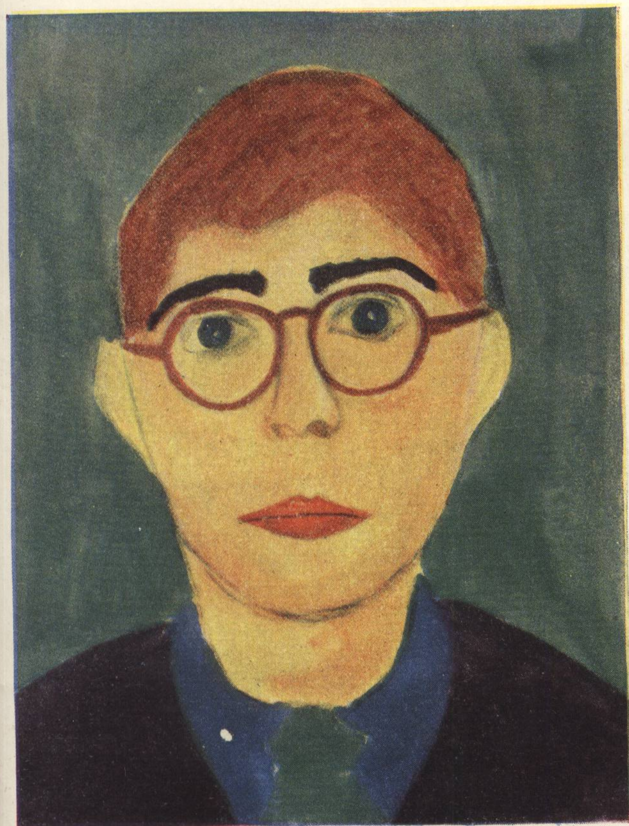
П. Оссовский

Авто-портреты

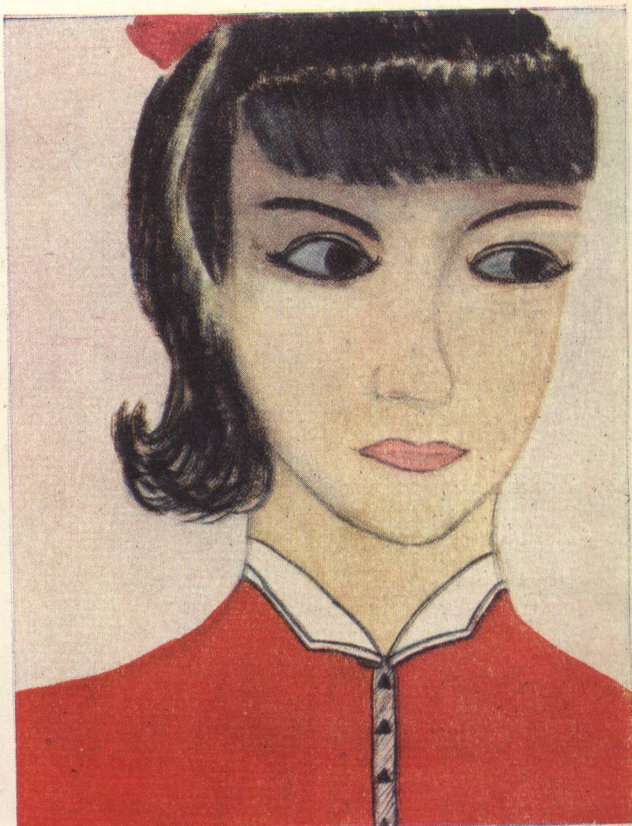
Рисунки учеников 112-й школы города Москвы

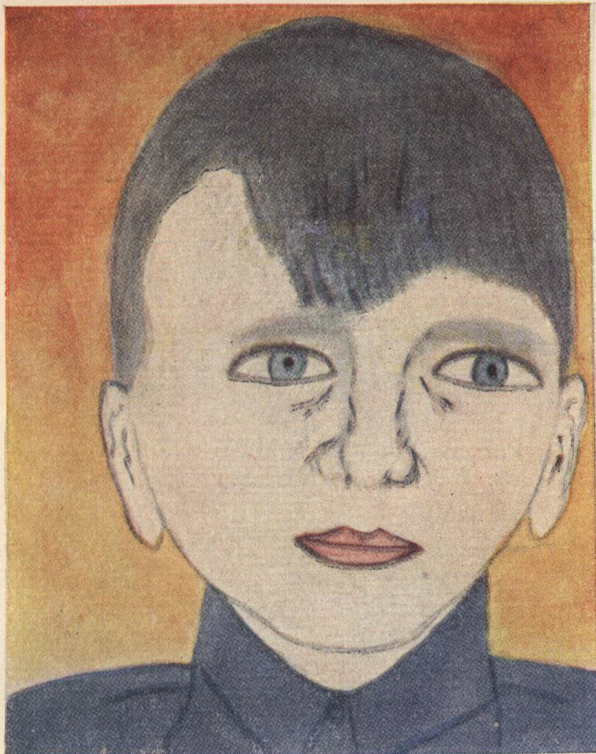
Светлана Вихерева, 7-й класс.

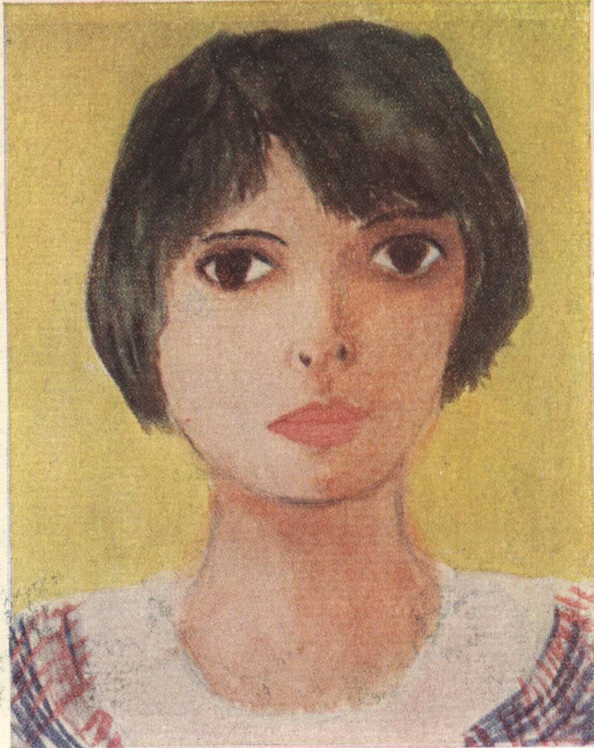
Слава Семенов, 7-й класс.

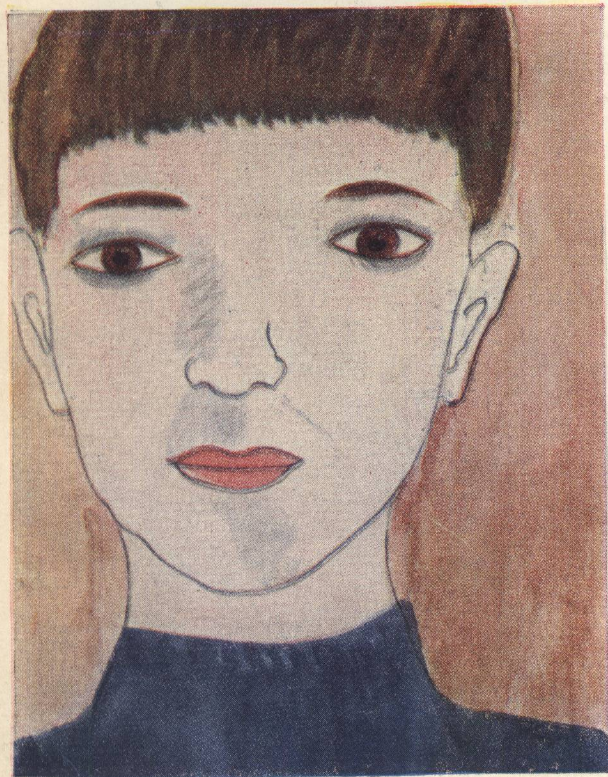
Таня Козлова, 6-й класс.

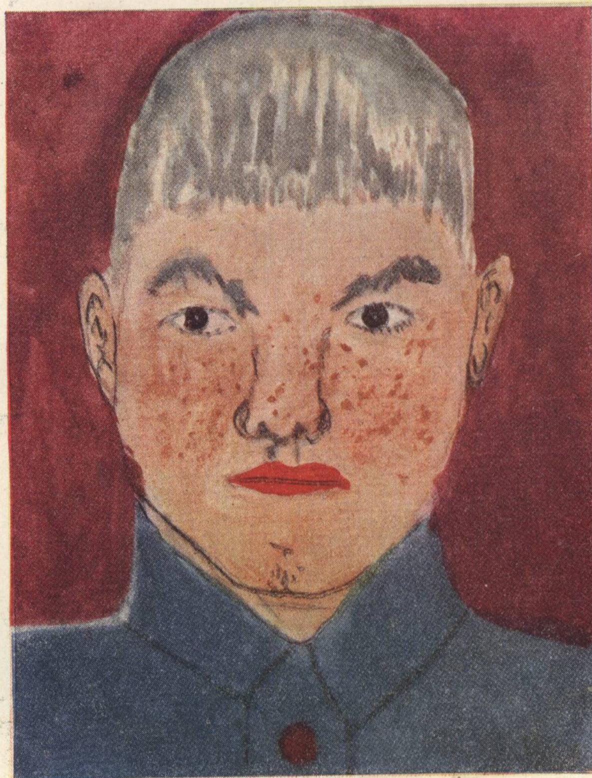
Игорь Фролов, 6-й класс,

Галина Эйснер, 5-й класс.

Александр Петров, 5-й класс.

Вова Кирьянов, 5-й класс.

Автопортрет

Ариадна ЖУКОВА,
учительница рисования 112-й школы, Москва

Все неприятности начались из-за меня. Таня пришла домой, бросила портфель на диван и небрежно сказала маме:

— Знаешь, что нам задала учительница по рисованию? Автопортрет!

— Что? — удивилась мама.

Таня удивилась тоже:

— Ты не знаешь, что такое автопортрет? Это портрет автора. Мой портрет. Потому что я автор.

— Чепуха какая! Ты же совсем не умеешь рисовать! — сердито сказала мама.— Не понимаю, о чем она думает, ваша учительница рисования!

Учительница рисования — это я. А думала я вот что. «Чудаки эти ребята! — думала я.— Они рисуют дерево так, как будто живут в пустыне и никогда не видели ни одного дерева,— какая-то морковка с тоненькими волосками, на которых сидят листики. А ведь каждая девочка и каждый мальчик видели, наверно, миллион деревьев. Просто они не умеют смотреть. И человечков они рисуют никуда не годно. А ведь каждый день они подходят к зеркалу, чтобы причесать волосы и завязать галстук. Не видят они себя, что ли? Надо во что бы то ни стало заставить их на себя посмотреть! Да не просто посмотреть, а так, как смотрят художники. Это — главное. А какой получится рисунок, неважно».

Я пришла в школу и сказала:

— Сегодня я вам задаю на дом автопортрет. Вы сядете перед зеркалом и нарисуете сами себя.

Все очень испугались и закричали:

— Мы не сможем! Никак не сможем!

Но я им сказала:

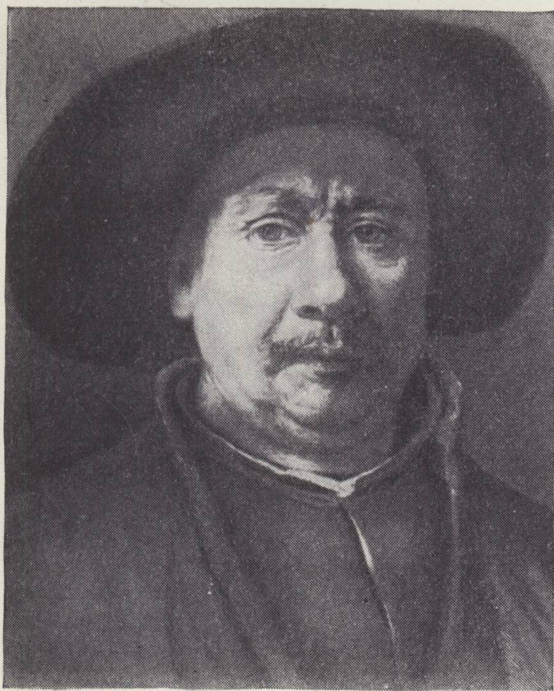
— Договаривались мы с вами в начале года ничего не бояться?

— Договаривались! — мрачно ответили все хором.

— Тогда нечего трусить! Слушайте! — сказала я.

И рассказала им все, что знала об автопортрете. Где найти художнику натурщика, более терпеливого, чем он сам? Такого натурщика, конечно, не найти. Поэтому художник садится перед зеркалом и рисует себя. Его никто не торопит. Он смотрит на свое лицо, сколько хочет, думает, рисует, стирает, рисует снова. Ему никто не мешает. Голландский художник Рембрандт рисовал себя в зеркале смеющимся, улыбающимся, нахмуренным, в шляпе, без шляпы, в берете, в ночном колпаке. Как артист, он менял перед зеркалом костюмы и выражения лица. Как ученый, он изучал человеческую мимику. Как терпеливый ученик, он внимательно рисовал. Русский художник Тропинин изобразил себя с кистью и палитрой в руке. А итальянский живописец Пармиджанино нарисовал себя в выпуклое зеркало, какое бывает в комнате смеха: на переднем плане лежит огромная изогнутая рука, а за ней, вдали,— маленькая голова.

— Но мы не будем заниматься фокусами,— сказала я.— Мы поставим перед собой скромную задачу: сесть перед зеркалом, посмотреть на себя глазами художника и нарисовать, как сможем. Глазами художника? Что это за «глаза художника»? О, это удивительные глаза. В глазу художника должны быть и циркуль и линейка. Художник видит, что голова человека делится на четыре равных части: подбородок, нос, лоб, волосы. Художник видит, что расстояние между глазами равно примерно величине глаза. Ему ясно, что если расстояние от подбородка до носа разделить на три равные части, то верхнее деление обозначит разрез рта. А еще художник видит цвет, свет и тени. Посмотрите, как тени скользят

Рембрандт. Автопортрет. Около 1657 года.

по вашему лицу. Посмотрите, как падает тень от носа, какая тень лежит на щеке. Ну-ка, смешайте краски и найдите цвет ва-

В. А. Тропинин. Автопортрет. 1846 год.

шей кожи на свету и в тени. Не бойтесь, друзья мои! Забудьте, что это трудно. Просто сядьте перед зеркалом и решайте по порядку все задачи, как я вас учила.

Дома Таня так и сделала. Она села перед зеркалом и увидела свое беленькое лицо и торчащие в стороны косички. На носу были веснушки. «Интересно, веснушки рисовать?» — подумала Таня. Но сначала надо было нарисовать голову. Таня храбро взяла карандаш.

Когда мама пришла домой, Таня с увлечением ставила на нарисованной физиономии большие коричневые веснушки.

— Боже мой, Татьяна, что это такое? — удивленно спросила мама.

— Это я.

— Это не ты. Это маленькая растрепанная обезьянка.

«Маленькая обезьянка» обиделась и пустилась в рев. Одна слеза упала прямо на нарисованный нос. Нос расплылся. Вместо него получилось большое коричневое пятно. Всхлипывая, Таня стерла пятно и снова нарисовала нос. Новый нос вышел еще хуже. Мама, гремя тарелками, сердито накрывала на стол. Настроение в доме было испорчено.

Утром Таня выпила молока, быстро заплела косички и пошла в школу. Во дворе она увидела Сережку Мехова, мальчика из их класса. Сережка стоял под окнами и кричал:

— Витька-а-а! Витька-а-а!

— Ты что кричишь? — спросила Таня.

— Витьку зову. Он очень долго ругается с бабушкой.

Таня остановилась и стала ждать вместе с Сережкой.

Наконец из дома вышел расстроенный Витя.

— Разорвала! — в отчаянии объявил он.

— Автопортрет? — сразу поняла Таня.

— Да не автопортрет! Какой может быть автопортрет, когда мне вчера Смирнов глаз подбил? Даже Рембрандт не рисовал себя с подбитым глазом. Я бабушку попросил посидеть. Рисовал, рисовал!.. Весь вечер рисовал!..

— Ну и что?

— Что?! Разорвала! Я, говорит, старый человек и издеваться над собой не позволю! Моду, говорит, какую завели, стариков на посмешище выставлять! И разорвала.

— Сегодня?

— Вчера.

— А что ж ты с ней сегодня ругался?

— Я не ругался. Я ей про Рембрандта объяснял,— угрюмо сказал Витя.— А ну-ка, покажите ваши автопортреты!

Таня неохотно вынула портрет «маленькой обезьянки» с большими коричневыми веснушками, а Сережа гордо достал два автопортрета — свой и мамин.

— Я сел вчера рисовать,— объяснил Сережа,— а мама смотрела, смотрела, вынула другое зеркало и тоже принялась себя срисовывать. Папа подошел и сказал: «Тася, ты тут вылитый Петр Первый!» А по-моему, похожа!

Пармиджанино (1503—1540). Автопортрет в выпуклом зеркале.

Сережа отстранил рисунок, и все трое «глазами художников» серьезно посмотрели на него.

— Есть немножко! — снисходительно, как истинный ценитель, заметил Витя.

— Очень, очень похожа! — с восхищением сказала Таня.

И все трое заторопились в школу.

В этот день у меня в школе был очень трудный урок: девочки стеснялись сдавать автопортреты, мальчишки смеялись над ними и смело клали мне на стол розовые, коричневые, желтые и даже зеленые нарисованные физиономии. Но я не огорчалась: мне не важно, какие вышли рисунки. Важно, что все мои ученики сели перед зеркалом и посмотрели на себя, наконец, глазами настоящих художников.

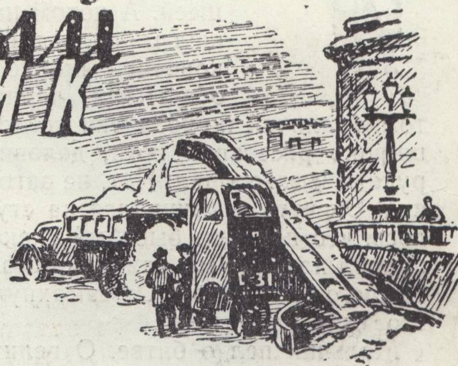
И, честное слово, автопортреты вышли у них не такие уж плохие!

Железный дворник

Э. МОШКОВСКАЯ

Рисунок В. Цельмера.

Этой ночью
Снег — навалом!
Объявляется
Аврал.

На проспект
За самосвалом
Выезжает
Самосвал.

Впереди бежит ретиво
Не машина —
просто диво!

Снегоочистительная,
Снегособирательная,
Снегоизумительная,
Снегозамечательная!

Очень
Полезный
Дворник
Железный:
Работает
Споро,
Точно,
Скоро!

Лопастями,
Как руками,
Снег машина
подает —

В самосвале
За бортами
Сам
Сугроб растет!

За самосвалом —
Самосвал
По Сретенке,
По Бронной.

И каждый в кузов свой вобрал
Сугробов,
Может, тонны!

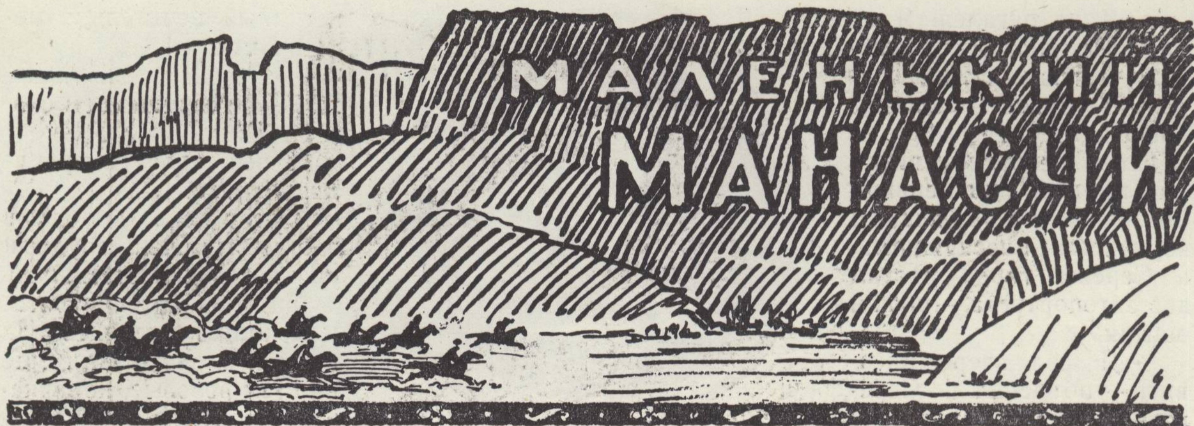
Тяжело ревут моторы,
На проспекте —
полный газ!

Снежный поезд,
Поезд скорый
Мчит
который раз!
И трещит от грузов
Пузо —
кузов!

Возле речки
Стоп, мотор!
Рукоятку
Сжал шофер,
Сбро-
сил
но-
шу,
Как
ка-
ло-
шу!
И какая бы погода
Ни стояла на дворе,

Для проезда,
Для прохода,
Для машин,
Для пешехода,—

Город чист для пешехода
Даже в январе!

Маленький манасчи

И. СТРЕЛКОВА

Рисунки В. Федяевской.
Фото Болуша Керимбаева.

Это было на детском концерте. Ребята пели, танцевали, играли на рояле и на киргизском народном инструменте — комузе, похожем на птицу с длинной тонкой шеей. А потом на сцену вышел мальчик в белой островерхой шапке с полями, обшитыми черным бархатом. Мальчик по-хозяйски уселся на стуле, широко расставил ноги, деловито закатал рукава и заговорил. Нет, не заговорил, а запел. Он чуть покачивался на стуле, и казалось, что под ним быстрый скакун. Он расправил плечи, и мы увидели богатыря, опоясавшего себя мечом. Он взмахнул рукой — и это был удар меча.

Мальчик пел о битве. О великом сражении за свободу киргизского народа. Он рассказывал о героях — и у каждого из них было свое лицо, каждый говорил своим голосом.

Так я впервые увидела Жаныбека Мусукеева, маленького манасчи.

Манасчи — так зовут певца, который исполняет старинный киргизский эпос о Манасе, сказочном народном герое. Манас и его сорок богатырей храбро бились за счастье народа. Когда-то чужеземные завоеватели изгнали киргизов из родных краев.

Но Манас собрал разбросанные по свету киргизские роды и вернул землю отцов. А когда погиб Манас, на защиту киргизов встал его сын Семетей. А у Семетея вырос сын — герой Сейтек.

В киргизский эпос «Манас» вошло много сказок, легенд и преданий.

Казахский ученый и путешественник Чокан Валиханов первым перевел «Манас» на русский язык — один небольшой отрывок. Манасчи уверяли Валиханова: трех дней не хватит, чтобы выслушать весь «Манас». Ученый решил, что это — преувеличение. Но он ошибся. Весь «Манас» не переслушаешь и за месяц.

Есть в Киргизской Академии наук сектор, который специально занимается «Манасом». Здесь записывают — том за томом — строки поэмы, сохранившейся в народе благодаря удивительному таланту многих поколений манасчи.

Товарищи из академии помогли мне встретиться с самым знаменитым из нынешних манасчи — Саякбаем Каралаевым. Я ожидала увидеть дряхлого старика с серебряной бородой, но Каралаев, несмотря на преклонные годы, выглядел крепким и по-военному подтянутым. В молодости он был красным партизаном, сражался в горах с басмачами. А потом долгие годы славился как смелый и удачливый охотник с беркутом.

Молодые научные сотрудники почтительно усадили Саякбая Каралаева. Он сам был для них человеком-легендой. Его память сохранила полмиллиона строк «Манаса» — тридцать толстых томов записано в академии со слов Саякбая Каралаева.

В тот день знаменитый манасчи по просьбе своих молодых друзей пел о женитьбе Манаса на красавице Каныкей. Запись этого эпизода уже есть в академии, но если бы кто взялся следить за Каралаевым по книжному тексту, то непременно заметил бы в его исполнении что-то новое. Ведь манасчи

не просто человек с хорошей памятью, он еще и поэт. И артист. Рассказывая об унижениях, выпавших на долю матери Манаса, Саякбай Каралаев плакал, слезы лились по его лицу.

Когда-то манасчи выступали в юртах. Сколько человек слушало певца? Двадцать, тридцать. Ну, сто... А сейчас, когда Саякбай Каралаев выступает по радио или по телевидению, его слушают тысячи людей.

Маленький Жаныбек тоже слушал Саякбая Каралаева по радио. Он жил в колхозе «Кызыл-туу», в Тянь-Шаньской области. Недалеко от аула было высокогорное пастбище — джайлоо Сонкуль. Там есть камень, на котором словно отпечатался след огромного конского копыта.

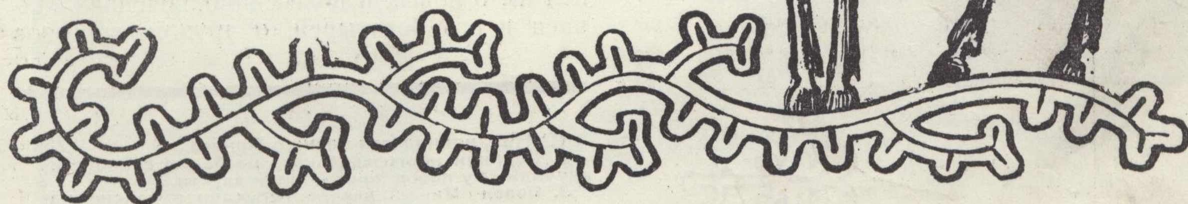
— Это след копыта Светлосаврасого, знаменитого коня Манаса,— сказал Жаныбеку его отец Мусуке Орызабеков.

Таких камней в Киргизии сотни. И не меньше здесь могут назвать речушек, из которых пил конь Манаса, и вершин, через которые перелетал неутомимый скакун.

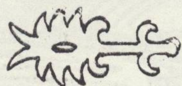
О Манасе Жаныбек прочел едва лишь научился грамоте. Книжку подарил ему отец. Потом Жаныбек болел. Он перечитывал заветную книжку и удивлялся, что помнит все строки поэмы.

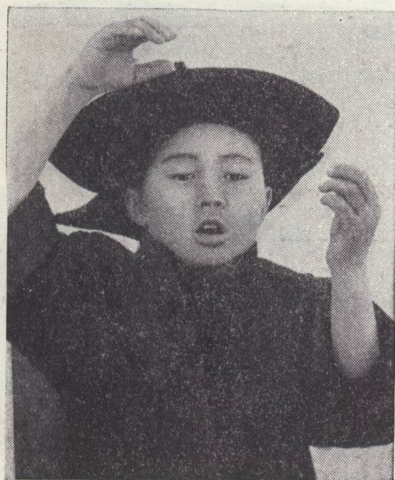
Люди, приходившие к отцу, с удовольствием слушали, как Жаныбек исполняет

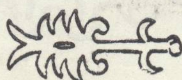

«Манас». Так, наверное, в русских семьях зовут к гостям смышленого мальчика, чтобы прочел «с выражением» Пушкина или Некрасова. Тогда Жаныбек еще не был манасчи. Для всего нужно время.

В родном ауле мальчик закончил четыре класса, и отец отвез его в пятый класс школы-интерната № 1 города Фрунзе.

В большой спальне разместили с десяток ребят. Никто не хотел спать в эту первую ночь. Начали пересказывать фильмы. Потом перешли к страшным историям. А когда дошла очередь до Жаныбека, он сел в постели, подвернул ноги калачиком и негромко запел о Манасе. Если бы кто тогда попробовал проверить его по книге, то заметил бы, что Жаныбек придумывает свой вариант старинной поэмы. Его рассказ о Манасе проще, живей и понятней, чем у старых манасчи.

Воспитатель шел по коридору. Было очень тихо. Только из одной спальни слышался негромкий мальчишеский голос. Воспитатель открыл дверь. В этой комнате никто не спал. Мальчики сидели на кроватях, и один из них пел о Манасе, о битве богатыря с Железным Стрелком, о вражеских воинах, у которых вместо правых рук были кинжалы, и воины точили перед битвой свои руки на оселках.

Воспитатель не решился сразу прервать маленького манасчи. Ведь то, о чем он пел, было очень интересно. Манас вышел один на один на бой с Железным Стрелком. Тот размахнулся, но ловкий киргизский богатырь отпрянул в сторону, и Железный Стрелок полетел в воду...

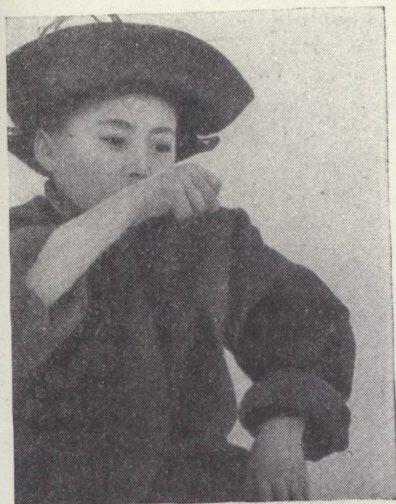
Мальчики наконец заметили воспитателя и поспешно юркнули под одеяла. Только певец, ничего не замечая вокруг, продолжал свой рассказ о битве. Голос его заметно охрип.

Воспитатель бережно положил руку на плечо Жаныбека. Мальчик очнулся и с возгласом «ой» нырнул в постель. Было уже поздно. Рассказ маленького манасчи длился почти три часа.

О замечательном даре Жаныбека узнал весь интернат. Ребята в свободные часы одолевали его просьбами. И мальчик охотно пел им о новых и новых приключениях Манаса и его богатырей, о дружбе киргизов

---

1. Итак, начинается песнь о Манасе...
2. Подняли киргизы Манаса на белом войлоке и вручили ему повод коня — знак власти...
3. Повел Манас девяностотысячное войско на землю отцов, чтобы отвоевать ее у чужеземцев...

с китайским золотокосым героем Алмамбетом. Жаныбек мог петь несколько часов подряд. Пришлось учителям вмешаться в это дело. Они поговорили с ребятами, и с тех пор маленький манасчи выступает только на концертах, на школьных вечерах. Он поет и о Манасе, и о его сыне Семетее, и о сыне Семетея — Сейтеке. Все, что он прочел в четырех томах, Жаныбек пересказывает по-своему. И знающие люди говорят, что маленький манасчи — большой мастер своего дела.

...Мы встретились с Жаныбеком в школе после уроков. И я очень обрадовалась, когда поняла, что мальчик, одаренный редким талантом манасчи, ничем не отличается от своих одноклассников. Он играет в футбол и с азартом орудует напильником в школьной мастерской. А из предметов, которые проходят в шестом классе, Жаныбек больше всего любит вовсе не литературу, а физику.

4. Спустил стальную стрелу, и она вонзилась в спину коварного хана Алаоке...

5. Следом за Манасом скачет его верный друг Чубак...

6. Красавица Каныкей сидит с подругами, расчесывает длинные косы...

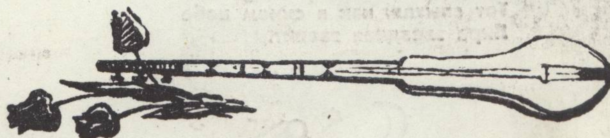
7. Смотрит Манас на Тянь-Шань — край своих отцов. Он освободит его от чужеземцев...

Г. САПГИР
Рисунки П. Кирпичева.

Улица Космическая

Звезды
Тучами закрыты,
Над домами —
Море света.

Вот выходит
На орбиту
Наш автобус,
Как ракета.

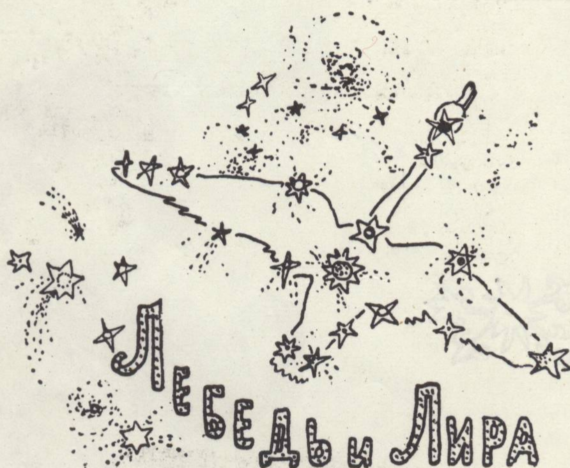
Как зеленые
Планеты,
Проплывают
Светофоры.

А навстречу,
А навстречу
Мчатся фары —
Метеоры...

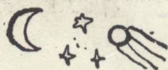
Звезды
Электрические,
Улица
Космическая!

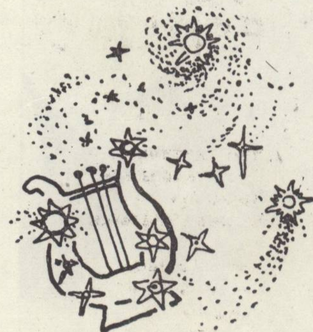

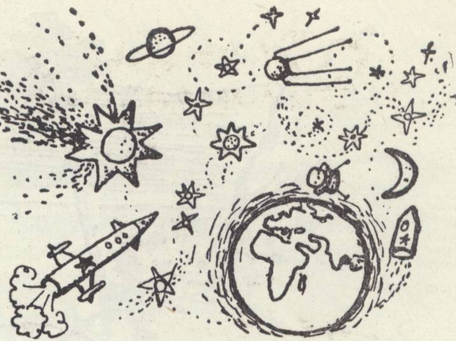

Высоко —
Далеко
Разлилось молоко.
Это Млечный
Путь,
Это звездный
Путь.
Но по этому пути
Не проехать,
Не пройти.
Только мчится
Свет
Миллионы
Лет.

Кто смотрел на купол звездный
Поздней осенью морозной,
Тот видал, как звездный Лебедь
Поднимается в зенит,
Тот слыхал, как в синем небе
Лира звездная звенит.

Раскинув свой огнистый хвост,
Комета мчится между звезд.
— Послушайте, созвездия,
Последние известия,
Чудесные известия,
Небесные известия!

Несясь на диких скоростях,
Была у Солнца я в гостях.
Я Землю видела вдали
И новых спутников Земли.
Я уносилась от Земли,
За мной летели корабли!

...етона в основание плотины. Рисунок Г. Завьяловой.

...вижу: ...едет на ...ит, она ... Шагает ...ашиваю: ...т вверх, ...ас заме- ... Все они ...ия. Свет-

лая комната. Три кровати. На стенах репродукции с картин русских и китайских художников. На столе и тумбочках книги, учебники, тетради...

Из общежития мы идем в клуб. Дорогу пересекают улицы: Дуговая, имени Патриса Лумумбы... За клубом лес кончается. Отсюда, с опушки, видны целые кварталы. Дома уже не такие новенькие, чуть-чуть успели потемнеть. Перед каждым домом палисадник, на подоконниках цветы. И что интересно: город есть, а людей почти не видно. Кое-где играют ребятишки, да редко-редко встретишь старуху. Населяют этот молодой город молодые люди. А они сейчас все на строительстве ГЭС.

Опять ступеньки бесконечной лестницы, но вниз идти легче. Спускаемся к Енисею. Напротив, на левом берегу, высокие-высокие отроги Саян, прямо от воды уходящие в небо. Они одеты густым лесом. Только на одной горе что-то вроде поляны или, может, вырубки, и там белеют большие буквы: «СЛАВА КПСС!»

— Здóрово! — говорю я Толе.— Куда ни пойдешь, отовсюду эти слова видны.

— А как же! Нарочно такую гору выбрали.

— Кто?

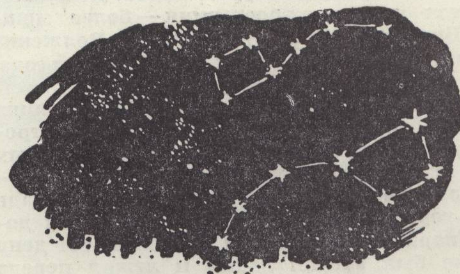
— Да наши комсомольцы из общежития. Собрались в выходной, переправились на тот берег и полезли вверх. Ох, и крутые горы! Мы еще ведро с известкой тащили да камни в рюкзаках. Зато наша

Нам сказали:
Две Медведицы
По ночам
На небе светятся.

Ночью в небо
Мы взглянули —
Увидали
Две кастрюли.

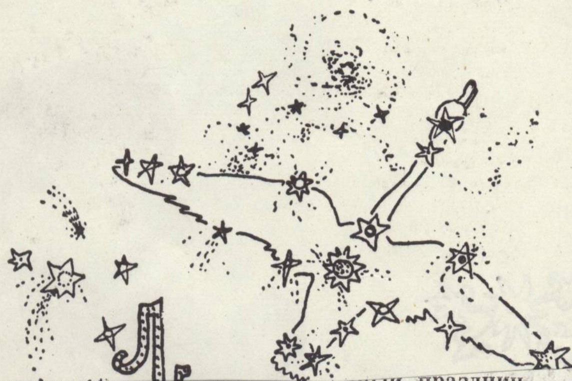
Как ракета.

Как зеленые
Планеты,
Проплывают
Светофоры.

А навстречу,
А навстречу
Мчатся фары —
Метеоры...

Звезды
Электрические,
Улица
Космическая!

через Обь, будто иллюминированный праздничный проспект. Море света в сибирских городах!

И вот наконец Красноярск... Здесь, неподалеку, строится гидроэлектростанция — более мощная, чем Братская ГЭС на Ангаре, чем Волжские ГЭС имени Ленина и имени XXII партсъезда, вместе взятые... Сюда и лежит мой путь.

В Красноярске, родном городе художника Сурикова, я ожидала увидеть деревянные тротуары, купеческие особняки из лиственничных бревен, а вместо этого увидела новый вокзал — красивое здание с колоннами, огромную площадь в центре города, широкие улицы с новыми домами. За парком поблескивал Енисей. В тот день он еще не был скован льдом и лежал передо мной, широкий, могучий и такой голубой, будто в него высыпали тонны самой лучшей синьки.

Я иду по улице Дзержинского, смотрю: сидит

...ИХ ГОР

...исаднике дед с бородой, как дым. На глазах ...о очки, на руке часы с черным цифербла- ...Я хотела узнать у него, как проехать на ...ку гидроэлектростанции, а вместо этого ...ила:

...едушка, сколько вам лет?

...А? — Дед повернул ко мне левое ухо.— Лет ...немало — девяносто девять.

...еужто девяносто девять?

...е веришь? Пойдем паспорт покажу.

...Да нет, зачем же, я верю!

...н Трифонович Жаров усадил меня рядом и ...рассказывать о себе. Сколько он повидал за ...вековую жизнь!

...В мое время ни моторов, ни электричества ...ыло,— говорил он.— Керосин появился, о! ...ю, у богачей была большая лампа, шестна...линейная. Все ходили, в окошко загляды... Чем мы занимались? Да всем: лес плави...рова поставляли в тюрьму да в казенную ...у, тайгой занимались — охотой. Жили мы ...а самом краю, пашню пахали, хоть немного, ...яли пшенички. Вот на том бугре у нас паш...ыла...

...мотрю, куда показывает Иван Трифонович, и вижу: теперь эта пашня самый центр города — улица Эйнбаума...

* * *

Шофер ведет «Волгу» по большому новому мосту. Мост очень красив. Он сборный, сделан по последнему слову техники. Его строили так, как дети складывают детали «Конструктора»: соединили две полуарки — и пролет готов.

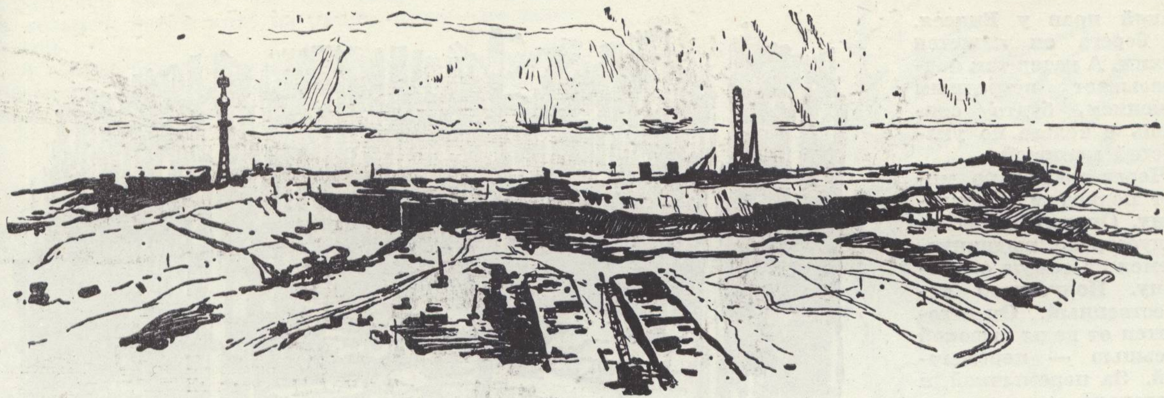
Выехали с моста на берег, повернули на шоссе, оставив позади городок турбазы. Справа синеет Енисей, слева поднимается в гору тайга.

Через час шофер останавливает «Волгу».

— Приехали. Дивногорск!

Дивногорск — это новый город, где живут строители Красноярской ГЭС.

Я выхожу из машины и осматриваюсь. Слева гора, справа спуск к реке, и все в густых зарос-

Котлован. Здесь идет укладка бетона в основание плотины. Рисунок Г. Завьяловой.

лях сосняка, берез. Где же город? Вдруг вижу: автобусная остановка. А вон лестница ведет на гору. Если построили лестницу, значит, она кому-то нужна. Поднимаюсь.

Меня перегоняет парень лет двадцати. Шагает через две ступеньки, оглядывается. Спрашиваю:

— Так я выйду к Дивногорску?

Он смеется:

— Да вы и есть в Дивногорске!

Я ничего не понимаю.

Парень — его зовут Толя — показывает вверх, туда, где кончается лестница.

— Вон наше общежитие, бетонщиков...

Я запрокидываю голову и только сейчас замечаю за деревьями дома... Много домов. Все они новенькие, отливают желтизной.

Толя живет на втором этаже общежития. Светлая комната. Три кровати. На стенах репродукции с картин русских и китайских художников. На столе и тумбочках книги, учебники, тетради...

Из общежития мы идем в клуб. Дорогу пересекают улицы: Дуговая, имени Патриса Лумумбы... За клубом лес кончается. Отсюда, с опушки, видны целые кварталы. Дома уже не такие новенькие, чуть-чуть успели потемнеть. Перед каждым домом палисадник, на подоконниках цветы. И что интересно: город есть, а людей почти не видно. Кое-где играют ребятишки, да редко-редко встретишь старуху. Населяют этот молодой город молодые люди. А они сейчас все на строительстве ГЭС.

Опять ступеньки бесконечной лестницы, но вниз идти легче. Спускаемся к Енисею. Напротив, на левом берегу, высокие-высокие отроги Саян, прямо от воды уходящие в небо. Они одеты густым лесом. Только на одной горе что-то вроде поляны или, может, вырубки, и там белеют большие буквы: «СЛАВА КПСС!»

— Здо́рово! — говорю я Толе.— Куда ни пойдешь, отовсюду эти слова видны.

— А как же! Нарочно такую гору выбрали.

— Кто?

— Да наши комсомольцы из общежития. Собрались в выходной, переправились на тот берег и полезли вверх. Ох, и крутые горы! Мы еще ведро с известкой тащили да камни в рюкзаках. Зато наша «слава» вон как видна!

Мы проходим по набережной, мимо школы. Ребята выбежали на перемену, играют в «Гуси-лебеди». Неподалеку висит кинореклама.

— Ого, у вас и широкоэкранный кинотеатр есть?!

— Да, недавно построили,— говорит Толя.— Вообще тут будет замечательно! Электричку проведем до Красноярска. Стадион большой сделаем... Магазины у нас хорошие. Пришел — и купил «Москвича» запросто.

На пристани мы садимся в катер, идущий к котловану: Толя спешит на работу. И только тут я понимаю,

Самые юные жители Дивногорска. Рисунок М. Живило.

какой нрав у Енисея. С берега он кажется тихим. А катер так подбрасывает встречным течением, будто скачешь в телеге по ухабистой мостовой.

Через несколько минут подходим к котловану. Он находится на полуострове, выдвинувшемся на самую стремнину. Полуостров искусственный. Он отгорожен от воды высокой насыпью — перемычкой. За перемычкой, в котловане, укладывают фундамент плотины.

Еще издалека видна черная, будто отлакированная ажурная вышка с гроздьями прожекторов. На ней реет ярко-алый флаг комсомольской стройки.

Катер с ходу врезается в гравийный берег.

— Не боитесь сесть на мель? — спрашиваю моториста.

— Что вы, нет! Здесь, под нами, глубина метра три-четыре. Тут как раз середина Енисея была.

Мы с Толей взбираемся по откосу на гребень перемычки. На обочине дороги сидит художник и пишет масляными красками панораму строительства. Перед ним огромнейший котлован, где все как будто сдвинуто, перевернуто, перемешано. Внизу, в этой гигантской яме, работают крохотные краны, ходят самосвалы — не больше спичечной коробки, люди — совсем муравьи.

Дивногорск — это город в лесу. Рисунок Г. Завьяловой.

Толя показывает:

— Вон там, влево, дорога на Шумиху. Это — маленькое село, скоро оно будет затоплено. Но геологи о нем даже песню сочинили...

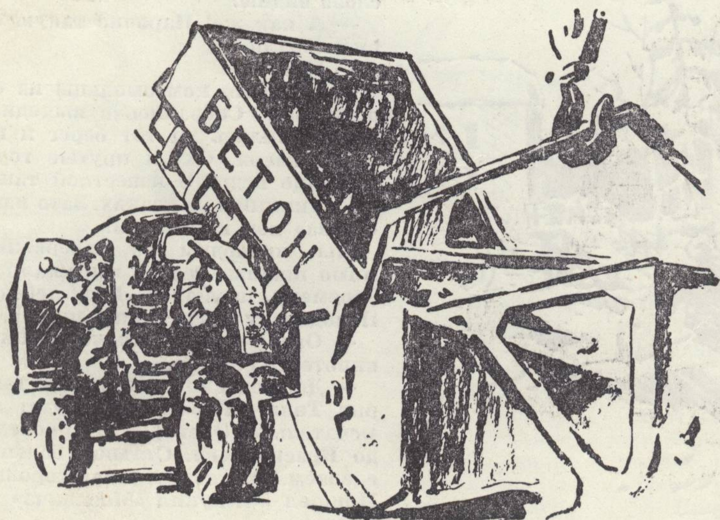
Да, это они, геологи, нашли такое замечательное место — Шумиху. Здесь, в шестидесяти километрах от Красноярска, самое узкое русло Енисея — всего 750 метров. Самое удобное для строительства плотины!

А первые дома на правом берегу поставили ивановские комсомольцы. Еще и дороги не было — они приплыли по Енисею, облюбовали место для города и дали ему имя — Дивногорск! Потом приехали другие комсомольцы, из других областей. Они прокладывали дорогу, ставили дома, строили мост, рыли котлован. Выросли ремонтно-механический и бетонный заводы, шлакобетонный, крупнопанельных блоков. Эти заводы не временные — они пригодятся и для других енисейских новостроек.

— Мы еще на Саянской ГЭС поработаем,— говорит Толя.— На Амур поедем — строить Русско-Китайскую гидроэлектростанцию. А что?

...Котлован, по которому сейчас снуют машины, недавно был дном реки. Люди углубили это скальное дно на два-три метра. И вот уже желтеет опилками бетонированный козырек плотины.

— Тут работают наши бетонщики,— говорит Толя.— Высота плотины, знаете, какая? Сто тридцать метров! Чтоб водопад не подрыл основание плотины, мы и делаем

Движение рычага — и твердеющая масса опрокидывается вместе с кузовом самосвала. Рисунок М. Живило.

перед ней козырек, вот эту самую площадку. В козырек потом хоть из пушек пали — не пробьешь.

А сейчас бетон свежий, приходится опилками посыпать, чтобы лучше твердел... В общем, большой бетон начался!

* * *

В конторе строительства я беседую с инженером. Очень хочется представить, какой будет Красноярская ГЭС через три года.

— Такую реку, как Енисей, человек еще не пробовал обуздать,— говорит инженер.— Он несет в себе седьмую часть энергии всех рек Советского Союза. Представляете, какая сила? Плотина поэтому будет уникальная, под стать богатырю...

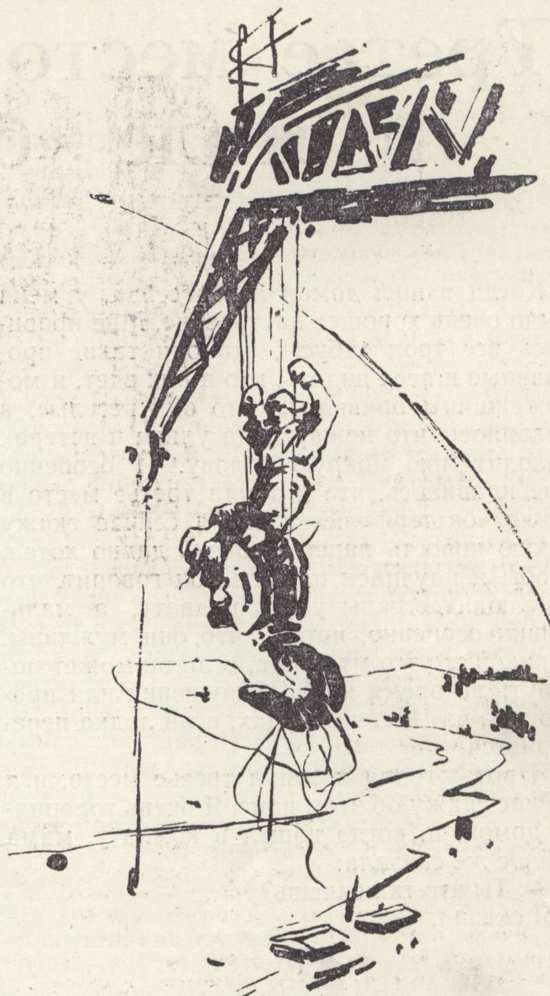
В 1965 году пустим первые пять турбин. Их уже монтируют в Ленинграде. Сперва думали делать турбины мощностью в 500 тысяч киловатт, но ленинградцы предложили довести мощность до 600—700 тысяч. Всего таких турбин будет десять, и есть еще резервные места для двух — одинадцатой и двенадцатой. Если каждая турбина будет давать по 700 тысяч киловатт, то мощность Красноярской ГЭС вместо предполагаемых 5 миллионов достигнет невиданной цифры — 8,5 миллиона киловатт! Энергия самая дешевая в мире. 100 киловатт-часов будут стоить всего три копейки. Да и вся стройка будет стоить почти вдвое дешевле Волжской ГЭС имени Ленина.

Через три года разольется море. Длина его — 388 километров, ширина — 15, глубина у плотины — 100 метров...

Все это уже рассчитано.

Все совершенно реально!

Я. МИХАЙЛОВА

Немало нужно иметь мужества и ловкости, чтобы устранять неполадки на такой высоте!

Рисунок М. Живило.

Хороша енисейская водичка! Рисунок М. Живило.

Третье место в стиле «баттерфляй»

Виктор ДРАГУНСКИЙ

Когда я шел домой из бассейна, у меня было очень хорошее настроение. Мне нравились все троллейбусы, что они такие прозрачные и всех видать, кто в них едет, и мороженщицы нравились, что они веселые, и нравилось, что нежарко на улице и ветерок холодит мою мокрую голову. И особенно мне нравилось, что я занял третье место в стиле «баттерфляй» и что я сейчас скажу такую новость папе; он очень давно хотел, чтобы я научился плавать; он говорит, что все люди должны уметь плавать, а мальчишки особенно, потому что они мужчины. А какой же это мужчина, если он может потонуть во время кораблекрушения или просто так, на Чистых прудах, если лодка перевернется?

И вот сегодня я занял третье место, и я сейчас скажу об этом папе. Я очень торопился домой, и, когда вошел в комнату, мама сейчас же сказала:

— Ты что так сияешь?

Я сказал:

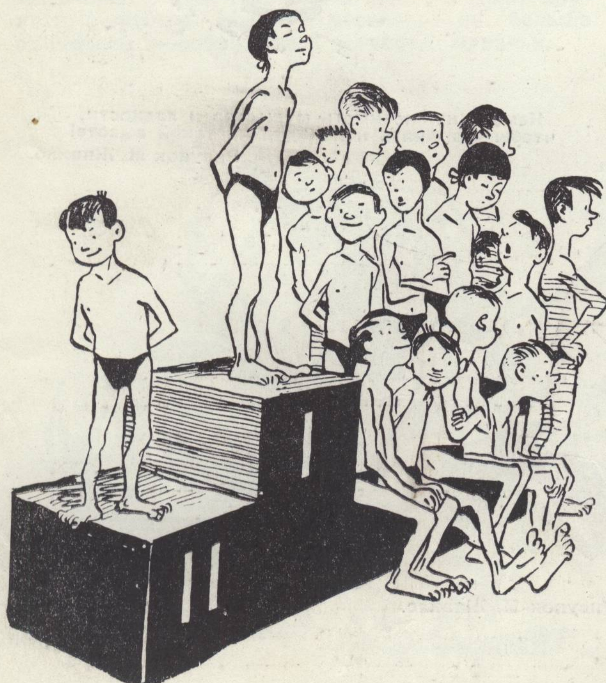

Рисунок Е. Ведерникова.

— А у нас сегодня было соревнование!..

Папа сказал:

— Какое? В чем?

Я сказал:

— Заплыв на двадцать пять метров в стиле «баттерфляй»...

Папа сказал:

— Ну и как?

— Третье место!— сказал я.

Папа прямо весь расцвел.

— Ну да?— сказал он.— Вот здорово!— Он отложил в сторону газету.— Молодчина!

Я так и знал, что он обрадуется. У меня еще лучше настроение стало. А папа спросил:

— А кто же первое место занял?

Я ответил:

— Первое место, папа, занял Вовка, он давно уже умеет плавать. Ему это не трудно было...

Папа сказал:

— Ай да Вовка! Так. А кто же занял второе место?

— А второе,— сказал я,— рыженький один мальчишка, не знаю, как зовут. На лягушонка похож, в воде особенно...

— А ты, значит, вышел на третье?— Папа улыбался, и мне это было очень приятно.— Ну что ж,— сказал он,— все-таки, что ни говори, а третье место тоже призовое, бронзовая, значит, медаль. Ну, а кто же на четвертом остался? Не помнишь? Кто занял четвертое?

Я сказал:

— Четвертое место никто не занял, папа!

Он очень удивился:

— Это как же?

Я сказал:

— Потому, мы все третье место заняли: и я, и Мишка, и Толька, и Кимка,— все-все. Вовка — первое, рыжий лягушонок — второе, а мы — остальные восемнадцать человек — мы заняли третье. Так инструктор сказал!

Папа сказал:

— Ах, вот оно что... Все понятно!..

И снова уткнулся в газету.

А у меня почему-то испортилось мое хорошее настроение.

Жизнь и смерть Гришатки Соколова

(ПОВЕСТЬ)

Сергей АЛЕКСЕЕВ
Рисунки П. Павлинова.

Глава первая
ФАНТАЗИИ

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Гришатку Соколова привезли в Оренбург в начале 1773 года.

Жил Гришатка с отцом, с матерью, с дедом Тимофеем Васильевичем и сестренкой Аннушкой в селе Тоцком. За всю свою жизнь дальше Тоцкого не был. А тут на́ тебе — в Оренбург собирайся.

Село Тоцкое большое, приметное. Около сотни дворов, четыреста душ жителей. Божий храм на пригорке. Погост. Речка журчит, Незнайка. Каменный дом купца Недосекина. Каменный дом барского управителя, отставного штык-юнкера Хлыстова. Мельница. Избы. Овины. Село Тоцкое и люди, живущие в нем, принадлежали оренбургскому губернатору, генерал-поручику немцу Ивану Андреевичу Рейпсдорпу. Он здесь хозяин всему, судья и всему повелитель.

Из тоцких крестьян набиралась в губернаторский дом прислуга: камердинеры, повара, лакеи. В Оренбург в услужение к барину был привезен и Гришатка.

Глянул губернатор на мальчика.

— Гут, гут,— произнес.— Иди-ка сюда,— поманил он пальцем Гришатку.— Подставляй свой голова.

Гришатка подставил.

Взял губернатор трубку и чубуком Гришатку по темени стук-пристук. Стал выбивать о голову мальчика пепел. Посыпалась табачная труха, а следом за ней вылетел огонек. Припек он Гришатку.

— Ай! — не сдержался мальчик.

— Фи какой,— поморщился генерал.— Так и знал: дурной он есть, твой голова.— И для первого знакомства отодрал Гришатку за ухо.

ВАВИЛА И ДРУГИЕ

Поселился Гришатка на первом этаже губернаторского дома, в каморке у Вавилы Вязова.

Вавиле лет двадцать. Он истопник и дровокол здешний. Под лежанкой у него топоры и пилы, в каморке мрак, сырость.

Познакомился Гришатка и с другой барской прислугой. С парикмахером Алексашкой. Озорник Алексашка. В первый же день зазвал он Гришатку к себе в парикмахерский кабинет и завил мальчика. То-то было для всех потехи.

Повстречался Гришатка и с кухонной судомойкой теткой Степанидой.

— Ой, ой, Ванечка мой из гроба явился,— заголосила Степанида.— Родненький, кровинушка ты моя.— И ну обнимать, целовать и ласкать мальчика.— Ванечка! Ванечка!

Гришатка опешил. Потом-то узнал: лет десять тому назад засек до смерти Степанидиного сынка Ванечку барский управитель Хлыстов. С той поры и впала Степанида в головную болезнь: всех детей за Ванечку принимала.

Затем прибежали дворовые девки, сестры Акулька и Юлька.

— Ох, ох, из Тоцкого,— заверещали они.— Как там папенька наш, как там маменька? Ох, ох, приехал из Тоцкого!

Познакомился Гришатка и с дедом Кобылиным. Как и все, дед тоже из Тоцкого. И его, как Гришатку, привезли однажды в Оренбург. Только было это давным-давно.

Состоял Кобылин при губернаторе в камердинерах и лакеях, а потом по преклонности лет был удален от барских покоев и определен в водовозы. Возил он с реки Яика воду в генеральский дом для всякой хозяйственной надобности.

Была у старика и другая обязанность: пороть крепостных. Здорово это у него получалось. Врежет плеткой, словно саблей пройдется.

— У меня талант к этому,— хвастал Кобылин.— Тут в замахе все дело.

Дед принял Гришатку добром. Завел разговор про Тоцкое.

А что рассказать Гришатке? Село как село. Недород четвертое лето. По весне голодуха. Смертей — что грибов в урожайный год. Барский правитель Хлыстов больно лютует. Нет на него управы.

— Так, так,— поддакивает старик, а сам: — Знаю Хлыстова. Исправно ведет хозяйство. Мужику всыпать, так это же не в помех. Откуда, думаешь, недород? Людишки ленятся — отсюда и недород. Помирают, говоришь, мужички? Эх-эх, воля на то господня.

Стал дед наставлять Гришатку уму-разуму.

— Наш-то барин — генерал и губернатор, ты смотри ему не перечь. Скажет: «Дурак»,— отвечай: «Так точно, ваше сиятельство». Съездит тебя по уху — лови, целуй барскую ручку. Так-то оно спокойнее,— объяснял дед Кобылин.

Рассказал Гришатка деду про встречу свою с генералом.

— Эка беда — голову припек,— ответил старик.— А ты улыбайся, словно это тебе в радость. Мал ты, Гришатка, глуп. В жизни приладиться — главное. Слушай меня, в люди, даст бог, пробьешься — в лакеи, а то и выше, в самые камердинеры.

Через несколько дней Гришатку снова крикнули к генералу. Губернатор лежал на мягком диване, на персидском ковре, раскуривал трубку.

— Нагни свой голова! — приказал генерал.

Гришатка нагнул, думал, что Рейнсдорп снова трубку начнет выбивать о темя. Однако на этот раз барин выдал ему увесистого щелчка.

— О, крепкий есть твой голова! — произнес губернатор.

Вечером у Гришатки произошел разговор с Вавилой. Поговорили о господах. Рассказал Гришатка дровоколу про трубку и про щелчок.

— Немец, как есть немец,— заявил Вавила.— У него что ни день, то новые в голове фантазии.

КУ-КА-РЕ-КУ!

Прав оказался Вавила. Немало бед принял Гришатка из-за этих самых барских фантазий.

Началось с того, что Рейнсдорп решил просыпаться чуть свет, вставать с петухами. А так как петуха в губернаторском доме нет, то генерал приказал быть за голосистую птицу Гришатке.

Явился мальчик чуть свет к дверям губернаторской спальни.

— Ку-ка-ре-ку! — завопил.

Спит губернатор.

— Ку-ка-ре-ку-у! — заголосил еще громче Гришатка.

Не помогает.

Кукарекал, кукарекал Гришатка, голос себе сорвал. Хоть плачь — не просыпается барин.

Позвал Гришатка на помощь Вавилу. Вместе они кукарекуют. Хоть из пушек пали, спит, не просыпается генерал-губернатор. Часов в одиннадцать наконец проснулся.

— Ой, майн гот! — закричал генерал. Схватил он Гришатку за ухо.— Не разбудил? Не разбудил. Ты есть приказа не выполнил.

— Я же будил,— начинает Гришатка.— Вот и Вавила. Сон у вас очень крепкий, ваше сиятельство.

— О, русишес швайн! — вскипел генерал.— Их бин золдат. Их бин золдат. Я человек военный. Мышь хвостом шевельнет — я уже есть на ногах. Муха летит — я уже слышу.

Смешно от такого вранья Гришатке.

— Да вас хоть из пушек буди, ваше сиятельство.

— Что?!! — заревел генерал.— Кобильин, Кобильин! Всыпать ему плетей.

Тащат Гришатку на кухню. Всыпает Кобылин ему плетей.

ГАННИБАЛ

Вздумалось Рейнсдорпу иметь при себе арапчонка. Вспомнил генерал про царя Петра Первого, что у того арапчонок был,— себе захотелось. А так как откуда в Оренбурге — и вдруг африканец, то губернатор опять за Гришатку. Вымазали мальчика сажей, Алексашка снова завил ему кудри, дали в руки опахало — веер на длинной палке. Ходит Гришатка следом за Рейнсдорпом, опахалом помахивает.

Стал генерал величать Ганнибалом Гришатку, так же как и Петр Первый своего арапчонка звал.

Потешается дворня:

— Ганнибал, как есть Ганнибал!

И вот как-то в губернаторском доме был званый прием. Стали съезжаться гости.

Поставил генерал Гришатку с опахалом в руках недалеко от парадного входа. Пусть, думает, когда входят гости, смотрят они на этакое чудо, смотрят и ему, Рейнсдорпу, завидуют.

Приходят гости, смотрят, завидуют.

— Это есть Ганнибал,— объясняет губернатор каждому.— Из Африки он есть привезенный. Большая сумма гельд на него трачен.

Все шло хорошо. Но вот какая-то дама, увидев необычного черного мальчика, всплеснула руками:

— Ай, какой чудный! Ай, какой милый! Ай, какой черный! Как тебя звать?

Растерялся Гришатка.

— Гришатка я, Соколов,— брякнул.

Подивилась дама, протянула к Гришатке руку, взяла пальцем за подбородок.

На пальце осталась сажа.

Ойкнула от неожиданности дама, а затем рассмеялась. Подняла она палец высоко вверх, хохочет и всем показывает.

Сконфузился генерал Рейнсдорп, покраснел, однако тут же нашелся:

— Дорогой господа, я для вас сделал веселый шутка. Шутка. Веселый шутка. Ха-ха!

— Ха-ха! — дружно ответили гости.

Кончился званый прием. Разъехались гости. Кликнул барин Гришатку.

Протянула дама к Грищатке руку, тронула пальцем за подбородок.

— Зачем ты паршивый свой рожа ей подставлял? А?! Как ты посмел «Гришайтка» сказать? А? Кобильин! Кобильин!

И снова Гришатку тащат на кухню. Снова Кобылин всыпает ему плетей.

ВЕЛИКИЙ ГИПНОТИЗЕР

Побывал как-то Рейнсдорп в Петербурге. Повидал там гипнотизера. Насмотрелся, как тот людей усыпляет, как в человеческое тело иглы стальные вкалывает.

Вернулся генерал в Оренбург, вызвал Гришатку.

— Я есть великий гипнотизер,— заявил.

Усадил он Гришатку на стул.

— Спи, спи, спи,— шепчет.

Не хочется вовсе Гришатке спать. Да что делать! Прикидывается, что засыпает.

Доволен губернатор: дело идет. Вот он какой ловкий гипнотизер! Взялся за иглы. Кольнет. Не выдержит, вскрикнет Гришатка.

— Не ври, не ври. Не болит! — покрикивает генерал. И снова иглами тычет.

Намучился, настрадался Гришатка. Возвращался к себе в каморку. Тело от уколов мозжит. Голова кружится. Шел Гришатка и вдруг увидел деда Кобылина.

Заблестели озорством глаза у мальчишки. Побежал он назад к генералу.

— Ваше сиятельство, а старика Кобылина вы сможете усыпить?

— Что? Кобильина? Могу и Кобильина.

Позвали к генералу Кобылина. Усадил он деда на стул.

— Спи, спи,— шепчет.

Исполняет старик барскую волю, делает вид, что засыпает.

— Гут, гут,— произносит Рейнсдорп. Потирает от удовольствия руки. Взялся за иглы. Увидел старик иглы — взор помутился.

Нацелился генерал, воткнул в дедово тело одну иглу, приготовил вторую.

— А-ай! — заорал старик.— Батюшка, Иван Андреевич, не губите!

— Ты что, ты что! — затопал ногой генерал.— Не болит, не болит. Я есть великий гипнотизер.

— Болит, болит, ваше сиятельство! — кричит Кобылин. Рухнул на пол, ловит барскую ручку, целует.

Сплюнул генерал от досады, отпустил старика.

— Ох, ох,— вздыхал Кобылин, возвращаясь от генерала.— И кто это надоумил барина, кто подсказал? Шкуру спущу со злодея.

Гришатка стоял в стороне и усмехался.

ТОЦКОЕ

Весна. Солнце выше над горизонтом. Короче ночи, длиннее дни.

Село Тоцкое. Ранний рассвет. Слабый дымок над избами. Пустынные улицы. С лаем промчался Шарик — дворовый пес купца Недосекина. Вышел на крыльцо своего дома штык-юнкер Хлыстов. Зевнул. Потянулся.

Все, как всегда. И вдруг...

Видит Хлыстов — бегут к нему мужики. Один, второй, третий... Человек двадцать. Подбежали, шапки долой, бросились в ноги.

— Батюшка, пожалей. Не губи, батюшка!

Оказывается, Хлыстов приказал собрать с крестьян недоимки. Задолжали крестьяне барину. Кто рубль, кто два, кто зерном, кто мясом. Недород, обнищали крестьяне. В долгах по самую шею.

— Подожди, батюшка,— упрашивают мужики.— Подожди хоть немного — до нового урожая.

— Вон, вон! — закричал Хлыстов.— Чтобы немедля! Сегодня же! За недоимки избы начну палить!

И спалил дом Серафима Холодного.

С этого и началось. Взыграла обида в мужицких душах. Ударила злоба в кровь.

— Бей, бей супостата!

— На вилы, на вилы его! — кричал Серафим Холодный.

— В Незнайку, в Незнайку, вниз головой! — вторила Наталья Прыткова, нареченная генеральского парикмахера Алексашки.

— Рушь его собственный дом! — кричали другие крестьяне.

Хлыстов едва ноги унес. На коня — и в Оренбург, к барину и губернатору.

Для наведения порядка была отправлена Рейнсдорпом в Тоцкое команда солдат во главе с офицером Гагариным.

Прибыли солдаты в село.

Сгрудились мужики и бабы. У кого вилы, у кого косы, у кого дубины в руках.

Вышел вперед Серафим Холодный.

— Детушки,— обратился к солдатам.— Вы ли не наших кровей? Вам ли...

— Молчать, молчать! — закричал офицер Гагарин.— Пали в них! — подал команду.

Стрельнули солдаты. Бросился народ кто куда, в разные стороны. На земле остались убитые. В том числе сразу и мать и отец Акульки и Юльки, девица Наталья Прыткова, Серафим Холодный и Матвей Соколов — родитель, отец Гришатки.

Два дня на селе пороли крестьян. Затем команда уехала.

Похоронили крестьяне убитых. Притихли.

МЕДОВЫЙ ПРЯНИК

В губернаторском доме ждали возвращения команды офицера Гагарина. Переполошилась прислуга. Соберутся группками, шепчутся.

— Погибло Тоцкое, побьют мужиков солдаты,— произносит Вавила Вязов.

— Наташа, ягодка, убереги тебя господи,— поминает невесту свою Алексашка.

— Офицер Гагарин — служака; и виновному и безвинному всыплют солдаты,— переговариваются между собой камердинер и лакеи.

— Ох, ох,— вздыхают Акулька и Юлька,— всыплют солдаты.

И только один старик Кобылин словно бы рад нависшей беде.

— Пусть, пусть надерут им солдаты спины. Пусть знают, как лезть на господ.

И вот Гагарин вернулся. Разнеслась по дому страшная весть. Взвыли Акулька и Юлька. В слезах весельчак Алексашка.

Гришатка навзрыд.

— Вон, вон!.. — закричал Хлыстов.— За недоимки избы начну палить...

— Тятька, тятька! — кричит.— Родненький! Тятька, миленький. Как же теперь без тебя? Как же мамка и Аннушка? Как же дедушка наш, Тимофей Васильевич? Тятька, тятенька!

Понял Рейнсдорп, что команда офицера Гагарина наделала в Тоцком лишнего. Решил задобрить свою прислугу.

Акульке и Юльке выдали ситчику. Алексашке — рубль серебром. Гришатке — медовый пряник.

— Благодетель. Заступник. В ножки нашему барину, в ножки ему,— поучает дворовых старик Кобылин.

Только никто, конечно, к барину не пошел. Смотрит Гришатка на пряник.

— Тятька,— плачет,— тятенька!

— Наташа, ягодка! — голосит Алексашка.

— Папенька, папенька наш, маменька, маменька,— бьются в слезах Акулька и Юлька.

— Э-эх, жизнь подневольная, жизнь горемычная! Будет ли время доброе? Наступит ли час расплаты?

Глава вторая

СОКОЛ И СОКОЛЕНОК

ЦАРСКИЕ ЗНАКИ

— Царь, царь объявился. Народный заступник. Государь-император Петр III Федорович.

Слухи эти осенью 1773 года ветром пошли гулять по Оренбургу. Говорили, что император чудом спасся от смерти, более десяти лет скитался в заморских странах, а вот теперь снова вернулся в Россию. Здесь он где-то, в Оренбургских степях, на реке Яике. А главное в том, что император горой за всех обездоленных и угнетенных. Что мужикам несет он землю и волю, а барам — петлю на шею.

— Быть великим делам,— шептались на улицах и перекрестках оренбургские жители.

Рад Вавила. Рад озорник Алексашка. Рады Акулька и Юлька. «За Ваню, за Ванечку отомсти!» — кричит Степанида.

Однако нет-нет — долетают до Гришаткиных ушей и такие речи:

— Не царь он, не царь, а простой казак. Пугачев его имя. Пугачев Емельян Иванович. Родом он с Дона, из Зимовейской станицы.

Вот и дед Кобылин:

— Смутьян он, смутьян, а никакой

не царь. Царя Петра III Федоровича уже двенадцать лет как нет в живых. Разбойник он. Вор. Самозванец. На дыбу его, на дыбу.

Смутился Гришатка: а может, и вправду он вовсе не царь?

Однако тут одно за другим сразу.

То Вавила Вязов сказал, что в городе появилась писаная от царя-батюшки бумага.

— Манифест называется,— объяснял Вавила.— А в том манифесте: жалую вам волю-свободу, а также всю государственную и господскую землю с лесами, реками, рыбой, угодьями, травами. Во как! А снизу собственноручная подпись — государь-император Петр III Федорович. Выходит, он царь настоящий, раз манифесты пишет,— заключил Вавила.

А на следующий день Гришатка бегал на торжище и подслушал такие слова.

— Доподлинный он государь,— говорил какой-то хилый мужичонка в лаптях.— Как есть доподлинный. У него на теле царские знаки.

— Доподлинный он государь,— докладывал вечером Гришатка Акульке и Юльке.— У него на теле царские знаки.

— Ох, ох,— вздыхали Акулька и Юлька,— царские знаки.

ВСКОЛЫХНУЛСЯ ЯИК

Заполыхали огнем и пожарищем Оренбургские степи. Всколыхнулся Яик. Из дальних и ближних мест потянулся на клич «царя-избавителя» несметными толпами измученный и измордованный барами люд.

Пала крепость Татищево, пала Нижне-Озерная. Без боя сдалась Чернореченская. Хлеб-солью встретили пугачевцев Самарский казачий городок и татарская Каргала.

Огромная армия Пугачева подошла к Оренбургу. Обложили восставшие крепость со всех сторон. Нет ни выхода из нее, ни входа.

Забилось тревожно Гришаткино сердце. Свернется он вечером в комок на своей лежанке, размечтается.

Эх, скорее бы уж царь-батюшка взял Оренбург! Освободил бы его, Гришатку. Вернулся бы мальчик домой, в свое Тоцкое.

Берегись, управитель Хлыстов. Не пожалеет его Гришатка.

Сполна за всех и за все отомстит: и за отца, и за Ванечку, и за Акульку и Юльку, за Серафима Холодного, за Наталью Прыткову. За всех, за всех. Никого, ничего не забудет.

Смыкаются глаза у Гришатки.

— Господи, помоги ты ему, нашему батюшке,— шепчет Гришатка и засыпает.

Заснет, и видится мальчику сон. Будто повстречал он самого государя-императора Петра III Федоровича. Царь верхом на коне. В дорогом убранстве. Красная лента через плечо.

— Ах, это ты Гришатка Соколов,— произносит царь.— Тот самый, о голову которого генерал Рейнсдорп выбивает трубку? Наказать генерала. А Гришатку взять в наше вольное казацкое воинство. Выдать ему коня, пистолет и пику.

И отличается Гришатка в сражениях. Слава о нем идет по всему Оренбургскому краю, птицей летит через реки и степи.

Взыграли во сне мысли у мальчика. Приподнялся он на лежанке, будто всадник в седле.

— Ура! Царю-батюшке слава! Вперед!

Проходил в это время мимо Вавилиной каморки дед Кобылин. Услышал он странные крики. Открыл дверцу. Увидел Гришатку. Понял, в чем дело. Подошел Кобылин к Гришатке да ремнем по мягкому месту — хвать!

СТРАШНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Оренбург — грозная крепость. Это тебе не Татищево, не Нижне-Озерная. С ходу ее не возьмешь. Семьдесят пушек. Крепостной вал с частоколом. Ров. Бастионы. Солдаты.

— Ах, негодяй! Ах, разбойник! — посылал Рейнсдорп проклятия.— Ну, я тебе покажу.

И вот как-то тащил Гришатка в кабинет к губернатору трубку. Открыл дверь — и замер. Генерал важно ходит по комнате. У дверей стража. В центре человек огромного роста. Голова у человека взлохмачена, борода спутана. На теле лохмотья. На лбу и щеках «вор» выжжено. Нос выдран — одна переносица. На ногах тяжелые железные цепи.

«Колодник»,— понял Гришатка.

— Так вот, братец,— говорил генерал, обращаясь к страшному человеку,— я тебе решил подарить свобода.

Колодник растерялся. Стоит, как столб. Не шутит ли губернатор?

— Да, да, свобода,— повторил генерал.— Ты хочешь свобода?

— Батюшка... Отец... Ваше высокородие...— Слезы брызнули из глаз великана. Гремя кандалами, он повалился в ноги Рейнсдорпу.

— Хорошо, хорошо,— произнес генерал.— Подымись, братец. Слушай. Пойдешь в лагерь к разбойнику Пугачеву. Как свой... Как свой человек. Будто бежал из крепости. А потом,— губернатор сделал паузу,— ножичком ему по шее — чик, и готово.

— Да я его, ваше превосходительство,— загудел молодчик,— в один момент.— Он взмахнул своими богатырскими руками.— Глазом не моргну, ваше сиятельство.

— Ну и хорошо, ну и хорошо,— зачастил губернатор.— Ты мне голову Вильгельмьяна Пугачева, а я те свободу.— Потом подумал: — И денег сто рублей серебром в придачу. Ты понял меня?

Колодник бросился целовать генеральскую руку.

— Ваше высокопревосходительство, понял, понял. Будьте покойны. Да он у меня и не пикнет. Ваше высоко...

— Ладно... Ступай! — перебил губернатор.

Когда стража и колодник ушли, Рейнсдорп самодовольно крякнул и поманил Гришатку.

— Мой голова,— ткнул он пальцем себе в лоб,— всем головам есть голова. Такой хитрость никто не подумает.— И рассмеялся.

ПОСМАТРИВАЙ! ПОСЛУШИВАЙ!

— Посматривай! Послушивай!

Ходят часовые по земляному валу, перекликаются. Оберегают Оренбургскую крепость.

Раскатистый смех Рейнсдорпа еще долго стоял в ушах у Гришатки.

— Убьет, убьет колодник царя-заступника. Господи милосердный,— взмолился мальчик.— Помоги. Удержи злодейскую руку. Пошли ангелочка, шепни о беде в государево ушко. Помоги, господи.

Молится Гришатка господу богу, а сам думает: ой, не поможет, не поможет господь. Вспомнил Гришатка тот день, когда увозили его из Тоцкого. Тоже молился. Не помогло. Да и здесь, в Оренбурге, молился. И снова напрасно.

Вернулся Гришатка к себе в каморку мрачнее тучи. Уже вечер. Ночь наступила. Не может Гришатка уснуть. Заговорить бы с Вавилой. Да вот уже третий день, как Вавилу ночами угоняют вместе с солдатами чинить деревянные бастионы. Некому подать совет.

И вдруг, как вспых среди ночи: бежать, немедля бежать из крепости. Опередить колодника. Явиться к царю первым, рассказать обо всем. Мальчишка даже подпрыгнул на лавке.

Вскочил Гришатка, стал надевать армяк. От возбуждения и спешки трясется. Никак не может просунуть локоть в рукав. Наконец оделся, вышел на улицу. А там взвыл, заиграл над городом ветер. Ударил мороз. Загуляли снежные вихри. Начиналась зима.

Гришатка поежился, а сам подумал: «Ну и хорошо. Это к лучшему. Оно незаметнее». Решил он пробраться на вал и через частокол, через ров — на ту сторону.

Пробрался. Прижался к дубовым бревнам. Прислушался. Тихо. Полез он по бревнам вверх. Добрался до края. Перекинул ноги и тело. Повис на руках. Поглубже вздохнул, зажмурил глаза. Оттолкнулся от бревен. Покатился Гришатка с вала вниз, в крепостной ров. То головой, то ногами ударится. То головой, то ногами. Наконец остановился. Поднялся. Цел, невредим. Только шишку набил на затылке.

Глянул Гришатка на крепость. Нет ли погони? Все спокойно. Лишь:

— Посматривай! Послушивай!

— Посматривай! Послу-у-шивай! — несется сквозь ветер и снег.

ГОРЫНЬ-ПЕЛЕНА

Взыграла, разгулялась вьюга-метель по всему Оренбургскому краю. Темень кругом. Ветер по-разбойному свищет. Жалит лицо и руки колючими снежными иголками.

Третий час бредет Гришатка по степи. Как слепой телок, тычется в разные стороны. Думал: только бежать бы из крепости. А там враз государевы люди сыщутся. А тут никого. Лишь ветер да снег. Лишь вой и гоготанье бури.

Продрог, как снегирь на ветру, мальчишка.

— Ау, ау! — голосит Гришатка.

Крикнет, притихнет, слушает.

— Ау, ау! Люди добрые, где вы?

Жутко Гришатке. Сердце стучится. Озноб по телу. И чудятся мальчику разные страхи.

То не буря гуляет по полю, а ведьмы и разные чудища пустились в сказочный перепляс. То не ветер треплет полы кафтана, а вурдалаки хватают Гришатку за руки и ноги. Присвистнула, пронеслась в ступе баба-яга. Помелом провела по лицу Гришатки.

— Господи, помоги. Не оставь,— шепчет мальчишка.— Геть, геть, нечистая сила!

Где-то взвыла волчица. Оборвалось Гришаткино сердце. Покатилось мячиком вниз. Повалился мальчонка на землю. Щеки в ладошки. Носом в сугроб. Не шелохнется.

Навевает метель на Гришатку горынь-пелену, словно саваном укрывает.

Встрепенулся мальчишка. Голову вскинул, ногами в землю, тело пружиной вверх.

И снова идет Гришатка. Снова ветер и снег.

— А-ау! А-ау! — срывается детский голос. Покидают силы Гришатку.

И вдруг — присмотрел мальчонка: у самого носа снежный бугор — неубранный стог залежалого сена.

— У-ух! — вырвался вздох у Гришатки.

Вырыл мальчишка в стоге нору. Залез. Надышал. Согрелся. Заснул, засопел Гришатка.

(Продолжение в следующем номере.)

ПИОНЕРские ИЗВЕСТИЯ

№ 1 (21) МАРТ 1962 г.

★ КАК ★ мы отметили ДЕНЬ СЪЕЗДА

Уже много времени прошло с того дня, когда открылся XXII съезд партии, но мы этот день хорошо помним.

В этот день никто в нашем классе не получил плохих отметок, а после уроков все мы пошли трудиться.

Наши мальчики за два часа перебрали в овощном магазине десять мешков картофеля, а потом вымыли в магазине полы. Девочки ходили в детский сад к малышам, а другие ребята помогали в библиотеке и на стройке. От всех этих организаций наша школа получила благодарность.

Актив 4-го «Б» класса 4-й школы
Валя Веселова, Вова Шунареков, Лида Пенза, Володя Гушкнехт.

Как все начиналось?

Когда и кто нашел уголь на берегах реки Воркуты!
Это случилось в 1919 году. Открыл месторождения угля охотник коми Попов Виктор Яковлевич.

Когда была заложена первая шахта в Воркуте!
Теперь это шахта № 8. Заложена в 1932 году.

Когда был выдан на-гора промышленный уголь!
1 сентября 1934 года.

(Из материалов краеведческого кружка Воркутинского Дворца пионеров)

На этой страничке «Пионерских известий» письма ребят из далекого северного города — Воркуты.

ПИСЬМА ИЗ ЗАПОЛЯРЬЯ ★

Тридцать пять километров по тундре прошли ребята из 15-й школы.

АЛЬБОМ-ПУТЕШЕСТВЕННИК

Историю нашего города мы изучаем давно. А сейчас решили начать новое дело: альбом-путешественник «Лучшие люди Воркуты». Альбом будет переходить из отряда в отряд. Каждый отряд расскажет об одном из замечательных людей нашего города. Уже восемь отрядов заполнили свои странички, остальные готовятся к этому: встречаются со своими героями, записывают их рассказы.

Мы хотим полностью закончить альбом к 40-летию пионерской организации.

Алла Лата,
7-й класс, 13-я школа.

ЭКИПАЖ готовится к плаванью

«На судне все благополучно. Экипаж живет нормальной жизнью. Завтра придем в Нарьян-Мар».

Бортрадист судна «Пионер Заполярья»
Цыбин Витя.

Эта радиограмма не передана в эфир, но Витя Цыбин ясно представляет себе, как он будет отстукивать ее в своей радиорубке. Ведь этим летом весь наш туристский кружок Дома пионеров отправляется в поход по водным магистралям Европейской части Союза. Наш катер «Пионер Заполярья» выйдет в рейс 1 июля 1962 года. Мотористы, механики, медики, радисты, киногруппа работают, не покладая рук.

Старший помощник капитана *Вася Редозубов.*

У нас в школе все любят музыку. Есть и оркестр народных инструментов.

Мы выступаем на концертах, по радио, телевидению, на утренниках и часто играем просто так, «для себя». К 40-летию республики Коми мы составили и исполнили музыкально-литературную композицию «Мой край». В стихах и песнях мы показывали жизнь народа Коми прежде и теперь.

Еще мы выпускаем музыкальную стенгазету «Ключ», ходим вместе в кино.

К нам приходят новые ребята, и мы думаем организовать второй оркестр.

Юнкор Дзениш,
7-й «А» класс, 3-я школа.

Все, кто учится в нашей школе, гордятся школьными спортсменами. У нас даже есть свои знаменитости: Игорь Айбулатов из 8-го класса — чемпион общества «Труд» и рекордсмен Коми АССР по плаванию на спине среди мальчиков; Валентин Батаев из 7-го класса — чемпион города среди мальчиков по плаванию, а Евгений Мельников — двукратный чемпион города по бегу на 100 метров среди школьников.

В школьном зале у нас стоит стол для пинг-понга. На всех переменах идет ожесточенная игра. Условия жесткие, зато результаты все лучше и лучше.

Юнкор В. Козинец,
8-й класс, 7-я школа.

Победитель всесоюзных соревнований.

870 очков из 900 возможных! Это был лучший результат на всесоюзных заочных авиамодельных соревнованиях. Модель самолета с резиновым двигателем, занявшую первое место, изготовил семиклассник Саша Кормщиков из поселка Санчурска, Кировской области.

В честь 40-летия пионерской организации проводятся новые всесоюзные заочные соревнования. Они продлятся до 1 октября 1962 года. В них может участвовать каждый пионер и школьник, который изготовит модель из наборов авиамодельных посылок. Такие наборы продаются в магазинах культторга и потребительской кооперации. Адрес жюри: Москва, Б-66, Новорязанская ул., д. 26, редакция журнала «Крылья Родины».

Встречи на берегу Обского моря

Село Береговое расположено в шестидесяти километрах от Новосибирска, на берегу Обского моря. Не один раз пионеры из города отправлялись в гости к сельским ребятам. И вот они снова едут в Береговое. Едут они, конечно, не с пустыми руками: школьные радиолюбители собрали радиоприемник, геологи — коллекцию минералов, художники шлют наглядные пособия по русскому языку и арифметике. Новосибирцы везут много новинок для сельской библиотеки, собираются открыть малую картинную галерею.

Юнкор Светлана Анкудинова

г. Новосибирск.

Имени Кубинской революции

Наш отряд борется за право называться отрядом имени Кубинской революции.

Мы уже знаем гимн Кубы, изучаем биографии известных кубинских революционеров. Собираем фотографии, рисунки.

Мы хотим переписываться с теми ребятами, которые тоже изучают историю Республики Куба. Ждем ваших писем.

Отряд 6-го «В» класса, 163-я школа, г. Киев

Становись изыскателем, разведчиком недр!

Вести из экспедиционных отрядов

Сибирские школьники сделали много открытий. В одном месте нашли полиметаллические руды. В другом — рассыпное золото. Сейчас на месте находок работают геологи.

Сто пятьдесят заявок на месторождения полезных ископаемых принесли из походов по Иркутской области пионеры. И это только за один год Второй всесоюзной экспедиции пионеров и школьников! Почти столько же заявок — 145 — поступило в Областное геологическое управление за предыдущие двадцать лет.

Сто тысяч квадратных километров — территория чуть меньше ГДР или Исландии. На такой площади иркутские краеведы определили электропроводность почвы, а это помогает узнать, какие породы здесь залегают. Всю аппаратуру, необходимую для замеров, ребята сделали сами. Это большая помощь взрослым: ведь составление карты электропроводности почв Советского Союза — одно из заданий семилетнего плана.

Башкирские пионеры нашли около деревни Араво залежи известняка. В таком сырье очень нуждается местный завод медицинского стекла.

Каждому понятно, чем занимаются Аркаша Храпченко и Юра Альфимов из деревни Веряжи, Новгородской области. Ну, конечно, они собирают металлолом, и, как видите, дела идут неплохо.

В нашем отряде открылся пионерский театр кукол. Есть у нас и режиссер, и директор, и музыканты, и осветители. Ставили мы спектакль «Кот, Петух и Лиса». Ох, и волновались же мы! Но все прошло хорошо. Всех покорил маленький Петух, очень понравился и смелый Кот. На прощание артисты исполнили свою песенку.

Надя Кланюк.

6-й «А» класс, 15-я школа, г. Тула.

Редколлегия: Люся Болтина, Аня Дулицкая, Галя Кухтенкова, Юра Осипов, Коля Булгаков, Наташа Дмитриева.

ВЗВЕЙТЕСЬ КОСТРАМИ, СИНИЕ НОЧИ!

У вашего отряда, конечно, есть отрядная песня. Что же это за отряд без своей песни! Наверно, это песня про геологов, или «Я люблю тебя, жизнь», или песня из кинофильма «По ту сторону»: «И снег, и ветер...» Правильно, песня должна быть новой, сегодняшней, незапетой, тогда ее петь интереснее!

Но есть песни, которым уже по сорок, по тридцать лет. Они старше вашей старшей вожатой, старше учительницы. А все равно их не забывают, потому что это песни особые, пионерские... Вы знаете их?

☆ ☆ ☆

Эту песню знают все ребята, но, как правило, не всю. Теперь обычно поют только два-три куплета. А ее надо бы разучить до конца: это самая знаменитая пионерская песня. Сочинили ее поэт А. Жаров и композитор С. Дешкин в 1922 году — 40 лет назад. Но даже взрослые, когда вспоминают пионерские годы, сразу улыбаются и напевают, размахивая рукой: «Взвейтесь кострами, синие ночи! Мы пионеры — дети рабочих!»

МАРШ ЮНЫХ ПИОНЕРОВ

Взвейтесь кострами,
Синие ночи!
Мы пионеры —
Дети рабочих!
Близится эра
Светлых годов.
Клич пионера:
«Всегда будь готов!»

Юны и смелы,
Дружной гурьбою
Будем готовы
К труду и бою.
Будем примером
Борьбы и трудов.
Клич пионера:
«Всегда будь готов!»

Радостным шагом,
С песней веселой
Мы выступаем
За комсомолом.
Близится эра
Светлых годов.
Клич пионера:
«Всегда будь готов!»

Грянем мы дружно
Песнь удалую
За пионеров
Семью мировую.
Будем примером
Борьбы и трудов.
Клич пионера:
«Всегда будь готов!»

Мы поднимаем
Алое знамя,
Дети рабочих,
Смело за нами!
Близится эра
Светлых годов.
Клич пионера:
«Всегда будь готов!»

БАКЛАЖЕЧКА

Смотрит вожатый,
Смотрят пионеры,
Что за отряд
Показался вдали.

ПРИПЕВ:
Лейся, песнь моя,
Пионерская,
Буль, буль, буль, Баклажечка
Походная моя.

То ли Сокольники,
То ли Хамовники,
Издали не видно,
Пыль только идет.

ПРИПЕВ.

Такт выбивая,
Стройно шагая,
Вдоль да по дорожке
Отряд наш идет.

ПРИПЕВ.

Лица загорелые,
Взоры очень смелые,
Вот он
Наш первый
Сокольничий
отряд.

ПРИПЕВ.

Да здравствуют Советы
И первый наш отряд,
Стремленьем к комсомолу
Сердца наши горят.
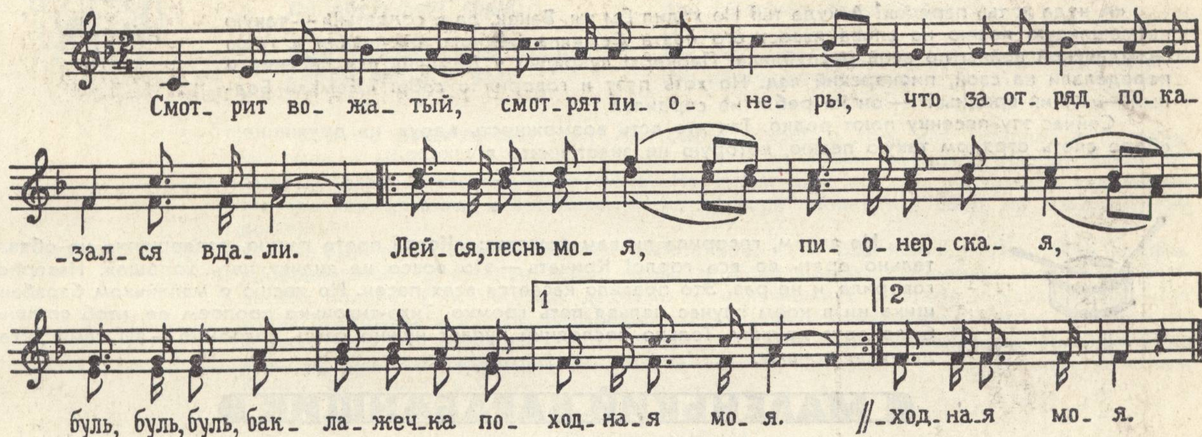
ПРИПЕВ.

Эту мы песнь
Закончили, друзья.
Красному знамени
Гип, гип, ура!

ПРИПЕВ.

Лейся, песнь моя,
Пионерская,
Красному знамени
Гип, гип, ура!

Музыкальная обработка
А. Шухмана.

Пионеры на первомайской демонстрации в Москве. 1923 год.
Редкая фотография.

ПРОВОДЫ

В пионерский клуб меня провожали,
Все старухи со двора набежали.
«Ай, куда ты, паренек, ай, куда ты!
В пионерский клуб идешь, в клуб проклятый.

Нам не люб для сердца клуб пионерский:
Больно шумный там народ, больно дерзкий.
Ты чего там не видал, чем прельстился!
Лучше в церковь бы пошел, помолился.

Рос бы тихим ты, дружок, рос спокойным
И всегда бы был ты всем, всем довольный».
Слушал речи я старух, слушал речи,
И в ответ на это им я ответил:

«Пионерский красный клуб — наше дело,
Грудью станем за него, станем смело.
Что нам сказки говорить про рай божий!
Сами рай свой на земле создать можем.

Счастье будет нам дано не богами,
Все своими создадим мы руками.

В клубе нас научат жить, жить коммуной,
Жизнь мы в праздник превратим, в праздник чудный.

В наш союз вступайте все, все, кто молод.
Нога в ногу мы идем с комсомолом.
Красным пламенем горит наше знамя,
Эй, рабочих детвора, все за нами!

«А куда ж ты, паренек? А куда ты? Не ходил бы ты, Ванек, да в солдаты!» — такую насмешливую песню на слова известного поэта Демьяна Бедного распевали в годы гражданской войны по всей республике. Пионеры «украли» у Демьяна его песенку и переделали на свой, пионерский лад. Но хоть поэт и говорил о себе: «Демьян Бедный — мужик вредный»,— он на ребят не сердился.

Сейчас эту песенку поют редко. Так что есть возможность вдруг на дружинном сборе спеть отрядом такую песню, которую не знает никто в школе.

⋆ ⋆ ⋆

Не знаем, говорила ли вам вожатая: «Когда поете песню, совершенно не обязательно орать во все горло! Кричать — это вовсе не значит петь хорошо». Наверно, говорила, и не раз. Это правило касается всех песен. Но песню о маленьком барабанщике ни в коем случае нельзя петь громко. Тихо-тихонько пропоем ее, чтоб слышно было друг дружку. Только последний куплет нужно спеть погромче — вы сами догадаетесь, почему.

МАЛЕНЬКИЙ БАРАБАНЩИК

(Немецкая революционная песня)

Мы шли под грохот канонады,
Мы смерти смотрели в лицо,
Вперед продвигались отряды
Спартаковцев, смелых бойцов.

Средь нас был юный барабанщик.
В атаках он шел впереди
С веселым другом-барабаном,
С огнем большевистским в груди.

Однажды ночью на привале
Он песню веселую пел,
Но, пулей вражеской сраженный,
Пропеть до конца не успел.

С улыбкой юный барабанщик
На землю сырую упал,
И смолк наш юный барабанщик,
Его барабан замолчал.

Промчались годы боевые,
Окончен наш славный поход.
Погиб наш юный барабанщик,
Но песня о нем не умрет.

Русский текст М. СВЕТЛОВА.

КАРТОШКА

Ну, спо_ ем_ те_ ка, ре_ бя_ та, бя_ та, бя_ та, бя_ та,
жи_ ли в ла_ ге_ ре мы как, как, как. И на солн_ це, как ко_
_тя_ та, тя_ та, тя_ та, тя_ та, гре_ лись э_ так, гре_ лись так, так, так.

Ну, споемте-ка, ребята,
Жили в лагере мы как,
И на солнце, как котята,
Грелись этак, грелись так.

Наши бедные желудки
Были вечно голодны,
И считали мы минутки
До обеденной поры.

Дым костра, углей сиянье,
Серый пепел и зола.
Дразнит наше обонянье
Дух картошки у костра.

Здравствуй, милая картошка,
Низко бьем тебе челом!
Даже дальняя дорожка
Нам с тобою нипочем!

Ах, картошка-объеденье,
Пионеров идеал!
Тот не знает наслажденья,
Кто картошки не едал!

Вот что рассказывает поэт Александр Жаров о том, как вступила в пионеры знаменитая «Картошка»: «Голодновато жил в то время трудовой народ. Хлеба не хватало, даже картошки было мало. Но ребятишки все же ухитрялись приберечь две-три картофелины к воскресенью на веселый пионерский сбор, на предвечерний костер...

Я был тогда комсомольским работником и не раз приходил на такие костры, проводившиеся в Москве, чаще всего в Сокольниках, где-нибудь на живописной лесной поляне. Я помню, как девчонки и мальчишки с флагами и картофелинами в руках подходили к костру. Картофель торжественно складывался в кучу. А потом на время сбора его зарывали в золу. И лучшим лакомством на коллективном пиру была горячая, душистая, пахнущая дымком аппетитная картошина с симпатичным румяным боком. Вот откуда взялись строчки песни:

Ах, картошка-объеденье,
Пионеров идеал!

Сама песня про картошку существовала и раньше. Мы, тогдашние комсомольцы, просто «отняли» ее у буржуазной детской организации бойскаутов. Музыку взяли целиком, а слова было поручено переделать мне, тогда еще очень юному поэту».

* * *

А в заключение еще одна песня. Это песенка из кинофильма «Концерт Бетховена». Музыку к ней написал композитор И. О. Дунаевский. Фильма этого ваш отряд, конечно, не видел: он сейчас уже не идет. Но веселая эта песенка осталась; если ее подхватит ваш отряд, она еще долго не забудется.

ЭХ, ХОРОШО!

Эх, хорошо в стране советской жить!
Эх, хорошо страной любимым быть!
Эх, хорошо стране полезным быть!
Красный галстук с гордостью носить! (Да, носить!)
Меряй землю решительным шагом,
Помни твердо заветы отцов!
Знай один лишь ответ,
Боевой наш привет:
«Будь готов!»
«Будь готов!»
«Будь готов!»

ПРИПЕВ:

Будь готов всегда во всем,
Будь готов ты и ночью и днем!
Чем сильнее идем к нашей цели,
Тем скорее к победе придем!

Эх, хорошо бойцом отважным стать!
Эх, хорошо и на луну слетать!
Эх, хорошо все книжки прочитать!
Все рекорды мира перегнать, перегнать!
Перед нами все двери открыты,
Двери вузов, наук и дворцов!
Знай один лишь ответ,
Боевой наш привет:
«Будь готов!»
«Будь готов!»
«Будь готов!»

ПРИПЕВ.

Эх, хорошо в стране советской жить!
Эх, хорошо страной любимым быть!
Эх, хорошо стране полезным быть!
Красный галстук с гордостью носить! (Да, носить!)
Вместо старых курных избушек
Мы настроим садов-городов.
Через тысячу лет будет жить наш привет:
«Будь готов!»
«Будь готов!»
«Будь готов!»

ПРИПЕВ.

СКЮМ

Вы, наверное, думаете, что эти снимки сделаны в каком-нибудь морском училище Ленинграда или Одессы? Нет, вы ошибаетесь. Все это происходит в обыкновенной московской школе. И ребята — тоже ученики этой школы.

Но в этой обыкновенной школе на пятом этаже есть небольшая комната с таинственной надписью «СКЮМ». Расшифровываются эти четыре буквы просто: «Самодеятельный клуб юных моряков». А комнату ребята называют кают-компанией. Давайте в нее заглянем.

Посредине большой морской компас. За ним в углу свернутый вымпел с голубой звездой. На стенах висят разноцветные сигнальные флажки и толстые корабельные канаты. Вдоль стен стоят обыкновенные ученические парты, за которыми ребята пишут контрольные по морскому делу. В углу на столике красуются макеты катеров, сде-

ланные руками ребят. Здесь же лежит настоящий бортовой журнал.

А ведь всего год назад «СКЮМ» не имел своего помещения, ребята скитались по классам...

Все началось с новой вожатой. Галина Валентиновна Войнова — заслуженный мастер спорта и дважды чемпион Советского Союза по гонкам на скутерах. Наверное, многие из вас хотели бы иметь такую вожатую! Галина Валентиновна и организовала в школе морской кружок. Не так легко это было. Сначала к новой затее с недоверием отнеслись и ребята и учителя. Но «СКЮМ» завоевал доверие, и скоро школьники стали с завистью поглядывать на членов клуба, разгуливавших по коридорам в морской форме.

Сейчас в клубе восемьдесят восемь членов. Среди них есть и девочки. «СКЮМ» — пока единственный морской кружок в школах Москвы. Ребята не только называют себя моряками, но и по-настоящему изучают морское дело.

Занятия в клубе через день. Приготовив школьные уроки, ребята надевают рабочую форму и бегут в клуб.

Сейчас уже все члены клуба мастерски умеют вязать морские узлы и хорошо владеют семафором. Ребята изучают устройство различных судов, двигатели, компас, научились определять широту и долготу. Часто занятия проводит капитан второго ранга Иван Алексеевич Георгиевский. С большим вниманием слушают его ребята.

Каждое утро, в любую погоду, все члены клуба в одних тельняшках делают на улице зарядку. Среди ребят много спортсменов-чемпионов. На прошлогодних соревнованиях команда «СКЮМа» заняла первое место в Москве по гребле, обогнав грозных соперников — команды городского Дома пионеров и кружка при Министерстве морского флота. Первое место заняли и по семафору. А Террон Хозе, начальник клуба, выбил 49 очков из 50 и стал чемпионом Москвы по стрельбе.

Ребята часто бывают на настоящих боевых кораблях, а моряки навещают ребят в их школьной кают-компании.

Недавно Министерство морского флота премировало «СКЮМ» поездкой в Ленинград. А прошлым летом ребята ходили в десятидневный поход на байдарках по реке Каре.

Террон Хозе рассказал нам о летних планах ребят: «Нынешним летом все члены клуба будут жить в военизированном морском лагере. Министерство морского флота выделило для нас старый моторный катер. Мы его сами отремонтировали и зашпаклевали. Самая заветная наша мечта — отремонтировать второй катер и пройти на двух судах вдоль побережья Черного моря».

Пожелаем «СКЮМу» 14-й школы удачи во всех делах и планах! Пусть не все члены клуба станут в будущем моряками, все равно «СКЮМ» они не забудут! А знания, навыки и закалка всегда пригодятся человеку в жизни.

Юнкор Юра ОСИПОВ

1. Вот она, знаменитая кают-компания 14-й школы!
2. На этих моделях члены «СКЮМа» учатся водить настоящие корабли.
3. Вот так, при помощи морского компаса определяется местонахождение судна. Инструктор Террон Хозе помогает правильно установить широту.
4. Все в «СКЮМе» умеют принимать и передавать сигналы по специальному морскому телефону.

Фотографии С. Карасева.

Секретно несекретно

Путешественники поневоле

Совершенно секретно

Здравствуй, Сима!

Вот недавно у нас случилось такое. У нас в деревне есть интернат, это для учеников из дальних деревень. И вот в субботу, когда все должны ехать домой на воскресенье, не знаю как, Коля и еще один ученик ушли ото всех и от машины в лес. Там они заблудились и домой не пришли. Ночь они ночевали в лесу. В школу не пришли. Пропустили день. Начались поиски. Их нашли. Только во вторник эти путешественники явились в школу.

С приветом Лена С.

Конечно, Коля и тот другой ученик поступили плохо, что ушли от машины. Представляю себе, как волновались дома и в школе! Но ведь они не нарочно заблудились, правда? И думаешь, Лена, им не страшно было там в лесу, ночью? Тут уж неважно, что они из-за этого день пропустили, — главное, что нашлись и что в конце концов все кончилось благополучно.

Видно, вы очень ругали ребят, когда они вернулись в школу, а я бы их простил. Они, конечно, и сами поняли, что натворили. А когда человек понял свою вину, ругать его уже не надо.

Испугалась бойкота

Здравствуй, Сима!

Меня зовут Алла, я учусь в 7-м классе.

Я смотрела по телевизору передачу «У нас в гостях журнал «Пионер». Передача мне очень понравилась.

Сима, скажи, пожалуйста, что нужно сделать, чтобы ребята в классе были дружными? В нашем классе девочки очень дружные, когда делают плохие дела. Однажды все девочки, в том числе и я, сделали глупую вещь. В понедельник у нас два урока труда. Мы не захотели идти на урок и решили закрыться в туалете около слесарной мастерской. Когда к нам постучалась учительница, мы дверь не открыли. Учительница сходила за директором, и только директору дверь открыли... А если бы сделать попытку остановить девочек, они объявили бы бойкот и не разговаривали. Ну, разве такая должна быть организованность?

Алла Кузнецова

Москва.

По-моему, Алла, ты зря испугалась бойкота. Все-таки надо было настоять на своем, раз ты все понимаешь правильно. А то что у вас получится? Одна будет бояться бойкота, другая, — так и будете целыми днями в туалете сидеть... Прекрасная жизнь!

Нет, настоящий человек в таких глупых делах не участвует. Когда я учился, у нас в классе был один пионер, Володя Старожилов. Если кто-нибудь предложит такую затею — убежать с урока или отказаться отвечать, Володя всегда, бывало, говорил: «Это глупость, я в таком деле не участвую и вам не советую». И знаешь, его за это только уважали, потому что самостоятельных, принципиальных людей всегда уважают.

А бойкота ты не бойся. Бойкот — это дело не пионерское, бойкот объявляют только глупые девчонки, достойные презрения. Совет отряда, например, никогда не объявит бойкота.

Так что ты зря испугалась.

А я тиски не брал!

Ответьте мне, пожалуйста, на такой вопрос. В нашем пятом «В» классе во время урока в мастерских пропали тиски. Это было в субботу. Я ушел с урока по уважительной причине. И директор нашей школы подозревает меня. Но ведь я тиски не брал. Почему они меня обвиняют? Что мне делать?

Володя Румянцев

Кинешма,
Наволокская школа.

Знаешь, Володя, ты попал в очень неприятную историю, просто в беду. Что может быть хуже, если тебя считают вором? А из беды в одиночку выкарабкаться трудно. Тебе должен помочь совет отряда. Пусть ребята разберутся как следует в этой истории и пойдут к директору. На пионера, на товарища возводят напраслину. Разве совет отряда может стоять в стороне? Он обязан защитить пионера, его пионерскую честь.

Нарушил главное правило

У нас в интернате был такой случай. Зина М. и Миша Д. играли в шашки, а Аля И. помогала Зине. Миша сказал Але, чтобы она перестала подсказывать. Аля продолжала свое. Миша еще раз попросил. Аля опять не послушалась. А в третий раз Миша, рассердившись, ударил Алю по уху. У Али целые сутки болело ухо. Миша считает, что он поступил правильно. Может, он и на самом деле прав?

С пионерским приветом Сима Ганеева.

Марийская АССР,
Волжский район,
Обшинорская школа.

Игра есть игра, и правила ее нарушать нельзя. Играли Зина с Мишей в шашки, так при чем же здесь Аля? И я бы сказал, что Миша поступил верно, если бы он сам не нарушил еще более важное спортивное правило: пустил в ход кулаки. Бывает, что на футбольном поле даже знаменитые игроки решают спор силой. Но их за это дисквалифицируют, то есть лишают права играть. Неинтересно играть с такими, которые то и дело лезут драться. А уж драться с девочкой совсем последнее дело!

С пионерским приветом

Сима СОЛОВЬЕВ

Дорогой Корней Иванович, поздравляем Вас с днем восьмидесятилетия

Читатели и редакция журнала «ПИОНЕР»

Корней Иванович Чуковский живет под Москвой, в дачной местности. Каждое лето он устраивает там два пионерских костра: в июне — «Здравствуй, лето!» и в конце августа — «Прощай, лето!». Множество ребят приходит на эти летние праздники.

Однажды на костре выступал жонглер. Он ловко вертел на кончике указательного пальца большой мяч. Юные зрители подставляли свои пальцы. Жонглер ставил на них мяч, и мяч продолжал вращаться.

Корней Иванович подошел к жонглеру, потянул палец и сказал: «Я тоже хочу!..» И огромный мяч завертелся у него на пальце. Тут я и щелкнул затвором камеры.

На костре чтецы исполняли «Муху-цокотуху». Автор сидел вдалеке. Чтобы лучше

увидеть актеров, он перекочевал в первый ряд. А чтобы не мешать своим маленьким гостям (Чуковский высокого роста), он уселся прямо на траву.

Эти снимки были сделаны сразу, без подготовки. Мне нравится снимать врасплох. Так была сделана и фотография, когда Корней Иванович зашел в гости к писателю Ираклию Андроникову.

Зимним вечером я заглянул в Переделкинскую детскую библиотеку. Пять лет назад эту библиотеку построил Корней Иванович и подарил детям. Он часто приходит в библиотеку, рассказывает детям сказки, запас которых у него неисчерпаем. Одну такую встречу и запечатлел мой объектив.

Фото и текст
Макса ПОЛЯНОВСКОГО.

В прошлом номере журнала мы печатали рассказы Наталии Дуровой «Большой театр Малышка» — о том, как ребята одного двора превратились в дрессировщиков, а их четвероногие и пернатые питомцы — в артистов.

Выполняя свое обещание читателям—раскрыть секреты дрессировки всем, кто любит зверей и хочет устроить у себя такой же веселый театр, Наталия Дурова открывает здесь, на этих трех страницах, «заочные курсы дрессировки». Вместе с ней объяснения ведут двое ее друзей—сотрудники уголка Дурова Людмила и Анатолий Майоровы.

СНАЧАЛА ДАВАЙТЕ ЗНАКОМИТЬСЯ

Нас трое, и мы не волшебники. Правда, палочка-указка в руках дрессировщика может показаться волшебной палочкой, когда, повинуясь ее легкому движению, ворона начинает читать книгу, собаки играют в футбол, заяц бьет в барабан, петух играет на гуслях, а поросенок стреляет из пушки. Но если тут и скрыты волшебные силы, так это терпение, настойчивость, любовь к животным и знание законов их поведения. Эти волшебные силы составляют основу того, что называется дуровским методом дрессировки, по имени человека, который многим поколениям ребят известен как дедушка Дуров.

Владея его методом, можно превратить в артистов любое четвероногое, любое пернатое существо из тех, что бегают, ползают, скачут, порхают и летают вокруг нас. Научить вас сразу всему невозможно. Искусству дрессировки человек учится всю жизнь и с каждым новым питомцем, с каждым новым зверком узнает что-то новое. Мы просто расскажем, как подготовить несколько номеров для вашего театра зверей.

СОБАКИ ИГРАЮТ В ФУТБОЛ

Для этой сценки подбираются собаки разных пород: бульдоги, боксеры, пудели и молодые дворняжки.

Самое трудное — заставить собак привыкнуть друг к другу. Берете собак на поводки и на расстоянии, издали, знакомите. Здесь, кроме основного дрессировщика, участвуют и другие ребята, ассистенты дрессировщика. Они держат собак на поводках. Дрессировщик стоит в центре, вокруг него расположены ассистенты с собаками. У дрессировщика подкормка, которой он отвлекает собак от возможной драки.

Важно распределять корм таким образом, чтобы он достался каждой собаке, не вызвав у другой озлобления и зависти. Когда после нескольких занятий собаки освоятся друг с другом, начинайте приучать их к мячу. На этой стадии дрессировки надо заниматься с каждой собакой в отдельности.

Волейбольный мяч подвешен за веревочку к стойке. Сначала он касается земли. Под него кладется маленький кусочек мяса. Чтобы достать лакомство, собаке приходится отодвинуть мяч носом. Постепенно поднимаете мяч все выше, а под мячом или сбоку держите кусочек мяса, надетый на кончик палочки-указки так, чтобы собака не могла до него добраться, не толкнув мяча.

Привыкнув, что мяч — предвестник лакомства, собака вскоре будет кидаться к мячу и толкать его, едва завидит. После этого не надо держать возле мяча угощение. Его дают собаке из рук после того, как она толкнула мяч. Собака начинает толкать мяч по нескольку раз. Во-первых, потому, что не нашла пищи сразу; во-вторых, потому, что игра

с мячом начинает ей нравиться сама по себе. Молодые собаки выбранных нами пород и без дрессировки склонны играть в мяч: ловят, толкают, стараются догнать брошенный мяч или схватить его на лету. Дрессировка тут нужна для того, чтобы собака приучилась толкать мяч только носом.

Когда все собаки обучены и безотказно начинают игру с мячом, начинайте тренировать их вместе. Сначала по две, потом по три, по четыре, пока не дойдете до полного состава ваших команд. Разумеется, в командах число «игроков» должно быть ограничено — в каждой пять-шесть, не больше.

Когда команды натренированы, жесткий мяч заменяете цветным воздушным шариком, уже не привязанным. Легкий шар заставляет собак делать еще более высокие прыжки. Но все же, чтобы шар не улетел слишком далеко и опустился побыстрее, в конец трубочки, через которую его надувают, спрячьте небольшой груз (подшипниковый шарик, кусочек свинца, медный пятак).

Теперь остается приучить собак-футболистов к трусикам, которые должны быть двух разных цветов. Тогда для зрителей еще отчетливее будет разделение на две команды.

«Матч» прекращается по свистку судьи, и собаки убегают за кулисы. Это потому, что каждую репетицию вы заканчивали обедом, который ваши «футболисты» получали за кулисами по свистку судьи.

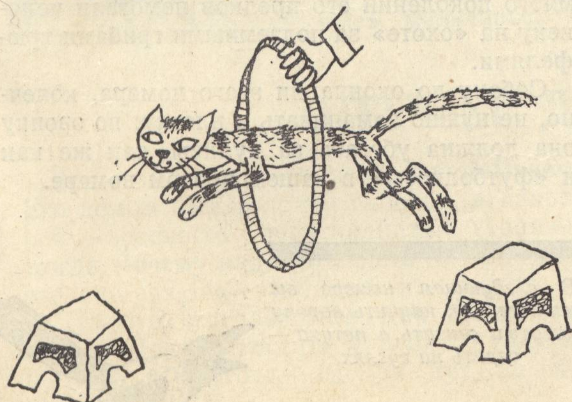
КОШКА — ХОРОШАЯ АКТРИСА

Часто, увидев кошку на спектакле, зрители удивляются и спрашивают:

— Скажите, это обыкновенная кошка?

Да! Самая обыкновенная кошка очень хорошо дрессируется.

Понаблюдаем за кошкой. Кошка свободно влезает на дерево, в комнате она легко перепрыгивает со шкафа на буфет, со стола на диван. Это и можно использовать в дрессировке. Важно добиться, чтобы кошка прыгала там, где вам нужно.

После прыжка, спустившись, она может сделать несколько пируэтов, то есть перевернуться лежа на полу. Такие движения кошка делает и без дрессировки, когда, играя, она берет в лапки лоскуток или бумажку. Как же движения перенести на сцену, закрепить сигналами дрессировщика?

ПРЫЖКИ С ТУМБЫ НА ТУМБУ

К тумбе наклонно подставляется доска с набитыми планочками. По этой доске вы заставляете кошку взбираться на тумбу, приманивая лакомством: маленькими кусочками

мяса или рыбы. Вторую тумбу, на которую должна прыгать кошка, оставляете так, чтобы кошка могла свободно на нее перешагнуть. Когда она переходит с одной тумбы на другую, награждаете лакомством, подавая при этом какие-нибудь сигналы (движение руки или возглас: «Ап!»). Потом вы постепенно увеличиваете расстояние. Если хотите, чтобы кошка прыгала еще и сквозь обруч, надо с первых же репетиций подставлять обруч между тумбами: сначала совсем близко к первой тумбе, потом все на большем расстоянии, но всегда таким образом, чтобы кошке было удобно проскочить сквозь него.

КОШКА ДЕЛАЕТ ПИРУЭТ

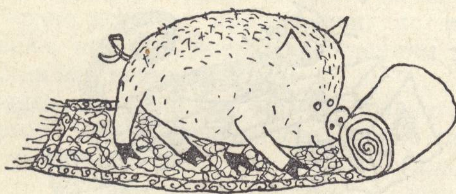
Уловив момент, когда кошка лежит на полу, вы осторожно, не применяя силы, переворачиваете ее, приговаривая: «Перевер-

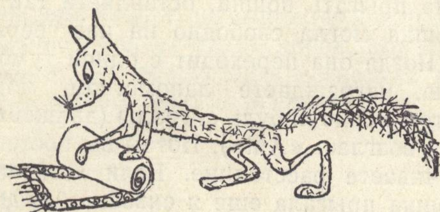

нись» — и каждый раз после этого подкармливая. Когда же кошка усвоит, что за перевертыванием следует угощение, она сама начнет ложиться на бок, ожидая, чтобы вы ее перевернули, а через несколько репетиций, увидев подкормку и услышав команду «Перевернись!», она, не дожидаясь прикосновения рук, будет делать пируэт.

ЛИСИЦА СКАТЫВАЕТ КОВРИК

Часто номера четвероногих артистов основаны на их врожденных способностях. Когда, например, дрессировщик учит свинью раскатывать коврик носом, он использует ее привычку рыть землю носом, чтобы найти лакомые корешки. Лисица исполняет этот номер по-другому. Она должна раскатывать коврик лапками. Здесь дрессировщик тоже использует природные данные лисицы: на воле она раскапывает норки мелких животных, за которыми охотится.

Вы кладете кусочки мяса на ковровую дорожку и скатываете ее в рулон. Кладете рулон на пол. Подводите указкой лисицу к рулону. Так как на воле лисица роет лапками, бросая землю к себе, вы подводите ее к рулону с той стороны, в которую он будет раскатываться. Бросаете несколько кусочков мяса: на верх рулона, потом и к основанию. Лисица их съедает. Вы тихонько раскатываете рулон, и лисонька, желая быстрей получить угощение, начинает лапками помогать вам. Промежутки между кусочками мяса в рулоне вы постепенно, в процессе репетиций, удлиняете и доводите подкормку до минимума: кладете мясо лишь в самую середину рулона. По мере того, как лисица раскатывает рулон, вы следуете за ней по ковру, давая подкормку.

На раскатанном ковре лисица должна протанцевать вальс. Танцевать вальс вы ее учите с помощью указки, на кончике которой насажен кусочек лакомства. Лисица тянется к лакомству и описывает круг вслед за указкой. После многократных тренировок она будет поворачиваться уже и за указкой без лакомства (его вы даете потом), а когда номер отработан вполне, лисица просто по легкому движению указки будет делать обороты, как бы вальсируя.

Приучая лисицу скатывать коврик, вы меняетесь с нею местами. При раскатывании ковра вы шли по нему, а лисица была по другую сторону рулона, теперь, наоборот, лисица, скатывая, пятится по ковру, а вы идете следом за образовывающимся рулоном.

Номер смотрится особенно хорошо, когда лисица не на привязи и свободно ведет себя на сцене. Однако лисицу надо приучить по сигналу (звонок, колокольчик) покидать сцену. В звонок звонит ассистент, приподнимая дверцу клетки, и лисица бежит туда, зная, что там она получит корм. Вообще лисица должна быть приучена к клетке, считать ее своим домом. Из клетки и в клетку она должна безбоязненно входить и выходить.

Если нет лисицы, для номера с ковром годятся и собаки с прирожденной способностью рыть землю: фокстерьер, шотландский терьер-«скотч», такса (они обычно используются для норной охоты). Годится и пудель, так как много поколений его предков помогали человеку на «охоте» за подземными грибами трюфелями.

Собаку по окончании этого номера, конечно, не нужно заманивать в клетку: по звонку она должна убегать за кулисы, так же как и «футболисты» в нашем первом номере.

В следующем номере вы узнаете, как научить ворону читать и считать, а петуха — играть на гуслях.

Серебряная уздечка

Двое мальчишек, пришпорив коней, мчатся по крутой горной тропе в урочище, где пасет отару старый Сагымбай. Таукаш выехал раньше, и конь у него лучше. Но Усен должен обогнать его. Ведь он первый заметил, как приехала в поселок дочь чабана, врач Айша, и его долг — первым привезти добрую весть — сююнчу.

Усен избрал трудную дорогу, зато более короткую. Таукаш остался далеко позади...

Но не Усен получил в подарок от старого чабана серебряную уздечку. По дороге он увидел ягнят, попавших в яму, и, когда он выручал их, Таукаш не захотел ему помочь и, конечно, обогнал его.

Усен приехал позже, привез спасенных ягнят. Он знал: стоит ему сказать одно слово — и у Таукаша отберут подарок и прогонят со стойбища. Но он никому ничего не сказал.

А как вы думаете, ребята, кто из них настоящий победитель?

Об этой истории вы прочитаете в рассказе **М. Барышева** «Сююнча».

Этот рассказ входит в книгу **«Выстрел в камышах».** Очень разные и непохожие друг на друга, подчас «трудные» мальчишки — герои рассказов. Прочитав их, вы познакомитесь с наивным и самонадеянным Семкой, узнаете о том, как он впервые ушел с отцом в горы, как поборол там свою слабость и ощутил величайшую из радостей — радость победы над собой (рассказ «Горы»); познакомитесь и с непослушным Егоркой, для которого так много значил выстрел, раздавшийся в камышах (рассказ «Выстрел в камышах»)...

Сложный мир окружает нас, не так-то легко сразу разобраться во всем и понять, что к чему, отличить удальство от смелости, самонадеянность от уверенности, хитрую ложь от правды, не всегда осознаешь, к чему может привести тебя глупая мстительность, упрямство или самолюбие...

Читая книгу, вам не раз придется поволноваться, о многом задуматься.

А. МОШКОВСКИЙ

ОТВЕЧАЕТ ДЖАННИ РОДАРИ

Жило-было на свете неугомонное **Почему.** Его домом был толстый словарь, а квартирой — восемьсот девятнадцатая страница. Когда **Почему** надоело сидеть на одном месте, оно раз-два — и удрало из словаря.

Думаете, его поймали? Как бы не так! Любит **Почему** гостить у ребят — то у одного, то у другого,— где ж тут за ним угнаться!

И вот дети — со всего мира,— к которым в последние годы забегало неугомонное **Почему,** стали одолевать вопросами **Джанни Родари.**

Если даже знать все на свете, и тогда не скучно будет читать его ответы. Они теперь собраны в книжке, которая называется **«Почему? Отчего? Зачем?».**

Спрашивают его, например, для чего пах-

нут цветы? Джанни Родари отвечает, а под конец говорит: «Да, я чуть не забыл: бывают еще и поддельные цветы, из бумаги. Но у них нет никакого запаха.

Ложь —
Все равно
Что бумажный цветок.
Увидит простак
И в восторге ахнет.
Хоть стебель у лжи
И бывает высок,
Правдою
Ложь никогда не пахнет!»

Или отвечает, откуда у слона хобот, да вдруг вообразит, до чего забавные существовали бы поговорки, если б у каждого из нас было по длинному хоботу вместо носа:

«Не суй хобот не в свое дело!..»

«Бр-р-р, ну и стужа на улице! Хобота не высунешь!»

«Мойте хобот перед едой!..»

Такого человека очень даже весело спрашивать: отчего да почему, зачем да как?

Он знает не только, как это в жизни бывает, но и как может быть в сказке.

Он же замечательный сказочник, по-моему, самый веселый, самый умный на свете.

Вл. ГЛОЦЕР

ПИСАТЕЛИ РАССКАЗЫВАЮТ

НА ЭТОТ РАЗ МЫ ПОЗВОНИЛИ В ЛЕНИНГРАД ПИСАТЕЛЮ ВИКТОРУ ГОЛЯВКИНУ: «ЧТО ВЫ РАССКАЖЕТЕ НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ!»

ВИКТОР ГОЛЯВКИН

— Писать я начал случайно. Совсем неожиданно. А потом решил продолжить это дело. Раз уж начал. Тем более, что получаться стало. А дело любое бросать не стоит. Нужно его до конца доводить.

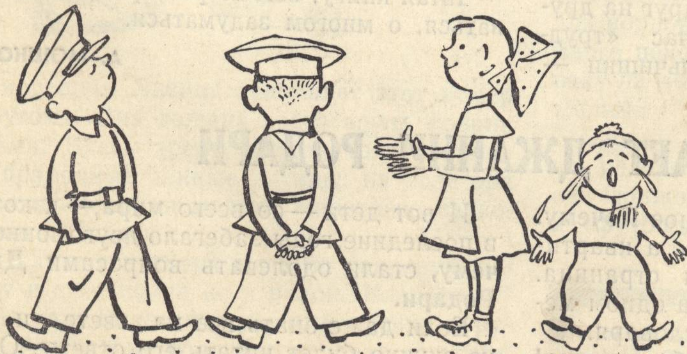
Сейчас я работаю над книгой «Мой добрый папа».

Это книга о добром и веселом человеке, которого убили на войне. Эта книга против войны.

Я очень стараюсь, чтобы это была хорошая книга.

В этом году в издательствах «Детгиз», «Детский мир» и «Советская Россия» выйдут еще три мои небольшие книжки: «Город в море», «Паровозик в небе» и «Кому что удивительно».

Я много учился рисовать. Целых двадцать лет. А может быть, даже и больше. Я даже окончил Академию художеств. И поэтому мне очень хочется нарисовать вам что-нибудь на этой странице. Раз я столько учился.

Здесь нарисованы Петя, Алик, Маша и маленький Шурик. Почему Шурик плачет? Что у них тут произошло? Подумайте и напишите мне.

О ЧЕЛОВЕКАХ-КОШЕЛЬКАХ

ДОРОГАЯ РЕДАКЦИЯ!

Мне очень хочется высказать, какие чувства вызвал во мне рассказ Э. Шима «Ливень»[1]. Ответьте, пожалуйста, правильно ли я его понял. Сначала, когда я его прочел, мне показалось, что Женя здесь показана с положительной стороны. Будто она чувствует свое превосходство. И все вообще она принимает со свойственной ей бодрой веселостью. Но это не вязалось с тем, что Женя при гибели собаки вспомнила только о деньгах. Не вязалось и с тем, что Тима тоже показан с положительной стороны. И я прочел рассказ второй раз. Теперь, мне кажется, я все понял. Мне кажется, что Тимка — это простой советский пионер, каких много в нашей стране, а Женя — это маленькая, но уже находящая выгоды жизни и пользующаяся ими девочка. Меня поразила ее мерзкая душонка. Как только могла она не зарыдать, увидев свою любимую умирающую собаку?! Но о какой жалости и любви может идти речь, если она пожалела лишь о деньгах, заплаченных за собаку! И мне понравилось, что Тима не побоялся сказать ей прямо в глаза правдивые слова: «Ну и дрянь же ты!.. Ну и гадюка же ты!» Он сказал ей эту правду даже с наслаждением, вылив все, что накипело у него на душе. А она, ничего не поняв из этого (да где ей было понять!), стояла и продолжала улыбаться, и глаза ее были ясны и безмятежны, как у ребенка.

Ю. Кузнецов, ученик 6-го класса.

Москва, Зеленая зона.

Юра Кузнецов прав

Однажды я услышал забавную фантастическую историю.

В некотором царстве, в некотором государстве была придумана удивительная машина. Она возвращала к жизни давно умерших людей.

Ученые закладывали в машину чьи-нибудь письма, фотографии, научные труды, сочинения, рисунки — в общем, все то, что оставил после себя на земле умерший человек.

Машина тщательно изучала весь этот материал, определяла характер человека, его вкусы, привычки, особенности. И когда облик умершего становился абсолютно ясным, машина чудесным образом возвращала его к жизни.

Таким путем вернулись к людям знаменитые мыслители прошлого, великие художники, музыканты, учителя и врачи.

Наконец дошла очередь до одного поэта.

Он оставил после себя целое собрание сочинений. На первой странице первого тома сохранилась его фотография: благообразный человек открыто и ясно смотрел на своих читателей.

Стихи заложили в машину. Она загудела, замигала разноцветными огнями; с величайшей тщательностью она принялась анализировать: что представлял собой умерший поэт?

И вот прозвучал сигнальный звонок, распахнулись автоматические двери, и выскочил из машины... большой кожаный кошелек.

Оказывается, именно это представлял собой скончавшийся стихотворец. Машину не смогли обмануть ни его призывные, очень правильные стихи, ни его благородная внешность.

...Эта история мне часто приходила на память, когда я писал рассказ «Ливень». Почему? Да потому, что в рассказе мне и хотелось проследить: откуда появляются в жизни вот такие человеки-кошельки? Растут среди нас обыкновенные мальчишки и девчонки, как будто бы и умные, и способные, и красивые, знакомые и родичи не нахвалятся ими. А потом, по прошествии лет, иной вежливый мальчик вдруг оборачивается наглым спекулянтом, иная милая девочка — мелкой и злобной хищницей... Как происходит это страшное превращение? Всегда ли мы замечаем его? И вообще легко ли его заметить? Обо всем этом я и написал в рассказе «Ливень».

Юра Кузнецов правильно понял рассказ. Меня обрадовало, что Юра попытался разобраться в нем до конца, что он начал раздумывать, не ограничившись первыми впечатлениями.

Очень это хорошо.

Сейчас такое время, когда и нам, писателям, и вам, читателям — большим и маленьким,— надо о многом подумать, во многом правильно разобраться. Будущее, то самое, о котором люди мечтали в сказках и фантастических романах, не за горами. Мы окажемся в нем не воскресшими при помощи удивительных машин — мы просто сами его построим и долго еще будем в нем жить.

И очень важно, чтобы по дороге к этому будущему никто из нас не превратился в человека-кошелек, в человека-пустышку, в человека-слизня.

Обидно, если цель уже близка, различима взглядом, а кто-то оступился на последнем переходе и не дошел до нее...

Эдуард ШИМ

[1] **От редакции:** рассказ «Ливень» напечатан в «Пионере» № 1 за 1961 год.

Серебряный доллар

МЭР Нью-Йорка прислал в Москву серебряный доллар.

— Передайте Валерию Брумелю. У нас, американцев, есть такая примета: серебряный доллар приносит удачу...

Монетку вручили Валерию накануне легкоатлетического матча СССР — США. Валерий улыбнулся и спрятал доллар в карман. Он не верил в талисманы. К тому же, кроме длинных ног и сильных, тренированных мышц, необходимых прыгуну, был у Валерия свой «серебряный доллар» — спортивный секрет, без всякого волшебства приносивший победу в самой трудной борьбе. Он овладел этим секретом далеко не сразу.

ДОМИК в шахтерском городе Луганске. Здесь проходило детство. Любимым местом был стадион. Валерий во все глаза смотрел, как бегают, метают диск, прыгают в высоту взрослые, а в часы, когда на стадионе не было никого, кроме ребят, упрямо старался повторить то, что видел накануне.

Однажды позади раздался голос, как ему показалось, сердитый:

— Ты что тут делаешь?

От неожиданности мальчик выронил планку, которую собирался поставить на отметку 1.22.

Обладатель сердитого голоса оказался совсем не сердитым. Это был преподаватель детской спортшколы. Он стал первым тренером Валерия.

Прыжки в высоту доставляли Валерию огромное удовольствие. Короткий взлет, упругое приземление и тишина, говорящая о том, что легкая деревянная планка осталась на месте, что он пролетел над ней. Иногда в своем нетерпении всего достигнуть скорее Валерий и вечером приходил на стадион, пытаясь пристроиться к взрослым. Но тренер прогонял его.

— От такого усердия — только вред! Прыжок требует спокойствия.

Прыжок и спокойствие? Валерию это казалось несовместимым.

В НАЧАЛЕ Валерий ставил планку где-то на уровне своего плеча. И хотя он был высоким мальчиком, прыжок получался всего в метр двадцать сантиметров. Через год Валерий вытянулся, его длинные ноги окрепли. «Выросла» и планка. С тех пор они росли вместе. Только планка росла быстрее, постепенно перегоняя прыгуна: сначала добралась ему до подбородка, потом до переносья... А потом ее рост замедлился; каждый новый сантиметр в высоту давался труднее и труднее.

«Может, выше у меня не выйдет? — думал порой Валерий.— На сколько вообще может человек прыгнуть? Должен же быть предел!»

В журнале «Легкая атлетика» Валерий прочел, что в конце прошлого века один выдающийся спортсмен метнул копье на 44 метра. Этот результат вызвал в спортивном мире бурю. Говорили, что дальше метнуть невозможно.

И что же! Шли годы, копья летали все дальше и дальше. Бросок того давнего рекордсмена теперь повторяют на тренировках мальчишки из спортивной школы, где занимался Валерий. Такой результат не стоит даже третьего разряда!

— Предел, конечно, есть,—сказал тренер, когда Валерий поделился с ним своими раздумьями.— Ясно, что метнуть копье за горизонт и прыгнуть выше двухэтажного дома человек не может. Но назвать какую-нибудь точную цифру предела я не берусь. Сколько раз на моей памяти знатоки прыжков в высоту называли то два метра, то два метра десять, то два двадцать. А глядишь — и этот «предел» превзойден. Лишь бы кто-нибудь первым его перешел. Рекордсмены для того и нужны в спорте, чтобы прокладывать путь остальным, доказывать силу, возможности человека.

Валерий задумался: ему хотелось быть одним из тех, кто прокладывает путь.

Он учился раскладывать прыжок на десятки частиц и каждую из них изучал в отдельности, как простые математические формулы, из которых потом выстроится сложная система. В гимнастических упражнениях, в метании копья, в занятиях со штангой, в стартах стометровки Валерий вдруг находил «крупицы» будущего полета через планку. Он ревниво и пристально всматривался в фотографии и кинокадры прыжков Игоря Кашкарова, московского студента и выдающегося спортсмена. Игорь был для него образцом.

Он уже не кидался на планку очертя голову. Он рассчитывал все: и шаги разбега, и силу толчка, и движение рук, которые, словно крылья, помогают ногам метнуть тело в воздух. Из точного расчета рождалось спокойствие — то уверенное спокойствие, о котором говорил тренер.

НАД Луганском шумела ранняя весна, распускались клейкие тополевые почки. В одно апрельское утро Валерий проснулся с ощущением, что сегодня должно произойти что-то необыкновенное.

И правда! Необыкновенным было уже то, что ему исполнялось семнадцать.

Семнадцать лет!.. Это уже не мальчишеский, это совсем взрослый возраст. В семнадцать кончают школу, подводят первые жизненные итоги, выбирают профессию.

Да, поистине этот день был необыкновенным. На стадионе какое-то веселое вдохновение владело Валерием. Он поднимал планку все выше, выше. Наконец подошел к двухметровой отметке. А если попробовать? Именно сегодня!

Валерий разбежался, и то, что представлялось ему пределом, оказалось позади.

— Ты стал бы сегодня рекордсменом страны...— сказал тренер и шутливо добавил: — Если бы родился лет на тридцать раньше!

Действительно, прежде такой прыжок был рекордным. Но теперь человек пятьдесят только в нашей стране уже перешли за двухметровую отметку.

Валерий знал это. Знал он также, что за океаном, в США, живет темнокожий парень по имени Джон Томас. Валерий никогда не видел его, но отлично представлял себе по фотографиям и восторженным статьям в спортивных журналах. Ростом он был еще выше, чем Валерий, а в его мускулистых ногах словно прятались стальные пружины. Путь к мировому первенству, о котором мечтал Валерий, неминуемо шел через трудное единоборство с Джоном. Валерий знал и это.

Счастливый день рождения прошел. Будни не приносили радости. За лето планка «выросла» всего на сантиметр. А ведь он мечтал об олимпийских играх!

«Неужели не смогу выше?»—с тревогой думал Валерий. Он нервничал. Казалось, разваливается на части продуманная до мелочей стройная цепь движений, из которых складывается прыжок. Обычно при разбеге он делал шесть шагов, а тут перестало их хватать. Прибавил два шага — получилось еще хуже.

Валерий тренировался с отчаянным упорством, только теперь он взял себя в руки, перестал нервничать и суетиться. Нелегко ему это далось. Но на отборочных соревнованиях к Олимпиаде он спокойно сидел на скамейке, спокойно шел к планке, когда подходил его черед. И только перед самым прыжком Валерий будто взрывался. Вся его энергия в этот момент устремлялась на то, чтобы преодолеть планку. Короткая «взрывная волна» подбрасывала его вверх, и...

— Два семнадцать! — изумленно переглянулись тренеры.

Это был рекорд Европы. Вот она, путевка в Рим!

А Томас? Ему удалось к тому времени стать рекордсменом мира. Он взял высоту два метра двадцать два сантиметра. Он «вошел в моду». О нем много писали буржуазные газеты, громко именуя великим прыгуном века, «Черной ракетой».

Правда, никто не писал ни о том, с каким трудом Джон поступил в Бостонский университет, ни о том, что он вынужден был после лекций работать лифтером, чтобы заработать на жизнь и на плату за учение. Во всяком случае, Джон Томас, рекордсмен мира, тоже готовился к Олимпиаде.

Разминка перед соревнованием: суставы и связки должны быть эластичными и гибкими.

Был жаркий полдень, когда на римском стадионе «Форо Италико» начались соревнования по прыжкам в высоту. Но вот спустились сумерки, вспыхнули мощные прожекторы, а в секторе для прыжков только начиналось самое интересное.

Стотысячная толпа на трибунах бушевала. Болельщики уже охрипли от криков. Многие выдающиеся прыгуны, не выдержав долгих часов непрерывного напряжения, пасовали перед планкой и после трех неудачных попыток «выходили из игры».

В этой человеческой буре лишь один из участников не выказывал ни малейших признаков волнения. Растянувшись на траве под тентом, он углубился в загадочные события романа Уилки Коллинза «Лунный камень».

— Мальчишеское позерство! Притворяется, что все ему нипочем! — посмеивались некоторые зрители, наблюдая за ним с трибун.

Нет! Валерий (это был он) и не думал притворяться. Он просто берег силы и, главное, нервы для решающих минут поединка. Теперь-то он понимал, как важно спокойствие.

Один за другим выбывали противники. Высоту два метра шестнадцать сантиметров штурмовать остались трое: Джон Томас, Валерий Брумель и Роберт Шавлакадзе.

У Джона в напряженной олимпийской борьбе явно сдали нервы. Иначе почему бы он три раза подряд сбивал планку? Ведь прежде, на родине, Джон не раз брал такую высоту.

А Валерий чувствовал небывалый прилив сил. Со второй попытки он одолел планку вслед за Робертом, взявшим ее с первой. Итак, в свои восемнадцать лет он олимпийский победитель! Если не первый, так второй, «серебряный»!

И все же соперником номер один оставался Джон. Все тот же Джон. Хоть он и вышел из олимпийской борьбы на отметке 2.16, но мировой рекорд попрежнему за ним: два метра двадцать два сантиметра.

Буржуазные эксперты были в смятении. Победить «Черную ракету»?! Это просто не укладывалось в голове. Случайность! Надо проверить!

Брумеля пригласили в Нью-Йорк для участия в розыгрыше первенства США. Это снова была «дуэль» с Джоном. Победив, Валерий не только упрочивал свою славу лучшего прыгуна — он становился чемпионом США.

— Пусть попробует! — говорили американские болельщики.— Посмотрим, как он в борьбе один на один с «Черной ракетой» покажет свое превосходство!

— Я выиграю. Вот только не знаю, с рекордом или нет,— сказал Валерий друзьям перед тем, как лететь в США.

...В «Медисон-сквер-гарден», гигантском закрытом стадионе, был непривычный, дощатый пол; играл, развлекая зрителей, хлеставший по нервам джаз; забивался в легкие табачный дым (в спортивных залах Америки разрешают курить, не заботясь о спортсменах). Но наперекор всему Валерий брал высоту за высотой и под восторженный свист тысяч американцев (у них свист— одобрение) показал, что его прежняя победа не была случайной. Впервые в истории американского спорта звание чемпиона досталось неамериканцу и уплыло за океан, в другую страну.

Теперь уже Валерия буржуазная пресса восторженно называла ракетой! А Томаса — «бостонским кузнечиком». Ракета и кузнечик! Это было окончательным признанием превосходства Валерия.

Через полгода, накануне новой встречи двух атлетов, которая должна была происходить в Москве, мэр Нью-Йорка и прислал Валерию на счастье серебряный доллар. Мэр стал болельщиком за советского парня.

Валерий и Джон уже хорошо знали друг друга и встретились по-приятельски. Белые зубы Джона блеснули в добродушной улыбке.

— Посмотрим, кто кого на этот раз!

...Снова, как в Риме, высоту 2.16 остались штурмовать лишь трое. Снова двумя из них были Валерий и Джон. Третьим на этот раз оказался белый соотечественник Томаса Эвант.

Эвант прыгал своим оригинальным способом. Он, словно акробат, кувыркался через планку. Джон в ожидании очереди взволнованно шагал перед скамейкой, где сидели тренеры и фоторепортеры. А Валерий был верен себе. Он не видел ни того, как кувыркался Эвант, ни того, как мерил длинными ногами площадку Джон. Поставив свое кресло спиной к сектору прыжков, Валерий смотрел на соревнования дискоболов в противоположном конце поля.

Солнце опускалось к краю гигантской чаши стадиона, когда на небо наползла туча и стал накрапывать дождь.

— Эх, до чего не вовремя,— досадовали зрители, надевая плащи.— Самый решающий момент!

Момент действительно был решающий. Выбыл из игры «акробат» Эвант. Джон и Валерий остались вдвоем... Два метра двадцать четыре сантиметра! Быть или не быть новому рекорду мира?

Джон, нервничая, шагал по площадке. Валерий, верный себе, сел спиной к сектору прыжков.

Дважды сбивает планку Джон Томас. Дважды падает она у Валерия. Обоим осталась только одна попытка. Валерий, по-прежнему невозмутимый, накрылся плащом и уселся в свое кресло. Джон несколько раз прошелся по площадке.

— Выключите прожекторы!— потребовал он.

Снопы света, устремленные на площадку, послушно погасли: «Прыгай!»

Джон разбежался. Его длинные ноги легко взметнулись вверх.

— А-а-а...— стоном разочарования прокатилось по трибунам: планка упала.

А дождь превратился в ливень. Площадку для толчка стали прикрывать брезентом: переждать!

— Нет-нет! — протестующе замахал рукой Валерий.— Я все равно буду прыгать.

Он еще только толкнулся о сырую площадку, а уже стало ясно: этот толчок — взрыв долго сдерживаемой энергии — поднимет его на рекордную высоту.

Джон первый поздравил друга. К Валерию бросились фотографы, болельщики — все, кто был поблизости.

Но что это? Рекордсмен хочет прыгать еще! Планку поднимают...

Планка взята! Десятки фотообъективов ловят этот миг — рождение нового рекорда.

Одержав победу, Валерий прицеливается к новой высоте. А высота такая, что судья, устанавливая планку, на цыпочках еле дотянулся.

Еще мальчишкой, в Луганске, Валерий учился, начиная прыжок, смотреть чуть-чуть выше планки. Это не только помогало прыгнуть «с запасом». Смотреть чуть выше значило видеть новую высоту, будущую, и мысленно готовиться к ней. Какую бы Валерий ни одержал победу, он обязательно просил поднять планку еще на сантиметр! Он словно примерялся к будущему. Так было и здесь, в Лужниках.

Попытка... Вторая... Третья... Не вышло! Но позднее, на международных студенческих играх в Софии, и эта высота — 2.25 — покорилась. А Валерий, верный себе, уже прицеливался к новой...

Итак, что же под силу спортсмену? Снова ученые-физиологи, спортивные врачи, тренеры пытаются подсчитать неиспользованные запасы энергии, которые еще таятся в человеке.

«Человек может прыгнуть в высоту на два метра сорок сантиметров»,— утверждают теперь.

Кто же первым одолеет этот новый, еще пока далекий рубеж? Может, Валерий Брумель? Он молод, его спортивный путь, так блестяще начатый, все же еще только начат.

А может быть, где-нибудь в Сибири, на Кавказе или в Москве уже подрастает никому не ведомый мальчишка; может, как некогда сам Валерий изучал прыжки Игоря Кашкарова, мальчишка этот рассматривает кинозаписи прыжков нынешнего рекордсмена... Может быть, к нему перейдет, как эстафета, секрет удачи Валерия: великое умение отключаться от ненужных напряжений и трат, чтобы в решающий миг всю энергию отдавать мгновенным взрывом. И мальчишка, владея этим «серебряным долларом», отодвинет еще дальше предел с пометкой «невозможно».

Н. КОЛЕСНИКОВА,
П. МИХАЛЕВ
Фото А. Бочинина.

ЗДЕСЬ ЛЮБЯТ ШАХМАТЫ

Город Баку. Столица солнечного Азербайджана. Один из крупнейших промышленных и культурных центров нашей страны. Здесь в гостях у нефтяников и моряков Каспия побывали наши прославленные гроссмейстеры и мастера, участники XXIX шахматного первенства страны.

Более месяца шла упорная борьба за золотую медаль чемпиона Советского Союза. Турнир был таким интересным и привлек такое большое внимание, что на это время Баку стал шахматной столицей мира. Побывал в Баку и шах— владыка черных и белых полей — со своими оруженосцами. Многое понравилось шаху, в особенности, что среди любителей шахмат, посещавших клуб имени Дзержинского, где проводилось первенство, было много пионеров и школьников. В этом номере журнала мы рассказываем о юных бакинских шахматистах. Первое слово ребятам из школы № 18.

У НАС В ШКОЛЕ

В 18-й школе много ребят интересуются шахматами. Недавно у нас проходило соревнование между командами классов. Отличилась команда шестого «В» класса, которая и заняла первое место.

Сейчас мы готовимся к школьному турниру. Хотим, чтобы этот турнир привлек побольше участников. Постараемся также организовать обучение новичков — тех ребят, которые хотят научиться играть в шахматы. Таких ребят сейчас особенно много, после того, как у нас в городе было проведено первенство Советского Союза.

Ариф Оруджлы.
Марк Водовозов

УЧЕНИЦЫ ИРЫ СПИВАК

Ребята из 18-й школы только готовятся обучать новичков, а в 193-й школе Ира Спивак, председатель совета отряда, у себя в классе учит играть в шахматы шесть девочек. Ира недавно сама получила третий спортивный разряд, а теперь помогает своим подругам освоить теорию шахмат.

«Скоро они будут хорошо играть,— говорит Ира.— А Лида Дольникова уже и сейчас добилась неплохих результатов».

Сама Ира уже не раз участвовала в соревнованиях. А когда в Баку проводилось первенство пионерских дружин, Ира вышла победительницей в турнире девочек.

РЕБЯТА ИГРАЮТ ХОРОШО

Школа № 23 славится своими шахматистами. Чемпионат СССР был для нас, как шахматный праздник. Сделаешь уроки и торопишься в зал клуба имени Дзержинского. А там уже много наших ребят. Ведь как интересно посмотреть на игру Таля, Смыслова, Кереса и других наших замечательных шахматистов! Мы разбирали партии гроссмейстеров и мастеров. А сколько было споров и предположений о том, как закончится спортивная борьба!

У нас есть и свои чемпионы. Лева Шахназаров занял первое место среди школьников в Баку, а Володя Агаджанов недавно получил второй разряд.

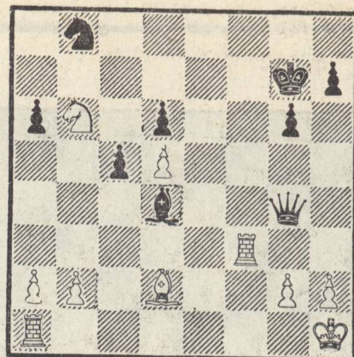
Дима Дадашидзе

ИНТЕРЕСНОЕ ОКОНЧАНИЕ

Чемпион бакинских школьников Лева Шахназаров имеет первый спортивный разряд. Есть и другие ребята, которые добились в шахматах серьезных успехов. Вот, например, Саша Багдасарян, ученик школы № 24. Саша не только хорошо играет сам, но у себя в школе он организовал шахматный кружок, где занимаются много ребят.

Принимал Саша участие и во всесоюзных соревнованиях юных шахматистов. Вот окончание одной из его партий, игранной недавно в полуфинале командного первенства среди школьников страны.

В этой позиции белыми играет Багдасарян, черными—Кивноя. Материальное соотношение сил примерно равное. У черных ферзь за две ладьи. Но черных губит неудачное положение короля, а также то, что их конь b8 попал в «офсайд», находится вне игры.

Борьба продолжалась так: 1. Лa1—f1 g6—g5 2. Cd2—c3! (Правильное решение. Белые устраняют слона d4, защищающего черного короля). 2... Cd4:c3 3. b2:c3 a6—a5 (чтобы открыть дорогу коню b8, но уже поздно...). 4. Лf3—f7+ Крg7—g8 5. Лf7—f8 + Крg8—g7 6. Лf8:b8 Фg4—e2 7. Лb8—g8 Фe2—b2 8. Лf8—f7 + Крg7—g6 9. Кb6—c8 Фb2:a2 10. Кc8—e7 + Черные сдались. Мат их королю неизбежен.

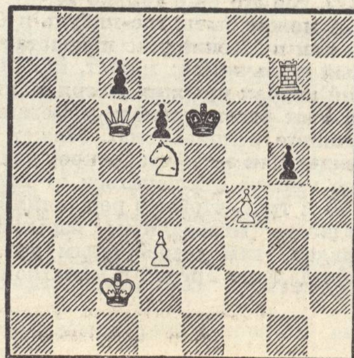
ЗДЕСЬ РАСТУТ МАСТЕРА

Большую работу ведет шахматный клуб Дворца пионеров. Здесь под руководством опытных тренеров, мастеров С. Абрамяна, Л. Листенгартена, кандидата в мастера Ч. Султанова бакинские ребята изучают теорию шахмат, участвуют в соревнованиях.

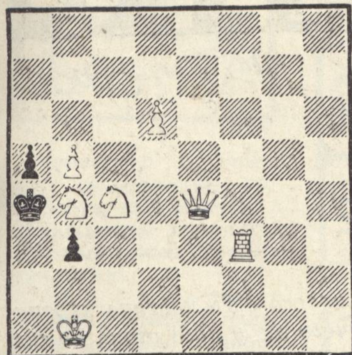
Дворец пионеров воспитал многих сильных шахматистов. Среди его воспитанников участник XXIX первенства СССР мастер В. Багиров и одна из лучших советских шахматисток, Т. Затуловская.

Немало членов шахматного клуба Дворца пионеров увлекается шахматной композицией, составляет и решает шахматные задачи.

Попробуйте и вы решить две задачи, которые составил ученик 36-й бакинской школы Джамедин Аскеров.

Найдите, как в этом положении белые, начиная игру, дают мат в два хода черному королю.

Наверное, вам понравится и еще одна задача, которую составил Джамедин.

И в этой позиции белые начинают игру, матуют в два хода черного короля.

Шлите решение этих задач.

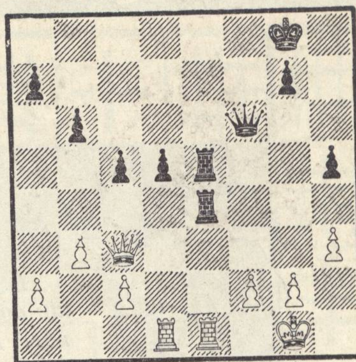
НОВЫЕ ОРУЖЕНОСЦЫ

За большие успехи в шахматах и общественную работу в школьных шахматных секциях, за помощь в проведении шахматного первенства страны в Баку принимаю в свои оруженосцы и награждаю грамотами «Ферзя и ладьи» пионеров и школьников Аббаса Оруджлы, Арифа Оруджлы, Марка Водовозова, Иру Спивак, Джамедина Аскерова, Александра Багдасаряна, Олега Поляничко, Георгия Бакланова, Изю Амнуэля.

ИНТЕРЕСНАЯ КОМБИНАЦИЯ

Много интересных комбинаций было в партиях XXIX первенства СССР, но особенно запомнилась бакинским ребятам комбинация из партии В. Багиров — Р. Холмов. И хотя в этой партии потерпел поражение бакинец В. Багиров, ребята радовались красоте замысла гроссмейстера Р. Холмова. Вот как надо играть, говорили они.

Это положение возникло после 24-го хода белых. Найдите, как добиваются здесь победы черные.

Ребята! В следующем номере журнала мы расскажем об итогах нашего конкурса решений задач и этюдов.

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ ЭТИ ДИАФИЛЬМЫ?

Такой конкурс объявили редакция журнала «Пионер» и студия «Диафильм» в декабрьском номере журнала. Мы получили 7 626 писем от отдельных участников конкурса и групп ребят.

Оказалось, что многие наши читатели любят диафильмы и верно определили, что на обложке даны кадры из диафильмов: «Пятеро железных друзей», «Дрессировщики», «Мурзилка на спутнике», «Максимка-пулеметчик», «Доктор «Айболит», «Сивка-бурка», «Горячий камень», «Приключения Пифа».

Самые лучшие ответы прислали:

1. Юра Юаранов (г. Вологда)
2. Александр Валеев (г. Москва)
3. Валерий Тышлек (г. Чита)
4. Татьяна Козинец (г. Шостка)
5. Юра Хухра (г. Москва)
6. А. Страхов (г. Феодосия)
7. Владимир Захарченко (г. Москва)
8. Эдуард Галичин (пос. Санчары, Якутская АССР)

Им всем присуждены первые премии.

Вторые премии получили 52 участника конкурса.

Третьи премии — 65 участников.

Премии — наборы цветных диафильмов — победителям конкурса высланы.

Всем ребятам, не заслужившим премий в этом конкурсе, желаем успеха в следующем.

Редакция журнала «Пионер», студия «Диафильм»

Марки говорят о пионерах

(Смотрите последнюю страницу обложки.)

Знаете ли вы, когда выпущена первая марка с изображением пионера? В 1929 году. Она была посвящена первому пионерскому слету. На ней горнист.

Рядом — другая марка с горнистом, она выпущена гораздо позднее, в 1958 году.

Кроме этих марок, пионерам посвящены целиком две серии, филателисты их так и называют пионерскими сериями.

Из первой серии здесь даны две марки: на одной — пионерский труд, на другой — борьба с хулиганством.

Синяя марка с пионерами у костра принадлежит ко второй серии. Наверно, не у многих юных филателистов есть такая марка. Она уже стала редкостью, хотя и выпущена в 1948 году.

После серии 1948 года выпускались и другие пионерские марки. Вы видите на них юных техников, авиамоделистов, юннатов. На большой красивой марке изображены пионеры в гостях у Мичурина. Марка, выпущенная в 1950 году, посвящена пионеру-герою Павлику Морозову.

Теперь пионерские марки есть и в других странах: в странах социализма. На нижней половине страницы показаны некоторые из пионерских марок Венгрии, Румынии, Чехословакии, Германской Демократической Республики. Марка ГДР принадлежит к серии, посвященной десятилетию организации пионеров-тельмановцев.

А знаете, что за марка с флагом, на котором тоже марка? Это флаг выставки коллекций юных филателистов, которая происходила в Чехословакии в 1957 году. Марка выпущена в честь выставки. Кроме флага, на ней изображены пинцет и лупа—«оружие» каждого истинного филателиста.

У кого из вас, ребята, полная коллекция пионерских марок? И собирает ли кто-либо из вас марки, посвященные филателии?

Почему и Отчего

Огонь в воде

В нашем учебнике физики для шестого класса есть цветная картинка: водолаз сваривает металл под водой. Отчего же у него огонь не гаснет? Ведь вода гасит огонь.

Олег Шумов

г. Новочеркасск.

Это правда, Олег, что ни спичка, ни полено, ни кусок каменного угля в воде гореть не будут. Для горения нужен газ кислород в свободном виде.

Но при электросварке действует электрический ток, электрическая дуга. Электрическую дугу можно зажечь и под водой, хотя слово «зажечь» здесь не совсем подходит. Электрическая дуга — это ведь не пламя горящего вещества, а поток электронов, летящих от одного электрода к другому. Электроны могут лететь и в воздухе, и в воде, и даже внутри металлической проволоки. Электроны на своем пути расщепляют ударами встречные молекулы газа, и газ начинает светиться. Дуга электросварки — родная сестра молнии, с тем различием, что это управляемая молния. Она возникает по воле сварщика и длится столько времени, сколько ему нужно для работы.

Для того, чтобы сварочная дуга горела, ей не нужен кислород. Ее можно зажечь и в водороде, и в азоте, и в любом другом газе. И она будет гореть до тех пор, пока к ее электродам подведено электрическое напряжение. Но самое интересное вот в чем: сварочная дуга, имеющая температуру в две с половиной тысячи градусов, заставляет гореть... воду! Происходит это так: из-за страшно высокой температуры вода вокруг дуги не может оставаться жидкой. Она превращается в пар, и вокруг дуги образуется пузырь, как бы камера с водяными стенками, наполненная водяным паром. Но и водяной пар не может вытерпеть такую температуру. Кислород и водород, из которых он состоит, отделяются друг от друга, перестают быть водой. Но как только они разделились, водород загорается от дуги, а так как водородное пламя дает добавочную температуру в 600 градусов, металл под водой сваривается еще легче, чем на воздухе.

Сварка металла — передовой метод и широко вводится у нас на стройках.

Недаром Ленинский комсомол взял шефство над «голубым пламенем», могучим другом строителей.

И. КАНАВЕЦ

Выше «крыши»

Почему Памир называют Крышей мира? Ведь есть же на земном шаре горы гораздо более высокие, чем Памир?

Сауле Мусурманкулова

г. Алма-Ата.

С твоим вопросом, Сауле, редакция обратилась по телефону в Музей землеведения Московского университета. Вот что ответили сотрудники музея.

Памир — это не просто высокие горы. Это плоскогорье. У гор, входящих в систему Памира, подошвы находятся выше, чем у иных гор верхушки. Горы Памира стоят как бы на крыше.

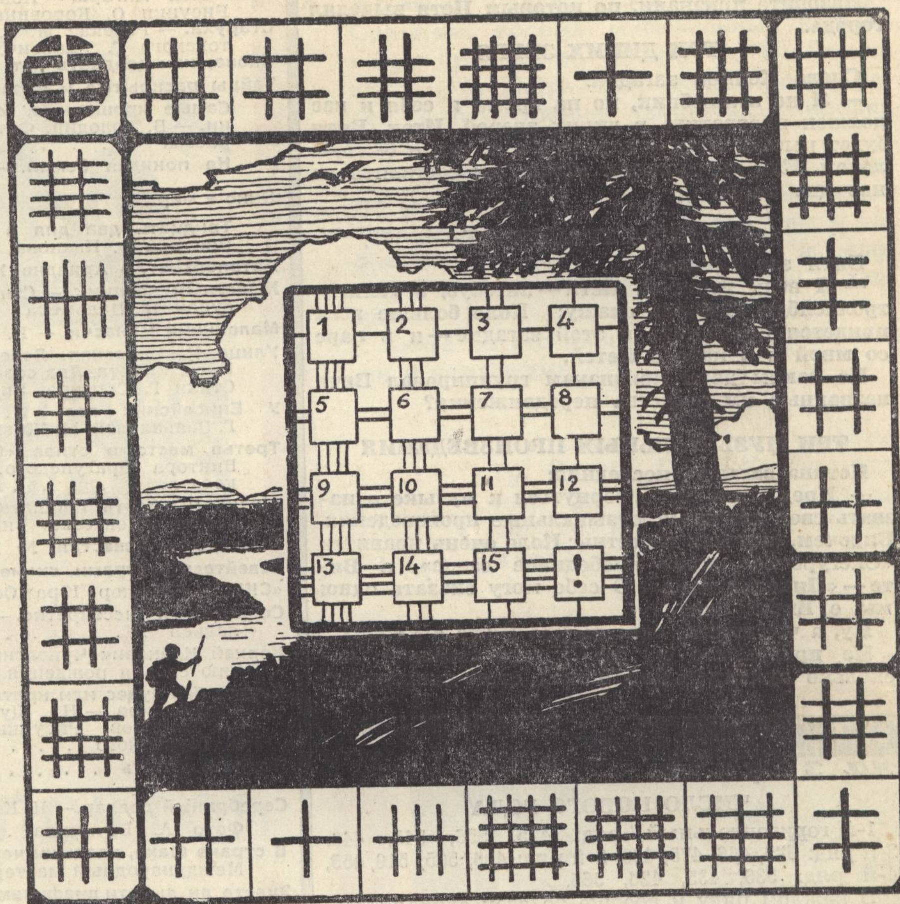
Только одно плоскогорье на всей планете расположено над уровнем моря еще выше, чем Памир. Это Тибет. Но название Памир, означающее «крыша мира», возникло не сейчас, а много столетий назад, когда народы, живущие в Средней Азии, не знали о существовании Тибета. И вообще в те времена точного измерения высоты гор никто не делал. Высоту Гималаев определили совсем недавно: меньше ста лет назад.

Е. РУБЦОВА

ПИОНЕРСКАЯ ЗАПОВЕДЬ

Криптограмма

Приступая к решению головоломки, начинайте, как обычно, с нахождения вспомогательных слов. Вот их значения:
I. 1, 2, 3, 4, 5 — лесная лазящая птица с сильным прямым клювом. II. 6. 7, 8, 3, 9 — хвойное дерево с плоской хвоей и с прямо стоящими шишками. III. 10, 2, 12, 7, 13, 9 — дерево с плодами в виде пучка оранжево-красных ягод, а также самые ягоды. IV. 14, 13, 13, 9, 3 — участник кружка по изучению природы. V. 3, 15, 10 — горный кавказский козел. VI. 12, 11, 12, 10 — животное из отряда грызунов с ценным мехом.

Заменив числа внутри фигуры найденными буквами, вы получите ключ к решению головоломки и сможете прочитать текст, зашифрованный в рамке, начиная с верхнего левого угла и двигаясь по ходу часовой стрелки.

ДВА ИЗ ТРЕХ

Три приятеля — Петя, Коля и Витя — возвращались в лагерь из колхоза, куда их посылали за овощами. Шли не с пустыми руками: у Пети в корзинке репа, у Коли — морковь, а Витя нес помидоры.

Идут, разговаривают о том, о сем.

— А ведь мы с тобой, Коля, вроде как пара! — объявил вдруг Петя.— У тебя морковь, у меня репа; наши с тобой овощи — корнеплоды, чего про Виткины помидоры никак не скажешь.

— Если хочешь знать,— сказал Витя,— так мы с Колей тоже пара; у него морковь, у меня помидоры — наши с ним овощи красного цвета, чего про твою репу не скажешь.

Что ж, и то и другое верно. В первом случае указывался один, во втором — другой признак, но каждый раз это был общий признак для двух разных овощей.

Пока добрались до лагеря, придумали еще несколько таких же примеров. Получилась интересная игра-головоломка, похожая на викторину. Мы предлагаем и вам, ребята, принять в ней участие и ответить на вопросы, которые ставили друг другу наши три приятеля.

ТРИ РЕКИ

Загадывает Коля:

— Мы ловим рыбу в разных реках; я сижу с удочкой на Каме, Петя — на Енисее, а Витя — на Иртыше. По каким признакам можно составить из нас две пары?

ТРИ МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТА

Теперь загадывает Витя:

— Вообразим, что мы стали музыкантами. Ты, Петя, играешь на виолончели, Коля — на флейте, а я... ну, скажем, на балалайке. Думаю, что из нас можно составить две разные пары, причем Петя войдет и в ту и в другую. Попробуйте-ка сделать это!

ТРИ ГОРОДА

Предлагает загадку Петя:

— Я родился в Риге, Коля — в Минске, а Витя — в Ленинграде. Если судить по городам, так мне опять повезло: я и с Колей и с Витей в паре!

Назовите признаки, по которым Петя выделял города.

ТРИ ДИКИХ ЗВЕРЯ

Снова Колина загадка:

— Я не волшебник, но на время и себя и вас должен превратить в диких зверей. Итак, Витя будет рысью, Петя — лисицей, а я, так и быть,— львом. Как вы думаете: можно ли составить из нас две пары?

ТРИ ВИДА ТРАНСПОРТА

Витя загадывает:

— Я веду трамвай, Петя — автобус, а Коля — троллейбус. Наперед скажу: Коле больше всех придется поработать в этой загадке — и в паре со мной и в паре с Петей.

По каким двум признакам группировал Витя названные им средства передвижения?

ТРИ МУЗЫКАЛЬНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Петина загадка, последняя:

— Предлагаю снова вернуться к музыке и назвать свои любимые музыкальные произведения. Впрочем, они мне известны: Коле очень нравится «Снегурочка», мне — «Лебединое озеро», а Вите — «Пиковая дама». О себе могу сказать одно: мы с Витей пара.

Ну, а что можно сказать про Витю с Колей?

Не придумаете ли вы, друзья-читатели, несколько примеров для нашей игры-викторины?

ОТВЕТЫ *на задачи,* ПОМЕЩЕННЫЕ в №№ 1 и 2

ЧИСЛО НОВОГО ГОДА

1-й горизонтальный ряд: 415, 556, 545, 446. 2-й ряд: 525, 466, 475, 496. 3-й ряд: 486, 505, 516, 455, 4-й ряд: 536, 435, 426, 565.

В каждом ряду и вообще во всех случаях, перечисленных в задаче, сумма четырех чисел при таком построении «волшебного» квадрата будет равна 1 962.

ВОРОБЬИ НА ДЕРЕВЬЯХ

На первом дереве — 3 воробья, на втором — 9, на третьем — 2, на четвертом — 18.

УРАЛЬСКИЕ СКАЗЫ

Названия сказов: 1. «Медной горы хозяйка». 2. «Голубая змейка». 3. «Каменный цветок». 4. «Таюткино зеркальце». 5. «Огневушка-Поскакушка». По выделенным клеткам: «Малахитовая шкатулка».

Содержание

Редактор **Н. В. ИЛЬИНА.**

Редакционная коллегия: **Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Ф. В. Лемкуль, А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. Н. Орджоникидзе, В. И. Орлов, В. А. Поддубная** (ответственный секретарь), **М. П. Прилежаева.**

Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, дом 28. Телефон Д 3-30-73.

Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор **П. Кузьмичев.** Технический редактор **В. Пархоменко.**

А 00042. Подписано к печати 3/III 1962 г. Формат бум. 84×108¹/₁₆. Тираж 565 000 экз. Бум. листов 2,62. Изд. № 496. Печ. листов 8,61. Заказ № 323.

Ордена Ленина типография газеты «Правда», Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Здесь вы найдете две детских оперы: «Песенка в лесу» Р. Бойко и «Красная шапочка» М. Черняка — и балет «Юннаты» М. Магиденко, материалы для хоровых и танцевальных кружков: сценарий музыкального диафильма «Сказка о царе Салтане», восемь музыкальных картин-инсценировок по опере М. И. Глинки «Руслан и Людмила», инсценировки песен, стихотворений, танцы-инсценировки и музыкальные загадки.

В сборнике даются режиссерские советы о том, как поставить музыкальные спектакли на школьной сцене или в пионерском лагере, клавиры опер и балета, ноты к инсценировкам, песням и танцам.

Книга богато иллюстрирована рисунками и чертежами.

Заказы направляйте по адресу: Москва, Г-309, Физкультурный пр., 11/25, корпус 6. Магазин № 107 Москниги. Отдел «Книга—почтой».

КНИГА—ПОЧТОЙ

Книжный магазин № 107 Москниги высылает наложенным платежом такие книги:

МОСКОВСКИЙ ЗООПАРК. Изд-во «Московский рабочий», 1961. Цена 1 р. 38 к.

Сборник «Московский зоопарк» богато иллюстрирован рисунками Ватагина В. А., известного художника-анималиста, и фотографиями. В нем интересно рассказывается об обитателях Московского зоопарка. Книгу эту с увлечением прочтут и взрослые и ребята. А для юных зоологов и художников-анималистов она будет хорошим пособием.

ПИОНЕРСКИЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ ТЕАТР. Сборник четырнадцатый. В помощь детской художественной самодеятельности. «Молодая гвардия», 1961. Цена 1 р. 59 к.

Цена 25 коп.

МАРКИ ГОВОРЯТ О ПИОНЕРАХ